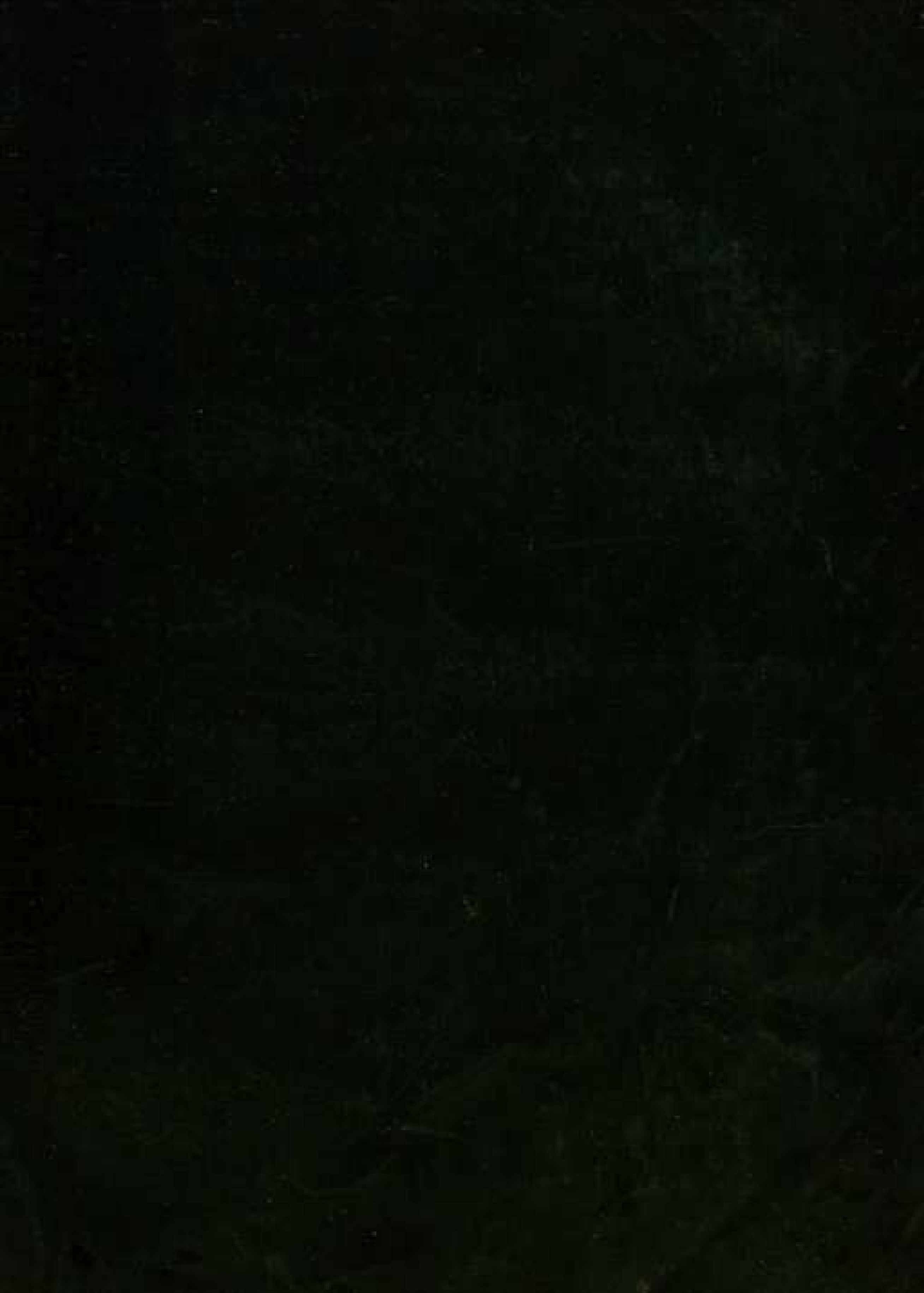
Сказки Голубой Феи

Л. А. Чарской

ИЗДАНІЕ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ

Позвалъ царь Холодъ всѣхъ трехъ дочерей и говоритъ...

Къ сказкѣ «ЦАРЕВНА ЛЬДИНКА».

СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ иллюстрацiями В. Мельникова, З. Шапиро, А. М. Бальцера и друг.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13. | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1912

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. [illegible]
1912

Солнце... весна... зелень кругомъ... Хорошо... Ахъ, хорошо!

О чемъ шепчетъ рѣчка? Не знаю!

О чемъ ворчитъ лѣсъ? Не знаю.

О чемъ перешептываются мотыльки и кузнечики? Тоже не знаю.

А только хорошо! Такъ хорошо, точно снова мнѣ три года, и старая няня плететъ мнѣ вѣнокъ изъ полевой ромашки.

Хочется подружиться и съ солнцемъ, и съ рѣчкой, и съ ворчуномъ-лѣсомъ, который шумитъ и шумитъ про что-то. А зачѣмъ шумитъ и про что шумитъ—никто не пойметъ и понять не можетъ.

Чу! Что это? Не то птичка шарахнулась изъ кустовъ и меня крыломъ задѣла... не то мотылекъ вспорхнулъ на плечо, смотритъ... смѣется...

Нѣтъ! не птичка, не мотылекъ это, а веселая крошечная голубая дѣвочка. У нея серебристыя крылышки за спиною и кудри, легкіе, какъ пухъ. Я знаю ее—это фея голубого воздуха и весенняго неба, фея золотого солнца и майскаго праздника.

— Здравствуй, голубая фея! Зачѣмъ ты прилетѣла ко мнѣ?

Она смѣется.

Она всегда смѣется, голубая, радостная, безпечная.

— Я прилетѣла,—говоритъ она,—передать тебѣ то, про что шумитъ лѣсъ и рокочетъ рѣчка, про что поетъ соловей и весна, разсказать о томъ, какъ живутъ, радуются и страдаютъ маленькія королевы, какъ веселятся крошечныя феи. И про суровыхъ и кроткихъ королей, про добрыхъ волшебниковъ, про бѣдныхъ и несчастныхъ людей и еще про многое-многое другое разскажу тебѣ сказки. А ты, большая, передашь эти сказки маленькимъ людямъ...

— Знаю я сказки. Много старыхъ сказокъ, которыя няня еще въ дѣтствѣ разсказывала мнѣ у камина,—говорю я феѣ.

А фея смѣется. Журчитъ, поетъ ея серебристый голосокъ.

— Странная ты, — смѣется фея, — ты знаешь сказки людскія, а я тебѣ разскажу тѣ, что выдумали старый лѣсъ и шаловливая рѣчка, и золотое солнце прислало къ намъ сюда съ весенними лучами. И тѣ, которыя принесъ орелъ на своихъ крыльяхъ, медвѣдь прорычалъ въ берлогѣ, и тѣ, что прозвенѣли серебряными голосами такія-же маленькія феи, какъ я. Слушай! Слушай!

Зажурчала, залепетала, зазвенѣла фея,—и я узнала отъ нея все, все...

Знаю теперь о томъ, что нашептываетъ лѣсъ.

О чемъ лепечетъ рѣчка...

Про что шумитъ вѣтеръ...

Что посылаетъ солнце въ золотыхъ лучахъ...

Какъ страдаютъ люди, какъ веселятся феи, какъ живутъ короли и королевны...

Знаю сказки, переданныя мнѣ голубой феей. Ихъ было много, много, но всѣхъ не запомнить. Что запомнила, разскажу, что позабыла, повторитъ въ другой разъ голубая фея.

Не взыщите... Л. А. Чарская.

НА высокой, высокой горѣ, подъ самымъ небомъ, среди вѣчныхъ снѣговъ стоитъ хрустальный дворецъ царя Холода. Онъ весь выстроенъ изъ чистѣйшаго льда и все въ немъ, начиная съ широкихъ дивановъ, креселъ, рѣзныхъ столовъ, зеркалъ и кончая подвѣсками у люстръ—все ледяное.

Батюшка царь грозенъ и угрюмъ. Сѣдыя брови нависли у него на глаза, а глаза у него такіе, что кто на нихъ ни взглянетъ, того колючимъ холодомъ такъ и пройметъ. Борода у царя совершенно бѣлая и въ ней словно блестки отъ каменьевъ драгоцѣнныхъ запутались, и самоцвѣтными искрами вся она такъ и переливается.

Но краше бороды царской, краше его высокаго дворца, краше всѣхъ сокровищъ—три дочери царя, три красавицы царевны: Вьюга, Стужа и Льдинка.

У царевны Вьюги черныя очи и такой звонкій голосъ, что его внизу въ долинахъ далеко слышно... Царевна Вьюга всегда чрезвычайно весела и танцуетъ и поетъ цѣлый день.

Средняя царевна, Стужа, не уступитъ въ красотѣ старшей сестрѣ, только горда она и кичлива, ни съ кѣмъ добрымъ словомъ не обмолвится, никому головой не кивнетъ, и ходитъ, стройная да румяная, по своему терему, вполнѣ довольная своей красотой, никому не открывая своего сердца.

За то младшая сестра—царевна Льдинка—совсѣмъ иная: разговорчива, словоохотлива и ужъ такъ хороша, что при видѣ ея у самого грознаго царя Холода очи загораются нѣжностью, сѣдыя брови расправляются и по лицу добрая, ласковая улыбка скользитъ. Любуется царь дочкой, любитъ ее и такъ балуетъ, что старшія царевны обижаются и сердятся за это на царя.

— Льдинка—батюшкина любимица,—съ завистью говорятъ онѣ.

И красавица же уродилась младшая царевна, такая красавица, что другой такой во всемъ Ледяномъ царствѣ не сыскать.

Локоны у царевны—чистое серебро.... Глаза—какъ сапфиры синіе и какъ алмазы самоцвѣтные. Уста—алыя, какъ цвѣтокъ розы въ долинѣ, а сама вся нѣжная да хрупкая, какъ драгоцѣнное изваяніе изъ лучшаго хрусталя.

Какъ взглянетъ на кого своими синими лучистыми глазами Льдинка, такъ за одинъ взглядъ этотъ каждый жизнь свою готовъ отдать.

Царевны весело живутъ въ своемъ высокомъ теремѣ. Днемъ онѣ пляшутъ, играютъ, да дивныя сказки старшей царевны Вьюги слушаютъ, а ночью на охоту за барсами и оленями выѣзжаютъ.

И тогда по всѣмъ горамъ да ущельямъ такой гулъ и шумъ подымается, что люди въ страхѣ отъ этого шума спѣшатъ изъ горъ и изъ лѣса къ себѣ по домамъ.

Царевнамъ только и можно ночью изъ дома выходить... Днемъ онѣ изъ терема показаться не смѣютъ, такъ какъ у царя Холода и у его дочерей-красавицъ есть опасный, страшный врагъ.

Этотъ врагъ—король Солнце, который живетъ въ высокомъ теремѣ, выше самаго дворца царя Холода, и то и дѣло посылаетъ свою рать на Ледяное царство, то и дѣло шлетъ свои лучи узнать-извѣдать, какъ легче и лучше побѣдить ему непобѣдимаго врага, царя Холода. А вражда у нихъ давнишняя, старая. Съ тѣхъ поръ, какъ выстроенъ хрустальный дворецъ на утесѣ, съ тѣхъ поръ, какъ стали пчелы за медомъ въ долинахъ летать, съ тѣхъ поръ, какъ цвѣты запестрѣли въ лѣсу и въ полѣ, съ тѣхъ поръ и поднялась между царемъ Холодомъ и королемъ Солнцемъ эта вражда не на жизнь, а на смерть.

Строго-на-строго блюдетъ царь Холодъ, чтобы лукавый король не проникъ какъ-нибудь въ его царское жилище, не сжегъ своимъ роковымъ огнемъ и дочерей его и самый дворецъ изъ хрустальнаго льда.

День и ночь стоитъ стража на караулѣ вокругъ царскаго дворца,

и строго приказано ей слѣдить, чтобы ни одинъ изъ Лучей-воиновъ короля Солнца не проникъ сюда. А царевнамъ на-крѣпко запрещено выходить днемъ изъ дворца, чтобы какъ-нибудь ненарокомъ не встрѣтиться съ королемъ.

Вотъ почему день-деньской, пока страшный король гуляетъ по своимъ и чужимъ владѣньямъ, царевны-красавицы сидятъ въ терему и нижутъ ожерелья жемчужныя, да ткутъ алмазныя пряжи, да слагаютъ дивныя сказки и пѣсни... А придетъ ночь, золотыя звѣзды усыплютъ небо, ясный мѣсяцъ выплыветъ изъ-за облаковъ,—тогда выходятъ онѣ изъ хрустальнаго терема и скачутъ въ горы гонять барсовъ да оленей.

Но не все-же царевнамъ за барсами и оленями гоняться, да звѣзды считать, да алмазныя нити выводить, да дивныя пѣсни и сказки складывать.

Пришла пора замужъ царевенъ выдавать...

Позвалъ царь Холодъ всѣхъ трехъ дочерей къ себѣ и говоритъ:

— Дѣти мои! Не все вамъ въ родномъ теремѣ сидѣть подъ крылышкомъ отцовскимъ. Выдамъ-ка и васъ замужъ за трехъ прекрасныхъ принцевъ нашей стороны, трехъ родныхъ братьевъ. Тебѣ, царевна Стужа, дамъ въ мужья краснощекаго принца Мороза; у него несмѣтныя богатства изъ подвѣсокъ и украшеній драгоцѣнныхъ... Несчетными сокровищами надѣлитъ онъ тебя. Будешь ты самою богатою принцессою въ мірѣ... Тебѣ, царевна Вьюга, дамъ принца Вѣтра въ мужья. Онъ не такъ богатъ, какъ его братъ Морозъ, но за то такъ могучъ и такъ силенъ, что въ могуществѣ и силѣ нѣтъ ему равнаго въ мірѣ. Онъ будетъ тебѣ добрымъ защитникомъ-мужемъ. Будь покойна, дочка... А тебѣ, моя любимица,—съ ласковой улыбкой обратился старый царь къ младшей дочери Льдинкѣ,—дамъ я такого мужа, который подходитъ къ тебѣ больше всего. Правда, онъ не могуществененъ, какъ принцъ Вѣтеръ, и не богатъ, какъ принцъ Морозъ, но за то отличается несказанной, безграничной добротой и кротостью. Принцъ Снѣгъ—твой женихъ нареченный. Всѣ его любятъ, всѣ почитаютъ. И не даромъ: всѣхъ-то онъ приласкаетъ, всѣхъ прикроетъ своей бѣлой пеленой. Цвѣты, травы и былинки чувствуютъ себя за зиму подъ его пеленою точно подъ теплымъ, пуховымъ одѣяломъ. Онъ добръ и ласковъ, кротокъ и нѣженъ. А доброе, ласковое сердце дороже всѣхъ могуществъ и богатствъ въ цѣломъ мірѣ.

Низко-низко поклонились старшія царевны отцу, а младшая

надула губки, нахмурила брови и процѣдила сквозь зубы недовольнымъ голосомъ:

— Не хорошо ты придумалъ, батюшка-царь... Самаго незавиднаго жениха мнѣ, своей любимой дочери, выискалъ. Что толку, что добръ принцъ Снѣгъ и ласковъ, когда онъ не можетъ ни подарить мнѣ драгоцѣнныхъ уборовъ, какъ Морозъ сестрицѣ Стужѣ, ни побиться на смерть, какъ принцъ Вѣтеръ, съ врагами и всѣхъ своею силою одолѣть... Къ тому-же его старшіе братья надъ нимъ такую силу взяли!... Вѣтеръ его по своему желанію кружитъ, вертитъ, а принцъ Морозъ однимъ мановеніемъ руки можетъ къ мѣсту приковать, и безъ его разрѣшенія бѣдный принцъ Снѣгъ не въ состояніи и двинуться....

— Такъ это и хорошо!—произнесъ царь, нахмуривъ свои сѣдыя брови,—принцъ Снѣгъ—младшій изъ братьевъ, а покорность старшимъ —это одно изъ лучшихъ достоинствъ молодого принца.

Но царевна все свое твердитъ:

— Не любъ мнѣ принцъ Снѣгъ, батюшка, не хочу идти за него замужъ!

Разсердился, разгнѣвался царь Холодъ. Дунулъ направо, дунулъ налѣво... Заскрипѣли льды-ледники, захолодѣла земля... Всѣ пушные звѣри со страху попрятались въ норы, а старый горный орелъ вскинулъ крыльями, да тутъ же и замеръ въ воздухѣ.

А царь Холодъ какъ загремитъ своимъ грознымъ голосомъ на младшую дочку:

— Что ты понимаешь, Льдинка? Лучше мужа тебѣ самой не сыскать. И не смѣй упрямиться!.. Иди въ свой теремъ и приготовься къ вечеру, какъ слѣдуетъ встрѣтить жениха. На сегодняшній балъ во дворецъ приглашены мною всѣ три принца.

Горько заплакала царевна, но не посмѣла ослушаться царя-батюшку и, поникнувъ головою, поплелась въ свой теремъ.

Сѣла царевна въ уголокъ, серебряныя слезинки изъ синихъ глазъ роняетъ и тутъ же эти слезинки въ прекрасныя брилліантовыя капельки на щекахъ ея превращаются.

Собрала брилліантовыя слезинки въ пригоршню царевна, смотритъ на нихъ и думаетъ: „вотъ сокровища, которыя я должна собирать теперь, потому что у моего жениха ничего нѣтъ и я собственными слезами должна создавать себѣ богатство".

Глупенькая царевна! она не знала, что не богатство составляетъ истинное счастье каждаго существа.

И вдругъ видитъ царевна, что чудными огнями заиграли у нея на

ладони бриллiантовыя слезинки... Она испуганно подняла голову и увидѣла, что въ окно ея терема глядитъ красавецъ-мальчикъ, такой свѣтлый и радостный, какого она не видѣла никогда.

— Кто ты?—вскричала царевна, вскакивая со своего мѣста и подбѣгая къ окошку.

— Я слуга одного молодого короля, который хорошъ, какъ день, могучъ, какъ горный орелъ, и богатъ, какъ три царя Холода вмѣстѣ взятые...

— Богаче чѣмъ мой отецъ и принцъ Морозъ даже?—вскричала изумленная царевна.

— Куда передъ нимъ твой принцъ Морозъ!—насмѣшливо произнесъ мальчикъ.—Принцъ Морозъ просто нищiй передъ нашимъ повелителемъ.

— А какъ зовутъ твоего короля?—поинтересовалась красавица.

— Его зовутъ король Солнце!—произнесъ гордо мальчикъ.

Едва только успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ царевна съ крикомъ отодвинулась отъ окошка и, въ ужасѣ закрывъ лицо руками, произнесла:

— Уйди! Уйди! Я знаю кто ты! Ты мальчикъ Лучъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ посылаетъ король Солнце войною на наше царство. Какъ ты осмѣлился и сумѣлъ проникнуть сюда, когда вокругъ нашего дворца стоитъ стража?

Мальчикъ Лучъ только усмѣхнулся въ отвѣтъ своими сверкающими глазами.

— Всѣ ваши теперь заняты приготовленiемъ къ балу... Ваши стражи, Зефиры, разлетѣлись въ разныя стороны съ приглашенiями гостей. Я воспользовался этимъ и, какъ самый маленькiй изъ слугъ моего короля, проникнулъ къ твоему терему.... Что скажешь ты на это, царевна Льдинка?

— Скажу одно!—гнѣвно топнувъ ножкою, вскричала царевна.—Скажу одно: твой король заклятый врагъ нашъ и я сейчасъ крикну стражу, которая прибѣжитъ схватить тебя.

— Не торопись, царевна!—произнесъ мальчикъ Лучъ въ отвѣтъ спокойнымъ голосомъ.—Ну, схватишь ты меня, а потомъ что? Будешь кружиться, какъ глупая козочка, на балу съ твоимъ женихомъ Снѣгомъ и то, если ему позволятъ кружиться старшiе принцы: Морозъ и Вѣтеръ. А потомъ отдадутъ тебя замужъ за бѣднаго принца, ихъ младшаго брата, и проживешь ты свой долгiй вѣкъ, не видя ни роскоши, ни могущества, ни богатства, ты, самая красивая изъ царевенъ. А въ

это время твои сестры прославятся через своихъ мужей. Ихъ ждетъ богатство и могущество.

— Ахъ, правду ты говоришь, мальчикъ Лучъ,—произнесла Льдинка,—истинную правду,—и она печально поникла своей прекрасной головкой.

Мальчикъ Лучъ долго молча смотрѣлъ на нее. По лицу его промелькнула лукавая улыбка.

— Не тужи, красавица-Льдинка!—произнесъ онъ самымъ ласковымъ голоскомъ.—Я не даромъ проникъ въ твой теремъ. Я прилетѣлъ сюда съ цѣлью посватать тебя за такого знатнаго жениха, такого богатаго, что твои сестры лопнутъ отъ зависти, узнавъ про это. Хочешь быть женою самого короля Солнца, моего господина?

Царевна Льдинка даже замерла отъ ужаса, услыша это. Она долго не могла произнести ни слова, а когда заговорила снова, то голосъ ея дрожалъ отъ волненія и страха.

— Нѣтъ, нѣтъ... Король Солнце нашъ врагъ.... Не даромъ мой отецъ, царь Холодъ, всячески скрываетъ всѣхъ насъ отъ него... Солнце только и ищетъ случая погубить насъ....—заключила она съ трепетомъ.

— И ты вѣришь этому, маленькая царевна?—звонко разсмѣялся Лучъ.—Все это вздоръ: король Солнце лучшій изъ царей вселенной. Онъ заботливъ и ласковъ, какъ нѣжная мать... Если царь Холодъ не хотѣлъ, чтобы вы познакомились съ нимъ, такъ это оттого только, чтобы ты и сестры твои не увидѣли, что самъ онъ, могущественный вашъ повелитель и отецъ, куда слабѣе великаго короля Солнца...

— Такъ вотъ оно что!...—задумчиво произнесла царевна.—А я думала... Отчего же онъ воюетъ съ батюшкой?—внезапно высказала она мелькнувшую мысль.

— Отчего? А вотъ сейчасъ узнаешь!...—звонко разсмѣялся солнечный Лучъ.—Король Солнце любитъ тебя и хочетъ взять тебя за себя замужъ, а батюшка твой противъ этого... Ему не выгодно, чтобы его зять былъ знатнѣе его...

— Понимаю теперь, — проговорила тихо принцесса, — все понимаю... А если я и впрямь выйду за Солнце, онъ нашьетъ мнѣ такихъ же уборовъ и нарядовъ, какіе Морозъ сдѣлаетъ сестрицѣ Стужѣ?

— Во сто разъ краше и богаче нарядитъ тебя мой король, царевна! —увѣренно произнесъ мальчикъ Лучъ.

— Ну, тогда я готова быть женою твоего короля,—весело проговорила Льдинка.—Воображаю, какъ позавидуютъ мнѣ сестры и

самъ батюшка-царь, когда увидятъ меня самой богатой и знатной королевой въ мірѣ!

И царевна Льдинка гордо выпрямилась и кинула на мальчика Луча такой взглядъ, точно она была уже его царицей, а онъ ея подданнымъ.

— Вотъ и отлично, ваше высочество, моя будущая королева,—съ низкимъ поклономъ произнесъ Лучъ.—Я такъ и думалъ, что вы самая умная царевна въ мірѣ, и скоро поймете тѣхъ, кто искренно желаетъ вамъ добра,—съ тонкою улыбкою добавилъ онъ.—А теперь не угодно-ли вамъ пожаловать за мною?

— Куда?—испуганно произнесла царевна.

— Въ царство короля Солнца, моего повелителя!—съ новымъ поклономъ произнесъ Лучъ.

Царевнѣ Льдинкѣ очень понравилось такое почтительное обращеніе. Она любила лесть.

Мальчикъ Лучъ ударилъ въ ладоши, и вмигъ легкая колесница, цвѣта утренней зари, сплетенная изъ лепестковъ розъ, появилась передъ нею. Двѣ исполинскія мохнатыя пчелки везли ее.

— Садитесь скорѣе, царевна!—торопилъ ее мальчикъ Лучъ, въ одну минуту занимая мѣсто на козлахъ,—а то наши кони, дѣти солнечныхъ дней, замерзнутъ въ вашемъ холодномъ царствѣ.

Льдинка не заставила себя приглашать вторично. Знатность, могущество и богатство, которыя улыбались ей въ самомъ недалекомъ будущемъ, заставили ее весело и легко впрыгнуть въ розовый экипажъ, и они понеслись.

Изумленная стража ледяного дворца царя Холода со страхомъ увидѣла пронесшуюся мимо нея царевну, но, пока успѣла поднять тревогу, Льдинка съ Лучомъ были уже далеко. Имъ навстрѣчу попалась бабушка Пурга, съ головы до ногъ закутанная въ свое бѣлое покрывало.

Она грозила клюкой, стараясь преградить путь царевнѣ, и кричала:

— Берегись, царевна, не слушай льстивыхъ рѣчей! Будь покорна отцу. Вернись! Вернись!...

Но Лучъ только со смѣхомъ заглянулъ въ лицо старухѣ, и та съ громкимъ проклятіемъ со всѣхъ ногъ понеслась въ горы.

Между тѣмъ бѣлые ледники и сугробы исчезли.... Тепломъ и ароматомъ пахнуло на царевну. Передъ ней показался роскошный садъ.

Тамъ прогуливались феи, воздушныя и нѣжныя, какъ сонъ. Ихъ

длинные волосы отливали золотомъ, алыя уста улыбались; ихъ легкія платья, сотканныя изъ лепестковъ розъ и лилій, были самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ. Легкія и воздушныя, онѣ носились, танцуя въ воздухѣ, чуть шурша своими легкими крыльями, казавшимися серебряными въ блескѣ майскаго дня.

Въ одинъ мигъ, увидя царевну, появившуюся среди нихъ, онѣ залепетали звонкими, какъ свирѣль, тоненькими голосками:

1-я фея.

Какая хорошенькая дѣвочка!

2-я фея.

Совсѣмъ не хорошенькая! Закуталась въ такую жару и выглядитъ кусочкомъ снѣга!

3-я фея.

У нея глаза, какъ синее озеро!

4-я фея.

Наши разноцвѣтные глазки выглядятъ куда лучше!

5-я фея.

Она никуда не годится. Она ничто въ сравненіи съ нами по красотѣ!

6-я фея.

Она тяжела и неуклюжа и не можетъ кружиться въ воздухѣ, какъ мы...

7-я фея.

Просто ледяная сосулька, которой нѣтъ мѣста въ нашемъ чудесномъ царствѣ.

8-я фея.

Уродливая сосулька, и больше ничего.

И затѣмъ всѣ феи вмѣстѣ закричали:

— Сосулька! Сосулька! Сосулька!

Бѣдной царевнѣ Льдинцѣ хотѣлось заплакать отъ горя и обиды. Но ея синіе глаза не знали слезъ. Ея сердце только захолодѣло еще больше. Оно до краевъ наполнилось теперь гордымъ презрѣніемъ къ маленькимъ феямъ за ихъ недоброе отношеніе къ ней.

И она гордо и громко произнесла:

— Ага, вы смѣетесь теперь надо мною, я кажусь вамъ гадкой и смѣшной, но когда я буду вашей повелительницей, женою короля Солнца, вы будете низко кланяться мнѣ и все во мнѣ найдете прекраснымъ.

И какъ будто уже предвкушая свою побѣду надъ насмѣшница-

ми-феями, царевна Льдинка гордо прошлась передъ ними, обдавая ихъ холодомъ съ головы до ногъ.

— Ахъ, противная сосулька, что она говоритъ? — вскричали нѣжныя феи и угрожающе подступили къ царевнѣ Льдинкѣ, размахивая передъ самымъ ея лицомъ своими крылышками.

Вдругъ смутный гулъ пронесся по свѣтлому царству. Тысячи разноцвѣтныхъ мотыльковъ заметались въ разныя стороны. Стая жаворонковъ поднялась въ голубомъ воздухѣ и запѣла хоромъ.

Ахъ, что это была за пѣсня!

Такой пѣсни царевна Льдинка въ жизни не слышала въ своихъ нагорныхъ ледникахъ. Сестра Вьюга пѣла хуже, въ сто разъ хуже звонкихъ жаворонковъ.

Мальчики Лучи появились въ огромномъ количествѣ и стали двумя рядами на пышной цвѣточной полянѣ.

— Король Солнце идетъ! Король Солнце идетъ! — зашептали веселыя феи и стали охорашиваться въ ожиданіи своего молодого повелителя.

И вдругъ все разомъ чудесно засіяло въ свѣтломъ царствѣ. Царевна Льдинка даже зажмурилась невольно. Столько блеска и свѣта было кругомъ, что глазамъ становилось больно.

Неожиданно появился на золотой колесницѣ златокудрый юноша такой красоты, какой еще не видывала Льдинка.

И весь онъ сіялъ: сіяли даже его волосы, глаза и одежда. На пышныхъ кудряхъ лежала золотая корона, отъ которой и происходило сіяніе, больно рѣзавшее глаза. Цѣлая свита мальчиковъ Лучей толпилась вокругъ.

Всѣ феи при видѣ короля упали на колѣни. Одна царевна Льдинка гордо выступила впередъ. Окинувъ надменнымъ взоромъ толпу фей, она смѣло посмотрѣла на красавца-короля и сказала:

— Глупыя, маленькія, ничтожныя дочери воздуха посмѣли смѣяться надо мной, могучей царевной, ихъ будущей повелительницей. Накажи ихъ, король Солнце, накажи тотчасъ!

Король нѣжно поднялъ глаза на царевну.

— Вотъ сейчасъ увидите! вотъ сейчасъ увидите! — произнесла торжествующая Льдинка, обращаясь къ феямъ,—я невѣста короля Солнца и вы должны поклониться мнѣ, какъ вашей повелительницѣ-королевѣ.

Она хотѣла еще прибавить что-то и вдругъ остановилась.

Цѣлый снопъ лучей вырвался изъ золотыхъ очей короля Солнца. Раскаленными иглами впились они въ лицо Льдинки.

Изъ груди ея вырвался громкій крикъ, ноги подкосились, глаза закрылись и она упала навзничь, блѣдная, какъ смерть.

И подъ жгучимъ взглядомъ короля Солнца Льдинка быстро таяла, таяла...

. . . .

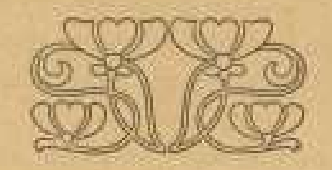
На горахъ, въ ледникахъ, старый царь Холодъ рыдалъ въ отчаяніи, узнавъ про гибель дочери. Стужа и Вьюга вторили ему, оплакивая красавицу-сестричку.

А Льдинка растаяла, умерла совсѣмъ, умерла, сожженная Солнцемъ, его золотыми глазами.

Отъ нея не осталось уже слѣда, когда король Солнце приказалъ насмѣшницамъ-феямъ:

— Сплетайте хороводы и пойте пѣсни... Я отправляюсь воевать съ царемъ Холодомъ и вскорѣ надѣюсь торжествовать побѣду надъ моимъ врагомъ

И феи съ веселыми пѣснями полетѣли въ разныя стороны съ радостной вѣстью, а люди счастливыми улыбками встрѣтили благую вѣсть о приближеніи Солнца, ихъ любимаго, свѣтлаго короля...

У знатнаго богатаго самурая* была дочь. Звали ее Хана. У мусме** Ханы были красивые черные глаза, блестящiе волосы и тонкiй нѣжный голосокъ.

У мусме Ханы была добрая душа и про нее сложилась въ Японiи дивная сказка.

Я слышала эту сказку отъ стараго сѣдого орла, который прилеталъ на скалу близъ священной горы Фузи-Яма, расположенной неподалеку отъ большого японскаго города.

Старый сѣдой орелъ часто прилеталъ на голую скалу у берега моря и разсказывалъ сказки.

И вотъ въ послѣднiй разъ онъ разсказалъ о дѣвушкѣ Ханѣ, дочери самурая.

Я запомнила сказку стараго сѣдого орла и отъ слова до слова передамъ ее вамъ.

Мусмѣ Ханѣ было пятнадцать лѣтъ. Только пятнадцать. Когда ей исполнится шестнадцать, отецъ ея, знатный самурай, придетъ въ ея зару, въ большую теплую зару,—такъ называется по-японски комната,—и, по принятому въ Японiи обычаю, принесетъ ей оби.

Знаете-ли, что значитъ «оби»?

---

* Такъ назывались древнiе японскiе рыцари, бояре.

** Мусме—по-японски дѣвушка. Въ японскомъ языкѣ это слово употребляется и въ обращенiяхъ, какъ французское «mademoiselle» или нѣмецкое «Fräulein».

Это поясъ. Широкій, шелковый поясъ, сотканный изъ пестрой или розовой ткани, нѣжный и красивый, какъ восточное утро, или какъ полоса розовой зари надъ сонной страной. По обоимъ концамъ пояса спускаются золотыя кисти. Японскія дѣвушки придаютъ огромное значеніе оби. Чѣмъ знатнѣе по своему происхожденію мусме, тѣмъ пышнѣе и нараднѣе ея оби. Красивый, пышный, съ вышитыми на немъ цвѣтами, птицами и вѣерами, онъ не можетъ принадлежать простолюдинкѣ: тѣ носятъ самые скромные пояса. За то дочери богатыхъ самураевъ, вельможъ и сановниковъ, одна передъ другой похваляются своими дорогими шелковыми оби.

И чѣмъ знатнѣе, чѣмъ важнѣе японская дѣвушка, тѣмъ роскошнѣе и богаче ея оби. Онъ говоритъ о знатности, о почетной должности ея предковъ и о близости ихъ къ трону самого микадо, т.-е. японскаго императора.

Мусме Хана давно мечтала о такомъ оби... Онъ долженъ былъ быть нѣжно-розовый, какъ отблескъ солнца въ часъ восхода на голубой поверхности моря, онъ долженъ былъ быть воздушный и легкій, какъ вздохъ лотоса, и мягкій, мягкій, какъ лепестокъ царственной хризантемы—самаго любимаго въ Японіи растенія.

Мусме Хана надѣялась, что у нея будетъ именно такой поясъ. Ея отецъ былъ очень знатный и богатый человѣкъ и дочь его можетъ носить только роскошный и дорогой оби. Каждый разъ при разговорѣ объ оби Хана напоминала отцу о томъ, что она желаетъ имѣть поясъ развѣ только немногимъ хуже, нежели оби самой императрицы.

Прошелъ годъ.

Море вздулось и потемнѣло, потомъ успокоилось и къ веснѣ снова стало тихимъ, кроткимъ и красивымъ...

Лотосы зацвѣли въ долинахъ, бѣлые и прозрачно-нѣжные, какъ щечки красавицъ.

Мусмѣ Ханѣ исполнилось 16 лѣтъ.

Съ первымъ солнечнымъ лучомъ въ ея зару вошелъ отецъ и подалъ ей что-то тщательно завернутое въ розовую бумагу.

— Оби! Оби! — вскричала Хана и быстро стала развертывать принесенный подарокъ.

О, она не сомнѣвалась, что оби, принесенный ей отцомъ, будетъ роскошнѣе, красивѣе и богаче всѣхъ тѣхъ, которые ей доводилось видѣть на ея подругахъ!

И что-же?

Вмѣсто ожидаемаго нарядного подарка, она увидѣла совсѣмъ простой темный поясъ, которымъ обвязываютъ простолюдинки свои скромныя платья. Мало того, этотъ поясъ былъ сдѣланъ изъ стараго шелка, расползся отъ старости въ нѣсколькихъ мѣстахъ и походилъ скорѣе на грязную тряпицу, которой опоясываютъ самыя бѣдныя японки свои будничные киримоно (платье японскихъ женщинъ, въ родѣ халата).

— Что-же это? Ты смѣешься надо мной, отецъ?—вскричала она, заливаясь слезами.

Но знатный самурай только усмѣхнулся себѣ въ усы, взялъ оби въ руки, обмоталъ имъ роскошное шелковое киримоно дочки и сказалъ:

— Не смотри, что подарокъ мой простъ и скроменъ, дочка. У этого оби есть чудодѣйственная сила. Пока ты носишь его и не стыдишься его убогаго вида, до тѣхъ поръ онъ будетъ твоимъ вѣрнымъ слугою. Стоитъ тебѣ только обернуть конецъ этого скромнаго оби черезъ большой палецъ, какъ все, что тебѣ захочется, исполнится вмигъ. Этотъ поясъ достался твоей матери отъ волшебницы Суато, которая была ея воспитательницей и покровительницей... Но помни: въ первую же минуту, какъ только ты застыдишься своего скромнаго оби и пожелаешь имѣть вмѣсто него блестящій и нарядный, онъ мигомъ потеряетъ свою чудодѣйственную силу и окажется простой негодной тряпкой. Поняла меня, дочка?

Хана поняла отлично все, что ей сказалъ отецъ. Хана была умная и понятливая дѣвушка. Теперь она уже не горевала больше. У нея было неисчерпаемое богатство въ рукахъ и она была счастлива вполнѣ.

* * *

Спустя нѣсколько дней цѣлая толпа веселыхъ свѣженькихъ мусме собралась на берегъ моря. Онѣ собирали красивыя раковинки и украшали зелеными водорослями свои черныя головки. На нихъ были цвѣтные пестрые киримоно и самые роскошные оби, какіе можно встрѣтить только въ Японіи, потому что всѣ эти розовыя дѣвушки были дочерьми самыхъ знатныхъ сановниковъ Дай-Нипона, какъ называется японская страна.

У одной только мусме Ханы былъ ея скромный, ветхій, бѣдный поясъ поверхъ нарядного киримоно.

— Слушай, Хана!—обратилась къ дѣвушкѣ хорошенькая дочь важнаго сановника.—Ты выглядишь въ этомъ старомъ, грязномъ, поношенномъ поясѣ настоящей нищенкой; сними его и брось въ воду.

— Зачѣмъ ты надѣла эту дрянную тряпку?—вскричала красавица, бѣлая Хризантема, племянница одного знатнаго полководца.

— Мусме Хана обѣднѣла! Надѣла какую-то тряпку вмѣсто оби! Мусме Хана забыла, что ей, дочери сановника, нельзя носить такого пояса. Мусме Хана большая дурочка, если не знаетъ этого, — задорно проговорила Розовый Лотосъ, дальняя родственница самого микадо.

О, это было уже слишкомъ!

Какъ всякая японка, Хана гордилась своимъ происхожденіемъ. Подобныхъ насмѣшекъ она вынести не могла.

Она окинула своихъ подругъ презрительнымъ взглядомъ и приказала имъ громкимъ, властнымъ голосомъ:

— Сложите всѣ собранныя вами раковины на берегу и смотрите, что будетъ съ ними.

Розовыя мусме недовѣрчиво покачали своими хорошенькими головками, но послушно уложили всѣ найденныя ими раковины на песокъ и отошли въ сторонку, тихо шушукаясь между собою.

Хана незамѣтно обернула кончикъ своего оби вокругъ пальчика лѣвой руки и... о, чудо!

Маленькія разноцвѣтныя раковинки мигомъ превратились въ золотые, ярко горѣвшіе въ лучахъ солнца, червонцы.

— Возьмите эти червонцы и подѣлите ихъ между собою!—произнесла надменно Хана и отошла отъ подругъ съ видомъ владѣтельной королевы.

Розовыя мусме стали подбирать червонцы, кидая завистливые взгляды на уходившую Хану. Онѣ рѣшили, что передъ ними не простая японская мусме, а могучая волшебница.

* * *

Было утро, золотое утро востока.

Солнце радостно купалось, какъ безпечный ребенокъ, въ хрустальныхъ водахъ синяго океана.

Мусме Хана шла по тропинкѣ между двумя засѣянными рисомъ полосами поля. За нею шла огромная толпа ея подругъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ узнали могущество Ханы, онѣ уже ни на шагъ не

отставали отъ нея. Хана была богата, Хана была знатна, Хана обладала чудодѣйственной силой. Люди богатство и знатность ставятъ выше всего, и не мудрено поэтому, что за мусме Ханой шли теперь цѣлыя толпы ея сверстницъ.

Онѣ шли широкими полями, сожженными солнцемъ. Это были голыя поля, на которыхъ уже ничто не произрастало.

Неурожай свирѣпствовалъ въ странѣ и желтыя, сожженныя солнцемъ поля не производили ни одного колоса.

Розовымъ смѣющимся мусме то и дѣло попадались навстрѣчу голодные, оборванные, озлобленные отъ нищеты люди; они кричали грубыми голосами:

— Вы, дѣти знатныхъ богачей! Подайте намъ на хлѣбъ! Мы умираемъ съ голода.

У Ханы было доброе сердце и чуткая душа. Чуткая душа была у мусме Ханы.

Она раздала всѣ червонцы, которые имѣла, голоднымъ, озлобленнымъ людямъ, и когда у нея не осталось ни одной іены*, она тихонько обернула кончикъ своего чернаго оби вокругъ пальца и вмигъ... желтыя поля покрылись спѣлымъ рисомъ, который у японцевъ составляетъ главную пищу. Его было такъ много, что имъ можно было накормить до сыта самую огромную страну.

Голодные люди бросились было собирать посѣвъ, но силы имъ измѣнили, тощія тѣла, изможденныя голодомъ, не могли двигаться, слабыя руки не могли работать.

Тогда они съ угрожающими криками и съ поднятыми кулаками кинулись къ Ханѣ.

— Ты колдунья!—кричали они.—Ты злая волшебница! Ты дала намъ пищу, чтобы раздразнить насъ, а собрать мы ее не можемъ, у насъ нѣтъ силъ на это! Мы тебя убьемъ!

У нихъ были такія злыя, свирѣпыя лица, а глаза ихъ сверкали такою ненавистью и злобой, что розовыя мусме разбѣжались въ страхѣ и Хана осталась одна.

Ничуть не смущаясь, она снова обернула кончикъ оби вокругъ своего розоваго пальчика, и что-же?

Цѣлая толпа невольниковъ появилась среди рисоваго поля.

Они мигомъ срѣзали жатву и, собравъ въ снопы, понесли съ поля.

* Іена—японская монета—1 рубль.

Теперь уже несчастные голодающие не бранили Хану, не угрожали ей.

— Свѣтлая богиня Кванъ-Нанъ! — кричали они,—смилуйся надъ нею! Помогите ей, добрые духи, во всѣхъ ея дѣлахъ!

И они стремительно кинулись слѣдомъ за невольниками, уносившими рисъ.

Хана осталась одна.

* * *

И вдругъ до слуха Ханы долетѣлъ звукъ пѣсни, сладкій, какъ сонъ. Молоденькая мусме замерла на мѣстѣ. Восторгъ наполнилъ ея душу; вся она превратилась въ слухъ.

Звуки неслись изъ сосѣдней рощи, лежавшей недалеко отъ того мѣста, гдѣ она находилась.

Хана долго стояла безъ движенія, пораженная, очарованная дивной пѣснью. Отъ пѣсни вѣяло то тихимъ, ласковымъ плескомъ волны, то шопотомъ лотосовыхъ полей, то звуками сладкой «ше», любимаго музыкальнаго инструмента японцевъ.

Молоденькая мусме кинулась въ рощу и остановилась изумленная передъ огромнымъ столѣтнимъ деревомъ, у корней котораго сидѣлъ красивый юноша въ бѣдной одеждѣ бродячаго пѣвца. Онъ-то и пѣлъ такъ сладко, что можно было невольно заслушаться его пѣсни.

— Здравствуй, юноша!—произнесла Хана, глядя во всѣ глаза на пѣвца.

— Здравствуй, красавица мусме!—отвѣчалъ тотъ привѣтливо.

— Что ты поешь здѣсь одинъ?—снова спросила Хана.

— Я слагаю ту пѣсню, которую я буду пѣть во дворцѣ микадо въ день большого праздника, — отвѣчалъ онъ. — Ты знаешь, пригоженькая мусме, что нашъ великій микадо и повелитель хочетъ женить своего сына, наслѣдника престола. Въ слѣдующее новолуніе во дворцѣ микадо соберутся всѣ знатнѣйшія красавицы Дай-Нипона и между ними принцъ выберетъ себѣ супругу. Этой счастливицѣ я долженъ буду пропѣть хвалебную пѣснь.

— О, благодарю тебя, пѣвецъ! — вскричала Хана. —Благодарю заранѣе! Вѣдь микадо выберетъ сыну въ жены меня и только меня.

Голубые глаза пѣвца блеснули насмѣшкой. Онъ весело разсмѣялся и вскричалъ:

— Словъ нѣтъ, что ты очень хорошенькая мусме; но во дворецъ

микадо проникнуть только тѣ дѣвушки, у которыхъ будутъ самые роскошные оби, то-есть самыя знатныя мусме.

— И я буду среди нихъ, ты увидишь это!—вскричала Хана.

Но пѣвецъ только недовѣрчиво покачалъ головою. Мусме Хана полюбилась ему сразу за ея красоту, но онъ вовсе не подозрѣвалъ, что передъ нимъ находится дѣвушка очень знатнаго рода, и притомъ обладающая такой чудодѣйственной силой.

Онъ все качалъ головою и чуть посмѣивался румяными устами.

А Хана говорила:

— Я сорву сейчасъ цвѣтокъ желтой хризантемы и отдамъ тебѣ. Желтая хризантема превратится въ алую, какъ кровь, лишь только я войду во дворецъ микадо. По этой хризантемѣ ты меня узнаешь. А теперь скажи, какъ зовутъ тебя, пѣвецъ?

— Меня зовутъ Іеро!—произнесъ онъ, любуясь ею.

— До свиданья, Іеро!—произнесла Хана.—До свиданья во дворцѣ микадо.

— Прощай, пригожая мусме!

Она ушла, а Іеро все смотрѣлъ туда, гдѣ она скрылась. Она показалась ему лучомъ солнца, и пѣсня не шла ему больше на умъ.

* * *

Въ первое новолуніе во дворцѣ микадо собралась большая толпа знатнѣйшихъ красавицъ.

Хана, стоя у дворца, видѣла, какъ быстроногіе дженерикши* примчали нарядныя бархатныя коляски, изъ которыхъ выскакивали веселыя, какъ птички, нарядныя красавицы.

Стража проводила ихъ во дворецъ. Тамъ встрѣчали ихъ знатные сановники и отводили въ тронный залъ, гдѣ привѣтствовалъ красавицъ самъ микадо и его сынъ.

Хана тоже хотѣла проникнуть во дворецъ, но суровая стража не пустила туда дѣвушку.

У мусме Ханы былъ бѣдный, простенькій оби, а простой оби могъ быть только у простолюдинокъ.

Тогда Хана осторожно навернула на пальчикъ свой простенькій оби, и вотъ передъ удивленными сторожами очутилось около дюжи-

---

* Дженерикши — японскіе носильщики-извозчики, которые развозятъ зажиточныхъ людей на особыхъ носилкахъ, замѣняющихъ въ Японіи коляски.

ны златокудрыхъ пажей, около десятка трубачей и аллебардщиковъ и цѣлая свита слугъ.

Всѣ они толпились вокругъ Ханы, на которой мигомъ очутилось роскошное, все затканное драгоцѣнными каменьями платье невиданной красоты. Драгоцѣнная корона вѣнчала ея голову. И только одинъ темный простенькій оби попрежнему оставался безъ измѣненія, портя весь ея богатый нарядъ.

Но никто уже не обращалъ вниманія на скромный оби, когда важная знатная красавица, окруженная блестящей свитой, потребовала впуска во дворецъ.

Стража съ низкими поклонами пропустила Хану, и черезъ минуту она предстала передъ лицомъ микадо и его сына.

Пѣвецъ Іеро былъ уже здѣсь, но Хана и не взглянула даже на бѣднаго пѣвца. Шопотъ восторга, вызванный ея появленіемъ, совсѣмъ оглушилъ ее. Да и Іеро врядъ-ли призналъ бы въ этой великолѣпной принцессѣ хорошенькую мусме, которую онъ встрѣтилъ недавно, и если бы желтая хризантема, приколотая у его груди, не превратилась вдругъ въ алую, онъ никогда бы не узналъ Ханы.

— Откуда эта дивная красавица?—произнесъ сынъ микадо.— Это навѣрное очень знатная принцесса. Я хочу выбрать ее въ жены.

Микадо одобрительно кивнулъ сыну.

Принцъ взялъ за руку Хану, посадилъ ее рядомъ съ собою среди общаго гула одобренія и восторга. Микадо далъ знакъ пѣвцу, чтобы тотъ спѣлъ свою хвалебную пѣснь въ честь избранницы принца, и бѣдный Іеро, задыхаясь отъ горя, потому что онъ успѣлъ полюбить Хану и желалъ имѣть ее своей женой, началъ свою хвалебную пѣснь.

Онъ восторгался красотою Ханы, хвалилъ ея дивный нарядъ и роскошную свиту; сравнивалъ ея очи съ ночными звѣздами, ея нѣжную кожу—съ лепесткомъ лотоса, ея уста—съ кровавой хризантемой, ея маленькія ножки—съ розовыми раковинами, а блестящіе, черные какъ смоль, волосы—съ непроницаемой мглою восточныхъ ночей.

И только скромный темный оби не хвалилъ Іеро. Хотѣлось Іеро видѣть свою будущую повелительницу, опоясанною пестрымъ роскошнымъ оби, какъ и подобало ея высокому сану. И онъ не жалѣлъ звуковъ, воспѣвая этотъ воображаемый, сказочно-роскошный оби, который по справедливости долженъ былъ опоясывать гибкій станъ красавицы.

У корней дерева сидѣлъ красивый юноша...

Къ сказкѣ «Волшебный орѣхъ».

Звуки лились, какъ волны, и журчали, какъ струи, и вздыхали, какъ вѣтеръ, и таяли въ самой глубинѣ сердца мусме.

Сердце мусме подъ вліяніемъ этихъ звуковъ наполнилось однимъ жгучимъ желаніемъ получить такой оби. Она коснулась незамѣтно пальчикомъ своего пояса.

И вдругъ.... о, ужасъ!

Исчезла нарядная свита, исчезли трубачи и литаврщики, исчезли златокудрые пажи и нарядное платье и уборы.

Скромно одѣтая мусме Хана очутилась вмѣсто прежней нарядной принцессы передъ лицомъ микадо и принца.

Но вмѣсто чернаго стараго оби, ея станъ опоясывалъ роскошный поясъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ.

Микадо и принцъ, видя это странное превращеніе, несказанно взволновались.

— Гдѣ твоя свита, принцесса? Гдѣ твое роскошное платье? Гдѣ твоя корона?—вскричали они въ одинъ голосъ.

Мусме Хана быстро схватила конецъ оби, чтобы однимъ движеніемъ вернуть себѣ былое величіе, но, увы! роскошный оби не имѣлъ той чудодѣйственной силы, которою обладалъ ея прежній скромный поясокъ.

Тутъ только вспомнила Хана слова своего отца, съ которыми онъ подарилъ ей чудодѣйственный поясъ. Вспомнила и горько заплакала.

— Обманщица! Лгунья! Ты вздумала морочить насъ! Жалкая простолюдинка, разыгрывающая изъ себя принцессу!—вскричалъ разгнѣванный принцъ.—Ступай прочь, гадкая лгунья!

Хана заплакала еще горче.. Она поняла, что не ее лично полюбилъ принцъ, а драгоцѣнности и пышность, которыя ее окружали. Поспѣшными шагами двинулась она къ выходу, закрывъ лицо руками, подъ градомъ насмѣшекъ злорадствующихъ гостей. Вдругъ она почувствовала, что кто-то крѣпко, крѣпко держитъ ее за руку.

Подняла голову—передъ нею Іеро.

— Постой! пойдемъ вмѣстѣ отсюда, хорошенькая мусме!—произнесъ онъ, ласково заглядывая въ ея черныя очи. — Пойдемъ вмѣстѣ. Я отведу тебя въ мою зару, и ты будешь моей женою, потому что я вижу добрую душу въ твоихъ глазахъ, нѣжное сердце въ твоей улыбкѣ! Мнѣ не надо драгоцѣнныхъ уборовъ. Мнѣ ты нравишься такой, какъ ты есть. Хочешь быть моей женою, красавица?

Хана молча благодарно взглянула на Іеро и подала ему руку. Она не хотѣла задумываться надъ тѣмъ, какъ дочь знатнаго самурая будетъ женою бродячаго пѣвца. Доброта души Іеро покорила ее...

* * *

Эту сказку я слышала отъ стараго сѣдого орла, который сидѣлъ на гребнѣ скалы близъ Фузи-Ямы. Когда онъ окончилъ ее, то прибавилъ тихо:

— Какъ странны люди! Какъ глупы люди!

Старый сѣдой орелъ умнѣе ихъ. Но старый сѣдой орелъ желаетъ имъ счастья.

Старый сѣдой орелъ желаетъ имъ вѣчнаго счастья!

Онъ былъ очень хорошъ. Такъ хорошъ, что настоящіе, живые короли безспорно позавидовали бы его блестящему виду. У него была роскошная, бѣлая, какъ сахаръ, сѣдая борода, такіе же сѣдые кудри и большіе, черные глаза. На головѣ его красовалась золотая корона. Одѣтъ онъ былъ такъ, какъ вообще одѣваются короли. Художникъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы вырисовать его пурпурную мантію и огромный воротникъ изъ дорогого собольяго мѣха.

Да, онъ былъ чудно хорошъ.

И все-таки это былъ не живой король, а только... король съ раскрашенной картинки. Правда, очень нарядный, очень пышный очень красивый король.

Раскрашенная картинка лежала въ окнѣ магазина, и прохожіе цѣлый день толпились у витрины, любуясь раскрашеннымъ бумажнымъ королемъ, сидѣвшимъ на тронѣ и важно курившимъ трубку.

Это составляло большое развлеченіе для самого короля. Онъ любилъ смотрѣть на людей и внимательно приглядывался ко всему тому, что происходило за окномъ. И ему было очень досадно, когда на ночь ставнями закрывали окно и онъ не могъ видѣть, что дѣлается на улицѣ.

Но какъ то разъ, въ одинъ очень холодный зимній день, витрину почему-то на ночь не закрыли ставнями, и хотя стекло въ окнѣ замерзло и

заиндевѣло, все-таки въ немъ осталось отверстіе, черезъ которое бумажный король могъ видѣть, что дѣлалось кругомъ.

И вотъ король увидалъ, какъ къ обтянутому яркимъ сукномъ подъѣзду большого дома одинъ за другимъ подъѣзжали экипажи, и какъ изъ нихъ выходили важные господа и нарядныя дамы и поднимались по лѣстницѣ наверхъ, въ какую-то богато обставленную квартиру. Господа и дамы уходили въ хорошо натопленныя залы, а кучера оставались на улицѣ ждать на морозѣ.

Въ числѣ другихъ подъѣхала карета, изъ которой выскочила молоденькая красавица и, крикнувъ старику-кучеру:—«Подождешь меня!»—быстро скрылась въ подъѣздѣ. Съежившись отъ холода, старикъ-кучеръ отъѣхалъ въ сторону...

Вскорѣ бумажный король замѣтилъ ее въ окнахъ дома; она носилась въ веселомъ танцѣ, окруженная цѣлой толпой кавалеровъ, раскраснѣвшаяся отъ оживленія и жары...

А на улицѣ въ это время морозъ становился все сильнѣе и сильнѣе, и старикъ кучеръ, поджидавшій свою барышню, медленно замерзалъ на козлахъ... Его лицо посинѣло, руки опустились, вожжи выпали изъ нихъ. Бумажный король видѣлъ, какъ постепенно умиралъ несчастный, и онъ, король, готовъ былъ зарыдать отъ ужаса, если бы только бумажные короли могли рыдать и плакать.

Красавица протанцовала долго. Когда, наконецъ, гости стали расходиться и она узнала, что ея кучеръ замерзъ, то она даже не заплакала, а сдѣлала гримасу и сказала только:

— Ахъ, какая досада! Какъ же я теперь домой поѣду...

Бумажный король былъ возмущенъ до глубины своей бумажной души.

« О! — думалъ онъ,—если я когда-либо стану настоящимъ королемъ, я не допущу ничего подобнаго...»

И съ этой думой король заснулъ...

Но спать пришлось ему на этотъ разъ недолго, не потому, что было очень холодно въ витринѣ, а потому, что его разбудили громкіе голоса, раздававшіеся близко, совсѣмъ близко отъ него. Король протеръ свои заспанные глаза и увидалъ цѣлую толпу людей, одѣтыхъ въ потертое платье, съ закоптѣлыми отъ дыма, изможденными лицами. Это были фабричные рабочіе, спѣшившіе на работу. Они остановились у окна магазина и разглядывали бумажнаго короля, а тѣ, которые были поближе, старались прочесть длинную подпись, находившуюся подъ картинкой и объяснившую, какъ

звали короля. Но какъ они ни старались, имъ не удалось разобрать ни одного слова, несмотря на яркій свѣтъ фонаря: они были неграмотны и не умѣли читать.

— Эхъ, не учили насъ въ дѣтствѣ, вотъ и тяжко приходится подъ старость!—произнесъ одинъ изъ рабочихъ такимъ печальнымъ голосомъ, что сердце бумажнаго короля сжалось отъ состраданія.

— Во что бы то ни стало я по всему моему государству устрою школы и дамъ возможность всѣмъ и каждому учиться, сколько кто захочетъ,—произнесъ мысленно король...

И вдругъ онъ вздрогнулъ, вспомнивъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать.

На бумажныхъ рѣсницахъ бумажнаго короля задрожали слезинки. Ему стало больно, очень больно отъ мысли, что онъ только король съ раскрашенной картинки, а не настоящій король...

Между тѣмъ улица оживилась. Всюду стали появляться люди. Многіе останавливались у магазина, восторгались бумажнымъ королемъ и шли дальше.

Вотъ къ окну подошелъ какой-то важный господинъ въ дорогой шубѣ съ двумя нарядно одѣтыми мальчиками. Послѣдніе, увидавъ бумажнаго короля, вскричали въ одинъ голосъ:

— Папа, купи намъ этого короля!

— Что? вы хотите эту лубочную картинку?—презрительно спросилъ господинъ въ шубѣ.—Нѣтъ, дѣти, я лучше куплю вамъ какую-нибудь хорошую игрушку...

— Да, да, ты правъ, папа! Купи намъ игрушку,—весело отвѣтили дѣти, и всѣ трое направились къ дверямъ сосѣдняго магазина.

Маленькая, худенькая, оборванная дѣвочка остановилась передъ ними. Она была очень жалка въ своихъ лохмотьяхъ, съ исхудалымъ отъ голода и нужды личикомъ, со впалыми, лихорадочно горящими глазами.

— Подайте, Христа ради, добрые господа!—тянула она печальнымъ, жалобнымъ голоскомъ.

— Пошла прочь, побирушка!—прикрикнулъ на нее господинъ въ шубѣ.—Много васъ тутъ бѣгаетъ безъ дѣла и клянчитъ о подаяніи. Слышишь, пошла прочь!

Дѣвочка отскочила. Слезы брызнули изъ ея глазъ. Она пролепетала что-то о больной матери, третій день оставшейся безъ обѣда, о томъ, что сама она голодна и, глухо рыдая, опустилась на мостовую.

А господинъ въ шубѣ и его дѣти въ это время вошли въ магазинъ игрушекъ, смѣясь и весело болтая между собою.

Бумажный король взглянулъ на полумертвую дѣвочку, и его бумажное сердце готово было разорваться на тысячу кусковъ, разорваться отъ боли и безсилія.

Да, отъ безсилія особенно.

Онъ вполнѣ сознавалъ, что не можетъ ничѣмъ помочь бѣдной дѣвочкѣ, потому что онъ—бумажный король.

Бумажный, и только... И не одной этой дѣвочкѣ, но вообще никому онъ не въ состояніи помочь, не въ состояніи устранить людского горя и несправедливости.

— Ахъ, если бы я былъ живымъ, настоящимъ королемъ! Сколько добра бы я могъ сдѣлать!—подумалъ бумажный король.

И онъ схватился руками за голову и сталъ просить у судьбы: или совсѣмъ лишить его и трона, и короны, и царской мантіи, и даже жизни, или же сдѣлать его живымъ королемъ.

Да, живымъ, а не бумажнымъ королемъ.

Лучъ мѣсяца ударилъ въ оконце и нѣжно коснулся его лица. На глазахъ короля заблестѣли слезы.

Серебряная фея луннаго свѣта, добрая волшебница Лара, проскользнувъ на своей голубой колесницѣ, увидѣла эти слезы и произнесла тихо:

— Я вижу въ первый разъ, какъ плачетъ король. Пусть это слезы бумажнаго короля, но разъ это слезы любви къ ближнимъ, онѣ заслуживаютъ вниманія. Ты — добрый король и навѣрное будешь любить своихъ подданныхъ. Я сдѣлаю тебя настоящимъ, живымъ королемъ.

И фея Лара коснулась своей волшебной голубой палочкой плачущихъ глазъ стараго короля.

И, о чудо!

Голубые лучи полночнаго мѣсяца исчезли, исчезла и темная ночь и мигающіе фонари на улицахъ.

Исчезло и само окно игрушечнаго магазина. Король въ одинъ мигъ соскользнулъ съ бумажной картинки и почувствовалъ себя настоящимъ королемъ. Онъ очутился въ огромной дворцовой залѣ, на золотомъ тронѣ, подъ пурпуровымъ балдахиномъ, и вокругъ него толпилась послушная толпа сановниковъ и слугъ. Длинная горностаевая мантія волной спускалась съ его плечъ, а отъ серебряной бороды и сѣдыхъ локоновъ пахло дорогими духами.

Правда, король казался очень маленькимъ, тщедушнымъ, невзрачнымъ среди высокихъ, рослыхъ, толстыхъ придворныхъ, окружавшихъ тронъ, но всѣ эти придворные такъ низко и почтительно наклонили свои головы, когда онъ, король, поднялся на тронъ, что сердце короля затрепетало отъ радости. Онъ понялъ разомъ, что судьба услышала его желаніе и сдѣлала его могучимъ властителемъ страны.

Не медля ни одной минуты, король разослалъ пословъ по всему городу разыскивать несчастныхъ, голодныхъ, нуждающихся и угнетенныхъ и приказалъ раздавать имъ деньги, новыя платья и все необходимое.

Затѣмъ король разослалъ гонцовъ по всѣмъ улицамъ и площадямъ объявить громогласно народу о томъ, что онъ выстроитъ школы, гдѣ будетъ народъ обучаться безплатно, чтобы жизнь людей стала свѣтлѣе и лучше. А своихъ сановниковъ король отправилъ ко всѣмъ богачамъ города, требуя отъ нихъ хорошаго и ласковаго обращенія со слугами и грозя, въ случаѣ непослушанія, своимъ королевскимъ гнѣвомъ.

Не забылъ король и о несчастной дѣвочкѣ, умирающей отъ голода у витрины магазина и велѣлъ позаботиться о ней.

Народъ съ радостью выслушалъ благія вѣсти и съ громкими криками восторга кинулся во дворецъ привѣтствовать своего короля.

Всѣ были счастливы, довольны и уходили, прославляя добраго короля.

Но счастливѣе всѣхъ былъ самъ король. Онъ былъ убѣжденъ, что сдѣлалъ все, что нужно для блага народа, и со спокойнымъ сердцемъ укладывался спать въ этотъ вечеръ въ свою роскошную королевскую постель.

Лежалъ король въ постели и думалъ: «какъ хорошо сознавать, что ты можешь дѣлать добро несчастнымъ: это лучшая радость королей».

Вдругъ что-то нѣжное, какъ дуновеніе вѣтерка, коснулось серебряныхъ сѣдинъ короля.

Онъ быстро поднялъ голову. Передъ нимъ стояла лунная фея Лара. Ея голубая фигурка, вся насквозь сіяющая въ лучахъ мѣсяца, наклонилась надъ изголовьемъ короля.

Король обрадовался, какъ ребенокъ, при видѣ своей благодѣтельницы.

— Благодарю тебя, могучая Лара,—произнесъ онъ съ чувствомъ,— что ты сдѣлала меня настоящимъ королемъ и дала мнѣ возможность

совершить цѣлый рядъ добрыхъ дѣлъ. Я надѣюсь, что отнынѣ въ моемъ царствѣ не будетъ уже ни голодныхъ, ни обиженныхъ, ни печальныхъ.

Голубая фея медленно покачала своей красивой головкой и тихо разсмѣялась.

— Ты ошибаешься, король,—произнесла она съ нѣжнымъ, чуть слышнымъ смѣхомъ, который походилъ на звуки незримой арфы,— развѣ возможно въ одинъ день измѣнить все?... Король, до сихъ поръ ты даже не знаешь, сколько горя въ твоемъ царствѣ. До сихъ поръ ты видѣлъ только то, что ты могъ наблюдать изъ витрины магазина, и лишь тѣхъ людей, на которыхъ ты могъ смотрѣть изъ окна королевскаго дворца. Но если-бъ ты, король, объѣздилъ всю свою страну или, хотя бы, часть ея, ты бы убѣдился, что твой народъ гибнетъ отъ голода, отъ неурожая, болѣзней, вражды другъ съ другомъ. И то, что ты сдѣлалъ, показалось бы тебѣ ничтожной крупицей того, что нужно сдѣлать для счастья твоего народа.

— Лара! — вскричалъ король, — клянусь, завтра-же я пускаюсь въ дальній путь. Завтра же я начинаю объѣзжать свое королевство. Тамъ, гдѣ я увижу голодъ и нужду, тамъ должно воцариться довольство и радость. Клянусь тебѣ, волшебница Лара, я утру слезы моего народа!

— Это труднѣе сдѣлать, чѣмъ ты думаешь,—послышался тихій, мелодичный голосъ лунной феи.

— И тѣмъ не менѣе я сдѣлаю это!—упрямо возразилъ король.

Лара кивнула ему серебристой головкой и исчезла, растворилась въ лунномъ свѣтѣ.

Король остался одинъ.

Онъ долго ворочался на своей широкой постели подъ бархатнымъ балдахиномъ и до утра промечталъ о той свѣтлой минутѣ, когда не будетъ ни одного голоднаго въ его странѣ...

Съ первымъ солнечнымъ лучомъ трубачи и литаврщики на бѣлыхъ коняхъ поскакали изъ дворца. За ними въ золотой каретѣ, окруженной блестящею свитою, ѣхалъ король. Онъ пускался въ дальній путь объѣзжать свою обширную страну и знакомиться съ жизнью народа. Гонцы скакали далеко впереди королевскаго поѣзда и предупреждали каждый городъ, каждую деревеньку, каждое мѣстечко о томъ, что ѣдетъ король. И куда бы ни пріѣзжалъ онъ, всюду его встрѣчали нарядные, веселые, сытые люди съ сіяющими радостью

лицами, въ дорогихъ платьяхъ, и на золотыхъ блюдахъ подносили драгоцѣнные дары своему королю.

— Но гдѣ-же голодные мои подданные? Гдѣ же нищіе и бѣдные?— съ недоумѣніемъ спрашивалъ король окружающихъ.

— Ваше величество, — льстиво отвѣчала свита, — подъ властью такого мудраго, такого прекраснаго короля, какъ вы, не можетъ быть ни бѣдныхъ, ни голодныхъ. Въ вашей странѣ, благодаря вашей мудрости и великодушію, всюду роскошь, довольство и радость!

Король улыбнулся счастливой улыбкой и довольный возвратился въ столицу.

— О, какъ неправа была Лара, когда говорила, что у меня въ странѣ есть нищіе и несчастные, — произнесъ онъ увѣренно. — Я объѣздилъ полстраны и нигдѣ не видалъ ни бѣдныхъ, ни нищихъ, ни обиженныхъ... О, какъ бы я хотѣлъ повидать фею, чтобы доказать ей, что она ошибается!

Желаніе короля исполнилось.

Въ первую же ночь послѣ возвращенія короля въ столицу, едва только на небѣ показалась луна, черезъ окно спальни проникла Лара.

— Здравствуй, король!—произнесла она и коснулась легкимъ поцѣлуемъ серебряной головы стараго короля.

— Здравствуй, Лара! Ты являешься какъ разъ во-время, — произнесъ король и сталъ быстро и подробно разсказывать о тѣхъ сытыхъ, довольныхъ и счастливыхъ людяхъ, которые встрѣчали его на пути, въ городахъ и деревняхъ, въ селахъ и мѣстечкахъ.

И вдругъ послышался серебристый смѣхъ, тихій, какъ шелестъ вѣтра, и звучный, какъ ропотъ рѣчки.

Это смѣялась Лара.

— Ахъ, ты, легковѣрный, беспечный король!—говорила она между перекатами смѣха. — Какъ легко тебя обмануть!... Зачѣмъ ты допустилъ льстивую свиту сопровождать тебя? Вѣдь она своими блестящими одеждами заслонила отъ тебя всѣхъ тѣхъ, которыхъ тебѣ хотѣлось видѣть! И ты, изъ оконъ твоей золотой кареты, видѣлъ только золото да парчу, но не видѣлъ правды, не видѣлъ того, что ты долженъ былъ видѣть, не видѣлъ нужды и скорби твоего народа... Король, хочешь, я превращу тебя въ большую черную птицу, въ вѣщую птицу, которая въ нѣсколько дней пролетитъ отъ моря до моря всѣ твои владѣнія вдоль и поперекъ и своими зоркими глазами увидитъ то, что всячески скрываетъ хитрая свита отъ своего короля?

— Да, да!—вскричалъ король,—обрати меня въ птицу, милая Лара. Я хочу видѣть нужды и скорби моего народа!

Едва только успѣлъ король произнести послѣднее слово, какъ вдругъ почувствовалъ, что у него за спиною вырастаютъ огромныя крылья и все тѣло постепенно покрывается пухомъ и перьями.

Въ слѣдующую же минуту Лара распахнула окно королевской спальни, и огромная черная птица вылетѣла въ него...

Король-птица летѣлъ долго, очень долго и прилетѣлъ въ глухую маленькую деревеньку.

Солнце уже взошло и золотило верхушки деревьевъ и хрустальную воду рѣки и пестрые цвѣты за околицей.

Деревенька была мала и убога, такъ мала и такъ убога, что птица-король испугался закоптѣлыхъ избъ ея и покривившихся крылечекъ и полуразрушенныхъ стѣнъ.

«Странно, что меня не провозили мимо этой деревеньки...» —подумала птица-король и, взмахнувъ своими широкими крыльями, сѣла на крышу крайней избы.

Вдругъ она услышала жалобныя рыданія и мольбы. Она повернула голову, взглянула внизъ въ крошечный дворикъ и увидѣла слѣдующую картину.

Посреди двора стоялъ худой, жалкій человѣкъ въ лохмотьяхъ. Онъ казался чернымъ отъ худобы. Его глаза дико сверкали, губы кривились.

Двое людей въ одеждѣ королевскихъ слугъ стояли передъ нимъ съ гнѣвными лицами и говорили сердито:

— Что же ты? Согласишься ли, наконецъ, исполнить наше требованіе? Завтра же бросимъ тебя въ тюрьму, если ты не соберешь всѣ деньги, какія только есть у васъ въ деревнѣ, чтобы на нихъ купить золотое блюдо и хлѣбъ-соль королю. Онъ скоро снова пустится въ путь осматривать свое королевство, и необходимо, чтобы его встрѣтили съ подобающей честью въ вашей деревнѣ.

— Но откуда же я возьму вамъ столько денегъ?—прошепталъ несчастный.— Деревня наша мала и бѣдна. Намъ почти нечего ѣсть. У насъ остались только худыя, голодныя коровы, и наши дѣти питаются ихъ молокомъ. Если ихъ продать, дѣти умрутъ съ голоду.

— Это не наше дѣло!—вскричали королевскіе слуги въ одинъ голосъ.—Приказано, чтобъ вся деревня встрѣтила короля съ подобающими дарами, и чтобъ король видѣлъ довольныя, сытыя, радостныя лица своихъ подданныхъ.

— Ну, что-жъ! Берите все, коли такъ!—произнесъ угрюмо несчастный.—Но знайте, что я разскажу королю, какъ вы поступаете.

— Ха! Ха! Ха!—разсмѣялись королевскіе слуги.—Ты думаешь, что мы боимся твоихъ угрозъ? Ничуть! Мы отлично знаемъ, что тебя не допустятъ къ королю. А если даже твоя жалоба и дойдетъ до королевскихъ ушей, то покуда король разберется, кто тутъ правъ, а кто виноватъ, уже и тебя и насъ не будетъ на свѣтѣ. Вѣдь ты только подумай: у короля милліоны подданныхъ! Развѣ онъ въ состояніи заниматься жалобами каждаго изъ нихъ? А насъ то, королевскихъ слугъ, сколько? Развѣ мы не сумѣемъ объяснить королю, что ты не правъ? Эхъ, старинъ, тебѣ же хуже будетъ, разъ ты вздумаешь жаловаться. Да и король никогда тебѣ одному не повѣритъ, когда увидитъ, что всѣ другіе встрѣчаютъ его радостными и довольными.

Королю-птицѣ показалось, точно кто оторвалъ у него кусокъ отъ сердца. Теперь онъ понялъ, что волшебница Лара была права. Теперь онъ понялъ, какою дорогою цѣною покупались народомъ торжественныя встрѣчи короля. И онъ полетѣлъ дальше съ быстротою молніи, мимо лѣсовъ и рощъ, мимо селъ и деревень.

На дорогѣ онъ увидѣлъ большой городъ.

На городской площади собралась толпа народа. Цѣлый отрядъ воиновъ выстроился въ шеренги. Высокій, рослый парень стоялъ въ сторонѣ въ солдатской одеждѣ, а возлѣ него пріютился пятокъ малолѣтнихъ ребятишекъ. Худая, блѣднолицая крестьянка стояла подлѣ и заливалась слезами.

— Прощай, милый муженекъ,—говорила она,—прощай, голубчикъ! Покидаешь ты насъ, оставляешь сиротинками, отправляютъ тебя въ чужую сторону воевать съ лютыми врагами... Богъ знаетъ, вернешься-ли ты назадъ... Да если и вернешься, то не застанешь насъ... Умремъ мы съ голоду безъ тебя, голубчикъ... Не прокормить мнѣ безъ тебя при нашей нуждѣ пятерыхъ ребятишекъ...

И крестьянка заплакала такъ горько, что сердце черной птицы замерло отъ ужаса.

— Зачѣмъ, зачѣмъ мои сановники не говорятъ мнѣ о томъ, что мои воины оставляютъ сиротами несчастныхъ голодныхъ ребятишекъ?—прошепталъ король-птица и, изнывая отъ жалости и гнѣва, метнулся дальше.

Въ небольшомъ городѣ, у церковной ограды собрались кучки людей. Они громко разговаривали другъ съ другомъ. Слышались веселые, радостные голоса. Оживленныя лица мелькали вокругъ.

«Слава Богу, — произнесъ мысленно король-птица, — не все-же плачъ и горе въ моемъ королевствѣ, есть въ немъ и такіе уголки, гдѣ царствуетъ радость»,—и черная птица спустилась на колокольню и оттуда стала смотрѣть, что происходитъ кругомъ.

Вдругъ до ея слуха донесся громкій плачъ. Черная птица встрепенулась, стала прислушиваться.

Плачъ раздавался изъ маленькаго, покривившагося домика, стоявшаго на краю города.

Король-птица широко взмахнулъ крыльями, спустился у домика и заглянулъ въ окно.

Въ убогой комнатѣ сидѣла худая, изможденная швея, ковырявшая что-то иглою. Она уставилась въ работу красными, отъ безсонницы и труда, глазами и отъ времени до времени смотрѣла на лежавшую рядомъ, на убогой постели, худенькую, бѣлокурую дѣвочку. Дѣвочка была блѣдная, съ посинѣвшими губами, съ широко раскрытыми глазами. Бѣдняжку била лихорадка и она зябко куталась въ голубое, стеганое одѣяло, единственную роскошную вещь, находившуюся въ комнатѣ. Все остальное было ветхо, убого и говорило о страшной нуждѣ.

Мать, глядя на больную дочь, всхлипывала...

Вдругъ дверь распахнулась и на порогѣ разомъ появилось двое людей. Одинъ изъ нихъ, обращаясь къ бѣдной швеѣ, сказалъ:

— Мы—королевскіе слуги. Мы пришли за деньгами, которыя каждый житель, согласно желанію короля, обязанъ внести, такъ какъ король хочетъ раздать щедрую милостыню бѣднякамъ своей столицы.

— Но я сама бѣдна и у меня нѣтъ ни одного лишняго гроша, который я могла бы отдать королю,—сокрушенно замѣтила вдова.

— Въ такомъ случаѣ мы должны взять у васъ какую-нибудь вещь и продать ее, чтобъ исполнить волю короля.

— Смотрите, вѣдь у меня ничего, ничего нѣтъ, кромѣ тѣхъ вещей, которыя вы здѣсь видите, а за нихъ никто и гроша не дастъ.

Вошедшіе окинули взоромъ убогую комнату. Дѣйствительно, въ ней не было ничего цѣннаго. Поломанные стулья, кривой столъ безъ ножки, полуразвалившійся шкапъ—вотъ и все, что тамъ находилось.

Вдругъ оба они обратили вниманіе на одѣяло, которымъ была покрыта дѣвочка.

— Вотъ это одѣяло мы и возьмемъ,—сказали они въ одинъ голосъ.—Возьмемъ да продадимъ, а вырученныя деньги отошлемъ королю...

Женщина вздрогнула. Испуганными глазами взглянула она на больную дѣвочку, потомъ перевела взглядъ на обоихъ мужчинъ и громко зарыдала.

— Не отнимайте у меня послѣдняго!—молила она,—не губите мою дѣвочку! Я цѣлыя ночи проводила за шитьемъ этого одѣяльца, чтобы только порадовать мою крошку... Ей стало лучше съ тѣхъ поръ, какъ я укутываю ее въ это теплое одѣяльце. Она умретъ, умретъ непремѣнно, если ее лишить его!

— Вздоръ!—произнесли слуги.—Король велѣлъ, чтобы всѣ его подданные отдавали ему, что есть у нихъ поцѣннѣе. И мы, отнимая у тебя одѣяло, исполняемъ волю короля...

Король-птица не могъ удержаться. Онъ рѣшилъ крикнуть, что это ложь, что такого приказа онъ не издавалъ, что онъ никогда не рѣшился бы отнимать что-либо у своихъ бѣдныхъ подданныхъ. Но—вмѣсто королевскаго голоса—раздалось лишь карканье птицы, которое осталось непонятнымъ королевскимъ слугамъ...

И они грубо сорвали одѣяло съ кровати дѣвочки и исчезли за дверью.

Худенькое, изсохшее отъ лихорадки, тѣльце ребенка задрожало, забилось въ ознобѣ. Несчастная мать кинулась къ дочери, обхватила ее своими трепещущими руками и старалась отогрѣть своимъ теплымъ дыханіемъ...

Черная птица съ громкимъ стономъ отлетѣла прочь отъ окна. Она поднялась высоко-высоко, пролетѣла черезъ громадное пространство и опустилась у окна королевскаго дворца. Тамъ крылья ея разомъ отпали, пухъ исчезъ и, вмѣсто черной птицы, появился опять сѣдовласый король посреди своей роскошной опочивальни.

Онъ былъ блѣденъ и глаза его горѣли мрачнымъ огнемъ.

— Лара! Фея Лара!—воскликнулъ онъ, протягивая руки къ лучамъ мѣсяца, только-что выплывшаго изъ-за тучъ,—явись ко мнѣ!

И фея Лара явилась.

— Ты звалъ меня, король?—послышался ея звонкій голосъ.

— Да, я звалъ тебя,—отвѣчалъ онъ мрачно.—Ты превратила меня изъ бумажнаго короля съ раскрашенной картины въ настоящаго живого властелина страны... Я хотѣлъ облагодѣтельствовать мою страну, хотѣлъ сдѣлать всѣхъ людей счастливыми... Я хотѣлъ, чтобы каждый въ моемъ королевствѣ былъ счастливъ и доволенъ, сытъ и одѣтъ. Но теперь я вижу, что сдѣлать все это мнѣ одному не по силамъ. Мои сановники скрываютъ отъ меня правду, мои слуги притѣ-

сняютъ народъ... Добрая фея, помоги мнѣ стать счастливымъ королемъ счастливаго народа. Я все сдѣлаю, что ты прикажешь... Я готовъ отдать даже жизнь за благо моихъ подданныхъ.

— Этого мало,—покачавъ серебристой головой, произнесла голубая Лара.—Твоя жизнь не принесетъ счастья твоимъ подданнымъ, не устранитъ ихъ горе, не осушитъ слезъ...

— Такъ что-же мнѣ дѣлать? — въ отчаяніи спросилъ король. — Я безсиленъ и самъ ничего не могу придумать.

— Не можешь? — угрюмо произнесла Лара, — значитъ, ты не достоинъ быть настоящимъ королемъ, значитъ, тебѣ только и быть всегда бумажнымъ королемъ съ раскрашенной картинки и не мѣсто тебѣ здѣсь, во дворцѣ...

Фея подняла свою палочку...

Какъ разъ въ это время весь дворецъ дрогнулъ отъ бѣшеныхъ криковъ восторга... Это толпа народа, съ королевскими слугами во главѣ, собралась на улицѣ славить своего короля.

Но короля уже не было во дворцѣ... Раскрашенная картинка лежала на прежнемъ своемъ мѣстѣ, въ окнѣ магазина, а на раскрашенной картинкѣ красовался опять бумажный король, прежній, великолѣпный король въ коронѣ и дорогой мантіи...

Онъ протеръ свои бумажные глаза и произнесъ съ удивленіемъ:

— Такъ это былъ сонъ? И только сонъ?

Въ самомъ дѣлѣ это былъ сонъ и только сонъ бумажнаго короля, который впервые провелъ ночь при открытыхъ ставняхъ...

Золотыя звѣзды, сіявшія съ неба, подтвердили объ этомъ королю.

Золотыя звѣзды добавили еще что-то.

Добавили такъ тихо, что это могъ услышать одинъ только бумажный король.

Онѣ сказали:

— Жаль намъ маленькаго бумажнаго короля... Онъ такъ горячо и искренно хотѣлъ быть настоящимъ королемъ, чтобы сдѣлать счастливой свою большую страну. Бѣдный маленькій бумажный король! Онъ забылъ, что мало одного такого желанія! Не бумажнымъ королямъ съ раскрашенной картинки быть повелителями милліоновъ людей... Такъ пусть же онъ довольствуется своей скромной долей привлекать искусно раскрашенной картинкой взоры прохожихъ...

Такъ говорили золотыя звѣзды...

— Не отнимайте у меня послѣдняго!—молила она...

Къ сказкѣ «Король съ раскрашенной картинки».

Шумѣлъ лѣсъ, гудѣлъ вѣтеръ, столѣтнія сосны плакали и стонали... Старая колдунья Мятель кружилась въ дикой пляскѣ. Дѣдко-Морозъ смотрѣлъ на нее, хлопалъ въ ладоши и восклицалъ съ довольнымъ видомъ, потирая руки:

— Лихо! Ой, бабушка-Мятелица, лихо!

А лѣсъ шумѣлъ и старыя сосны плакали и стонали...

Кругомъ было темно, непривѣтно... Звѣри попрятались къ себѣ въ берлоги, чтобы переждать въ нихъ лютую непогоду. Имъ было весело, тепло и уютно. У всѣхъ у нихъ были семьи, были добрыя, ласковыя дѣтки, были родные...

У сѣраго Мишки не было никого. Совсѣмъ одинокъ на бѣломъ свѣтѣ былъ сѣрый лохматый Мишка. И жилъ онъ, какъ отшельникъ, одинъ-одинешененъ въ самой чащѣ лѣса, и никто никогда не заглядывалъ къ нему.

Онъ былъ большой-пребольшой и сильный-пресильный, такой большой и такой сильный, что всѣ его собратья-медвѣди казались слабыми малютками въ сравненіи съ нимъ.

И всѣ звѣри его боялись: и зайцы, и лисицы, и волки, и медвѣди; да, даже медвѣди боялись его, когда онъ шелъ по лѣсу, весь всклокоченный, огромный и страшный, со сверкающими глазами; и какъ только онъ своей неуклюжей, тяжелой поступью выходилъ изъ берлоги, все бѣжало, сворачивая въ сторону съ его пути.

А между тѣмъ онъ никому не сдѣлалъ зла и былъ страшенъ только потому, что одичалъ въ одиночествѣ.

А одинокимъ онъ былъ давно. Давнымъ-давно пришелъ онъ въ этотъ лѣсъ изъ глухого, черннаго бора и поселился здѣсь, въ чужомъ лѣсу, въ новой, наскоро имъ самимъ вырытой берлогѣ.

Люди отняли у него медвѣдицу-жену и дѣтей-медвѣжатъ, убили ихъ, а его самого ранили пулей. Эта пуля крѣпко засѣла въ толстой медвѣжьей шкурѣ и напоминала ему о томъ, что люди его враги, что они сдѣлали его несчастнымъ на всю жизнь. И сѣрый Мишка ненавидѣлъ людей, какъ только можно ненавидѣть самыхъ злѣйшихъ враговъ. И звѣрей онъ ненавидѣлъ: ушелъ отъ нихъ въ лѣсъ подальше и не хотѣлъ дружиться съ ними. Еще-бы! Вѣдь они были счастливы по-своему, а ему, одинокому, обиженному и одичавшему, было больно смотрѣть на чужое счастье...

Въ тѣ дни, когда кружилась метель и пѣлъ вѣтеръ, онъ чувствовалъ себя лучше и легче и веселѣе становилось у него на душѣ. Онъ залѣзалъ въ свою берлогу, лизалъ лапу и думалъ о томъ, какъ злы и жестоки люди и какъ онъ ненавидитъ ихъ — онъ, большой, сѣрый, косматый медвѣдь.

Шумѣлъ лѣсъ, кружилась мятелица и старыя сосны скрипѣли...

Мишка лежалъ на своей постели изъ мха и листьевъ и ждалъ приближенія ночи. Ему хотѣлось уснуть хорошенько, чтобы забыть и злобу, и ненависть, и тоску.

И вдругъ, въ полутьмѣ его берлоги что-то блеснуло неожиданно, ярко... Какой-то розовый комочекъ перекувырнулся въ воздухѣ и упалъ къ самымъ ногамъ медвѣдя.

Мишка наклонился, взялъ въ лапу розовый комочекъ и поднесъ его къ самымъ глазамъ, стараясь разсмотрѣть неизвѣстный предметъ.

Смотрѣлъ Мишка, смотрѣлъ — и брови его нахмурились, глаза сверкнули.

— Неужто человѣческое существо! — произнесъ онъ сердито. — Хотя и крошечное, маленькое, а все-таки человѣческое существо... человѣкъ.. Да, да, не что иное, какъ человѣкъ...

Дѣйствительно, то, что лежало бездыханное на широкой мохнатой его лапѣ, было очень похоже на человѣка; только оно было ростомъ въ мизинецъ, не больше, и съ лучистыми крылышками за спиною.

Оно казалось мертвымъ, это маленькое человѣческое существо со свѣтящимися крылышками за спиною, съ прелестнымъ, хотя и посинѣвшимъ отъ холода личикомъ.

Но медвѣдь злобно смотрѣлъ на маленькое существо, не замѣчая, какъ оно прекрасно... Ему хотѣлось уничтожить его, потому что маленькое существо было похоже на его врага—человѣка.

Мишка уже занесъ другую лапу, чтобы убить ею малютку, какъ вдругъ, согрѣтое горячимъ медвѣжьимъ дыханіемъ, маленькое существо ожило, встрепенулось, открыло глазки и зашевелилось своими лучистыми крылышками... И вся внутренность берлоги сразу освѣтилась яркимъ свѣтомъ, и странные звуки точно серебрянаго колокольчика, звуки, какихъ угрюмый Мишка никогда въ жизни не слыхалъ, наполнили всѣ уголки и закоулки его жилища... И показалось Мишкѣ, что въ его берлогѣ стало свѣтло, какъ въ первый день яснаго мая, и что запахло въ ней цвѣтами, весенними душистыми цвѣтами стараго лѣса...

А странное существо съ блестящими крылышками, раскрывъ свои глазки, залилось звонкимъ смѣхомъ.

— О-о, какой смѣшной, странный медвѣдь,—звенѣло оно,—какой большой, дикій медвѣдь! Не думаешь-ли ты убить меня? Ха, ха, ха, ха! Вотъ глупый, глупый Мишка!.. Поднялъ свою косматую лапу, ворочаетъ своими свирѣпыми глазами и думаетъ, что напугалъ этимъ маленькую фею...

— Развѣ ты фея, а не человѣкъ?—удивился медвѣдь.

— Ну, конечно, фея, глупый! Люди велики и неуклюжи, а я мала и изящна, какъ цвѣтокъ. Вглядись-ка въ меня хорошенько... Развѣ бываютъ люди такіе граціозные, такіе подвижные, какъ я? И потомъ, я не боюсь смерти, какъ люди! Если ты убьешь меня, я превращусь въ тотъ цвѣтокъ, изъ котораго я появилась, и новая жизнь улыбнется мнѣ. Бабочки будутъ порхать вокругъ меня, пчелы станутъ напѣвать свои мелодичныя пѣсенки, а серебряный лучъ мѣсяца разскажетъ мнѣ такія чудесныя сказки, какихъ ты, большой, сѣрый, неуклюжій медвѣдь, навѣрное не слыхивалъ. Когда-же придетъ осень и цвѣты завянутъ, я превращусь снова въ фею, лучистую, красивую, какъ сейчасъ, и улечу на зиму въ южныя страны.

— Но какъ же теперь, въ такую стужу, ты осталась здѣсь и, чуть живая, очутилась въ моей берлогѣ?—заинтересовался медвѣдь.

Фея засмѣялась еще веселѣе.

— О, о, это мой маленькій капризъ! — вскричала она весело. — Я хотѣла увидѣть зиму, мятель, вьюгу, я хотѣла услышать пѣсенку вѣтра, чтобы потомъ похвастать всѣмъ видѣннымъ передъ моими подругами! И я спряталась въ дупло старой сосны, думая полюбоваться оттуда на все это... Но стало холодно, такъ холодно, что я закоченѣла... Я привыкла къ теплу и свѣту, къ радостямъ жизни и аромату цвѣтовъ... А тутъ еще старый дятелъ, хозяинъ дупла, выгналъ меня изъ своего жилища. Глупый дятелъ совсѣмъ не понимаетъ вѣжливаго обращенія съ такими хорошенькими феями, какъ я. Вѣтеръ подхватилъ меня, вьюга закружила мнѣ голову и... и не знаю, какъ я очутилась въ твоей берлогѣ, на твоей косматой лапѣ, сѣрый медвѣдь.

— А ты не боишься, что я съѣмъ тебя? — поинтересовался снова Мишка.

— Нѣтъ, не боюсь... Я самая хорошенькая фея, какая можетъ только встрѣтиться въ нашемъ лѣсу, и тебѣ жаль будетъ съѣсть меня, — снова засмѣялось-зазвенѣло странное существо. — И потомъ... я буду разсказывать тебѣ сказки, и тебѣ будетъ веселѣе со мною, чѣмъ одному... О, ты не знаешь еще, какія сказки умѣетъ разсказывать фея Ліана.

— Тебя зовутъ Ліана? — освѣдомился медвѣдь.

— Да, меня зовутъ Ліаной! Розовый Май — мой крестный отецъ далъ мнѣ это хорошенькое имя. Что же, ты все еще хочешь прогнать меня изъ твоей берлоги? Или ты хочешь съѣсть меня, глупый сѣрый медвѣдь?

Медвѣдь нахмурился и усиленно засосалъ лапу. Ему жаль было разставаться съ звонкимъ и нѣжнымъ, какъ серебряный колокольчикъ, смѣхомъ и съ яркимъ свѣтомъ въ своей берлогѣ, и съ ароматомъ весеннихъ цвѣтовъ, который наполнилъ ее съ появленіемъ феи.

Но... она, эта маленькая фея, такъ была похожа на человѣка, а онъ, Мишка, ненавидѣлъ людей и обѣщалъ отомстить имъ за то, что они сдѣлали его одинокимъ... Не отомстить-ли ему заодно и маленькой феѣ?..

Пока Мишка думалъ о томъ, какъ ему быть, фея, не дожидаясь, начала тихонько, вполголоса, разсказывать ему сказку, такую сказку, какой навѣрное не зналъ самъ могучій зеленобородый хозяинъ лѣса, лѣсовикъ.

А когда Ліана кончила свою сказку, суровое, угрюмое выраженіе

сошло съ морды медвѣдя, складки на лбу расправились и глаза загорѣлись привѣтливымъ, мягкимъ свѣтомъ.

— Ты можешь остаться въ моей берлогѣ!—разрѣшилъ онъ милостиво Ліанѣ, — тебѣ будетъ здѣсь тепло, хорошо и уютно!

И Ліана осталась...

— У меня была медвѣдица-жена и трое медвѣжатъ, ласковыхъ и игривыхъ. Ихъ отняли злые люди, и я остался одинокимъ, угрюмымъ медвѣдемъ. Звѣри боятся меня. А Ліана не боится. Она довѣряетъ мнѣ. Она садится мнѣ на лобъ и тормошитъ меня за уши, она трогаетъ мои острые, огромные зубы своими нѣжными пальчиками, дуетъ мнѣ въ глаза, а когда я морщусь отъ этого, она заливается звонкимъ смѣхомъ надъ моими невольными гримасами. Она не боится меня, не чуждается, она привыкла ко мнѣ и не хочетъ мнѣ зла. Злые люди отняли у меня медвѣдицу и трехъ славныхъ медвѣжатъ, а судьба за это подарила мнѣ Ліану. Буду заботиться о Ліанѣ за ея доброту и ласку ко мнѣ.

Такъ разсуждалъ медвѣдь, ступая по лѣсу, а звѣри съ недоумѣніемъ смотрѣли ему вслѣдъ.

— Удивительно, что сталось съ нашимъ букой... Онъ выглядитъ много привѣтливѣе и добрѣе! — говорила кумушка-лисица молодому лѣсному волку.

Тотъ прищурился вслѣдъ медвѣдю и, виляя хвостомъ, процѣдилъ сквозь зубы:

— Не удивляйтесь... Если-бы въ вашей норѣ стало такъ свѣтло, уютно и прекрасно, какъ у него въ берлогѣ, вы бы тоже измѣнились, какъ онъ.

Фея Ліана совершенно преобразила суровую, непривѣтную берлогу Мишки.

Вмѣстѣ съ яркимъ свѣтомъ своихъ крылышекъ, вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ и журчаньемъ сказокъ, она внесла веселье, жизнь, сердечность и радость въ уголъ бѣднаго одинокаго медвѣдя.

И Мишка за это платилъ беззавѣтной преданностью и вѣрной службой маленькой феѣ.

Онъ всячески старался угождать ея малѣйшимъ капризамъ, угадать каждое ея желаніе.

А желаній и капризовъ у феи Ліаны было не мало.

Однажды ей захотѣлось имѣть тотъ цвѣтокъ розы, который она видѣла когда-то въ окнѣ сосѣдней съ лѣсами деревушки.

Мишка отправился въ деревню и похитилъ цвѣтокъ, рискуя соб-

ственной шкурой. Но оказалось, растеніе представляло одинъ только жалкій стебелекъ съ листьями, а самаго цвѣтка уже не было на немъ. Роза давно отцвѣла...

Ліана затопала ножками отъ досады и успокоилась только тогда, когда Мишка, вмѣсто розы, устроилъ ей крошечную колесницу изъ сосновой хвои, впрегъ въ нее бѣлку, пойманную имъ въ лѣсу, и Ліана могла разъѣзжать въ своемъ новомъ экипажѣ по всей берлогѣ.

Но интереснѣе всего было то, что фея Ліана научила плясать угрюмаго, сѣраго Мишку.

Когда ей надоѣдало разсказывать сказки или кружиться по берлогѣ со своей бѣлкой, она заставляла пѣть сверчковъ въ углу ихъ жилища и приказывала Мишкѣ плясать одну изъ тѣхъ неуклюжихъ, потѣшныхъ плясокъ, которыя умѣютъ исполнять одни лишь медвѣди.

И Мишка плясалъ, чтобы только угодить своей маленькой гостьѣ.

А когда онъ уставалъ и потъ градомъ катился съ его тяжелой шкуры, Ліана вспархивала ему на голову и махала надъ нимъ своими легкими крылышками, и медвѣдю отъ этого становилось прохладно и легко.

Такъ весело и хорошо протекало время въ медвѣжьей берлогѣ. Сѣрый медвѣдь давно забылъ свое горе... Онъ крѣпко полюбилъ Ліану и, не задумываясь, отдалъ-бы жизнь за нее.

Наступила весна. Снѣгъ въ лѣсу растаялъ. Потекли быстрые ручейки въ ложбинахъ. Бѣлый подснѣжникъ сиротливо выглянулъ изъ зеленой травы.

Мишка увидѣлъ подснѣжникъ, сорвалъ его и принесъ Ліанѣ.

Веселая фея, при видѣ перваго весенняго цвѣтка, поблѣднѣла разомъ и стала сама бѣлѣе принесеннаго подснѣжника. Въ глазахъ Ліаны отразилась безысходная грусть... Она сложила свои крылышки и вся опустилась и потемнѣла.

— Что съ тобою, Ліана? — испуганно наклонился къ ней медвѣдь.

— Ахъ, ничего... ничего... — произнесла она такимъ голосомъ, отъ котораго болѣзненно замерло медвѣжье сердце.

Но разспрашивать про ея горе онъ не посмѣлъ, потому что боялся еще болѣе растревожить маленькую фею.

Прошелъ еще мѣсяцъ, и лѣсная лужайка запестрѣла цвѣтами. Красавчикъ Май выглянулъ изъ своей нарядной колыбели и поздравилъ

съ праздникомъ природу. Ему отвѣтилъ жаворонокъ мелодичной и звонкой трелью. Эта трель достигла до слуха Ліаны. Она затрепетала и забилась отъ нѣжныхъ звуковъ птичьей пѣсенки... Глаза ея широко раскрылись, въ нихъ появились слезы.

Медвѣдь увидѣлъ эти слезы и произнесъ съ чувствомъ:

— Люди, слыхалъ я, плачутъ много и сильно, но феи—никогда. Только большое горе можетъ вызвать слезы на веселыхъ глазахъ феи. У тебя вѣроятно есть какое-нибудь горе. Ты хочешь на волю, Ліана, къ такимъ-же веселымъ, маленькимъ феямъ, какъ и ты!

Но фея заплакала еще сильнѣе, услыша эти слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не уйду отъ тебя! Ліанѣ жаль оставить тебя снова одинокимъ,—говорила она.—Ты будешь скучать безъ меня, потому что я успѣла своими сказками, своей веселой болтовней и смѣхомъ заставить тебя забыть твое горе. Нѣтъ, я не уйду отъ тебя, я не хочу быть неблагодарной: ты далъ мнѣ пріютъ въ своемъ жилищѣ, когда мнѣ некуда было дѣваться, ты спасъ меня отъ стужи и смерти... Нѣтъ, нѣтъ, я не оставлю тебя! Будь покоенъ, мой другъ!..

Сердце Мишки забилось радостно и тепло...

Онъ понялъ, что не всѣ въ мірѣ несправедливы и жестоки. И онъ еще крѣпче полюбилъ своего друга — маленькую фею за ея слова.

Все пошло по старому, только Ліана не выглядывала больше изъ медвѣжьей берлоги и поминутно затыкала свои маленькія уши, чтобы не слышать трелей жаворонка, заливавшагося въ лѣсу.

И вдругъ, однажды, когда медвѣдь дремалъ на свѣжей моховой постели, а Ліана, сидя около его уха, нашептывала ему свои прелестныя сказки, въ берлогу влетѣлъ хорошенькій голубой мотылекъ. На спинѣ мотылька сидѣла чудесная маленькая фея, какъ двѣ капли воды, похожая на Ліану.

— Привѣтъ тебѣ! Привѣтъ тебѣ! — залепетала она, бросаясь въ объятья Ліаны, — наконецъ-то я нашла тебя, сестра! Я искала тебя по всему лѣсу, чтобы сказать тебѣ пріятную новость. Завтра въ первое новолуніе мы, лѣсныя феи, празднуемъ избраніе нашей королевы. Каждая изъ насъ разскажетъ то, что видѣла интереснаго за эту зиму... И та, чей разсказъ будетъ лучше всѣхъ, сдѣлается нашей повелительницей... Я прилетѣла извѣстить тебя объ этомъ сюда, потому что лѣсная мышь сказала мнѣ, что тебя можно найти въ медвѣжьей берлогѣ. Смотри, не забудь прилетѣть завтра на наше торжество...

И, прозвенѣвъ все это своимъ колокольчикомъ-голоскомъ, фея-гостья снова умчалась на спинѣ своего возницы — мотылька.

Мишка взглянулъ на *Ліану*... Она лежала, вся съежившись въ самомъ дальнемъ уголку берлоги. Ея глаза, широко раскрытые, выражали такую безысходную тоску, что медвѣдь не выдержалъ и произнесъ глухимъ, убитымъ голосомъ:

— Ступай, Ліана!.. Ступай обратно въ твое майское царство зелени, пѣсенъ и цвѣтовъ!.. Ты появишься среди веселыхъ маленькихъ фей, разскажешь имъ про дружбу и преданность суроваго одинокаго медвѣдя и они выберутъ тебя своей королевой, потому что твоя сказка будетъ самой интересной изъ всѣхъ... Прощай, Ліана, лети въ свое царство! Феи должны быть свободны, должны жить и радоваться среди цвѣтовъ, и не мѣсто имъ въ темной и душной звѣриной берлогѣ...

И съ этими словами онъ сиротливо поникъ своей косматой головою.

Ліана встрепенулась... Ей было безконечно жаль оставить добраго, славнаго Мишку, котораго она успѣла пріучить къ себѣ и котораго заставила забыть его одиночество; но въ то же время ее неудержимо тянуло въ царство маленькихъ фей зелени, цвѣтовъ, въ царство веселья и радости, изъ котораго она явилась. Недолго колебалась маленькая, розовая фея... Бросила она послѣдній взглядъ на медвѣдя, кивнула ему хорошенькой головкой и, расправивъ блестящія крылышки, нѣжно прозвенѣла ему на ушко свой прощальный привѣтъ... А потомъ, съ болью въ сердцѣ, но съ сознаніемъ возвращенной свободы, улетѣла, какъ быстрая птичка, изъ медвѣжьей берлоги...

Она примчалась съ быстротою молніи на посеребренную луннымъ сіяніемъ цвѣточную поляну какъ разъ въ ту минуту, когда подъ звуки соловьиной пѣсни одна изъ фей, сидя на тронѣ будущей королевы, закончила свою сказку.

Вокругъ трона королевы, на чашечкахъ ночныхъ фіалокъ, сидѣли крошечныя феи и апплодировали разсказчицѣ.

— Ея сказка лучше всѣхъ остальныхъ! — звенѣли онѣ своими колокольчиками-голосами, — и прелестная разсказчица должна быть нашей королевой.

Но тутъ появилась *Ліана* и, опустившись на цвѣтокъ дикаго левкоя, разсказала имъ правду-быль о томъ, какъ злой, страшный, угрюмый, дикій медвѣдь сталъ добрымъ и кроткимъ съ тѣхъ поръ, какъ въ его берлогѣ появилась крошечная фея и какъ онъ полюбилъ

— Не думаешь-ли ты убить меня?

Къ сказкѣ «Фея въ медвѣжьей берлогѣ».

фею, какъ заботился о ней и какъ ему не хотѣлось разстаться съ нею... А въ заключенiе она разсказала и о томъ, какъ самой феѣ жаль было оставить одинокаго Мишку съ разбитымъ сердцемъ...

Эта сказка была такъ хороша, что даже соловей затихъ, прислушиваясь къ красивому повѣствованiю.

И маленькiе эльфы плакали, слушая сказку Дiаны, плакали, слушая сказку о разбитомъ медвѣжьемъ сердцѣ.

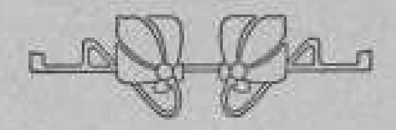
И когда она кончила, цвѣты и феи, соловьи и ночныя бабочки аплодировали ей.

И всѣ въ одинъ голосъ выбрали ее королевой.

Свѣтляки зажглись въ травѣ и освѣтили картину ночного майскаго праздника... Дiану посадили на тронъ и многочисленная свита воздушныхъ маленькихъ фей старалась предупредить каждое желанiе новой королевы...

Но королева смотрѣла печально на всѣхъ своими красивыми глазами...

Ей представлялась далекая, темная берлога, невзрачная постель изъ старыхъ листьевъ и мха и одинокiй, бѣдный, печальный медвѣдь, думающiй съ тоскою о ней—королевѣ...

Широко раскинулись огромныя палаты именитаго боярина Коршуна... Богатъ и знатенъ бояринъ. Много у него всякаго добра и казны въ большихъ укладкахъ и ларцахъ напрятано. Много тканей, бархата, парчи, мѣховъ, собольихъ да куньихъ, да камней самоцвѣтныхъ и зеренъ жемчужныхъ схоронено подъ крышками тяжелыхъ кованыхъ сундуковъ. По всему дому, неслышно скользя, снуютъ челядинцы (слуги) боярина. Много ихъ у него. И всѣ-то они сыты, одѣты и обуты. Для всѣхъ ихъ много хлѣба и всякой снѣди въ амбарахъ и кладовыхъ боярскихъ припасено.

Любитъ бояринъ вокругъ себя видѣть сытыя, довольныя, радостныя лица. И чтобы довольны были своей жизнью слуги боярскіе, чтобы радостно улыбались ихъ лица и чтобы восхваляли они своего боярина честь-честью, ничего для нихъ Коршунъ не жалѣетъ.

— Кушайте, молъ, сладко, пейте до сыта!

Кушаетъ вволю бояринъ, кушаетъ и челядь его пироги подовые, масляные, всякую живность, курей да утокъ, пьетъ пиво да брагу, медъ да вина заморскія съ боярскаго стола вдоволь, до сыта.

А чтобы сытно кушать да вкусно пить боярину Коршуну, его семьѣ и челяди, собираетъ бояринъ дань со своихъ мужиковъ, которыхъ ему давно съ вотчинами пожаловалъ батюшка-царь. Мужики до пота лица трудятся, хлѣбушка нажнутъ, отмолотятъ, смелютъ и боярину Коршуну шлютъ; и пряжи всякой посылаютъ, и полотна.

И живетъ бояринъ трудами своихъ мужиковъ-работниковъ, живетъ припѣваючи.

Только однажды послалъ гонцовъ бояринъ по своимъ вотчинамъ и деревнямъ, чтобы собрать съ мужичковъ обычную дань, а гонцы встревоженные и взволнованные назадъ воротились.

— Ничего не привезли тебѣ, бояринъ! Въ твоихъ деревняхъ Чародѣй-Голодъ поселился. Онъ тамъ хозяйничаетъ, — говорятъ ему. — Изъ-за него въ этотъ разъ ничего отъ мужиковъ твоихъ получить намъ не пришлось.

Крутъ былъ нравомъ, вспыльчивъ бояринъ Коршунъ.

— Какой-такой Чародѣй,—кричитъ,—какой-такой Голодъ? Знать его не знаю, вѣдать его не вѣдаю! Чтобы было мнѣ все по-прежнему, и мука, и полотно, и пряжа, все, чѣмъ мнѣ мужики мои до сихъ поръ челомъ били!

Испугались боярскіе гонцы хозяйскаго гнѣва. Стоятъ ни живы, ни мертвы передъ бояриномъ. Дрожатъ, трясутся...

— Ничего, бояринъ-батюшка, подѣлать нельзя,—снова лепечутъ.— Засѣлъ крѣпко-накрѣпко въ твоихъ деревняхъ Чародѣй-Голодъ, всѣми мужиками твоими распоряжается, словно въ тискахъ ихъ держитъ, поля ихъ сушитъ, коровушекъ и лошадей губитъ... Скоро до самихъ мужиковъ доберется!

— Ой-ли?—гаркнулъ бояринъ,—ой-ли? Неужто-жъ такъ силенъ и могучъ Чародѣй-Голодъ?

— Очень могучъ, бояринъ-батюшка!—отвѣчаютъ на-смерть перепуганные гонцы.

— Такъ могучъ, что и не побѣдить мнѣ его?—еще пуще того разсвирѣпѣвъ, спрашиваетъ бояринъ.

Слуги молчатъ, трясутся отъ страха и чуть слышно шепчутъ:

— Очень могучъ Чародѣй-Голодъ!

— А когда такъ, — совсѣмъ уже разгнѣвался бояринъ, — когда такъ, то я знаю, что сдѣлаю. Гей, люди! Готовьтесь въ путь, запрягайте сани, собирайтесь въ дальнюю дорогу!.. Побольше всякой снѣди съ собой берите! Хочу Чародѣя-Голода сыскать, на бой его вызвать и побороть его негоднаго!... И жену-боярыню, и дѣтей моихъ возьму съ собою—пусть посмотрятъ, какъ бояринъ Коршунъ съ Чародѣемъ-Голодомъ бороться будетъ...

Поднялась суматоха въ боярскомъ домѣ. Засуетились слуги, засуетилась дородная хозяйка-боярыня. Забѣгали дѣти хозяйскія. Всѣ въ путь готовятся, снаряжаются...

На кухнѣ боярской дымъ коромысломъ стоитъ: пироги да яства разныя для дороги готовитъ, хлѣбъ да разные припасы на возы да телѣги складываютъ, бочки брагою и виномъ наполняютъ, чтобъ для всѣхъ хватило.

Шутка-ли, всѣмъ домомъ въ путь подняться!

Поднялись однако... Тронулись....

Передъ боярскими санями гонцы скачутъ верхами, народъ разгоняютъ съ пути. Оповѣщаютъ всѣхъ криками, чтобы сторонились,— значитъ, что знатная особа боярская въ саняхъ ѣдетъ.

День, другой, третій проходитъ... Недѣля, другая, третья...

По дорогѣ останавливаются лошадямъ отдыхъ дать, самимъ поразмяться...

На исходѣ мѣсяца доѣхали до боярской вотчины. Люди изъ избъ выскочили встрѣчать рѣдкихъ гостей. Господи Боже мой, и что это за люди были!... Худые, измученные—кожа да кости... Глаза, какъ плошки у всѣхъ огромные, такъ и горятъ... Желтая кожа отвисла на лицѣ и рукахъ. Голоса какъ изъ-подъ земли звучатъ, глухіе, страшные...

— Здравъ буди, бояринъ милостивый!—кричатъ. Да крикъ у нихъ такой слабый, что до ушей боярскихъ дойти не можетъ.

— Что такое? что съ вами?—удивляется бояринъ, обращаясь къ голоднымъ, измученнымъ людямъ.

— Это насъ такъ голодъ разукрасилъ,—отвѣчаютъ ему несчастные.—Уморить онъ насъ всѣхъ хочетъ... Ни крошки хлѣба не оставилъ... Вотъ который день уже голодаемъ... Помоги намъ, бояринъ, у тебя хлѣба да припасовъ въ твоихъ амбарахъ много... Вели, бояринъ, отпустить...

Не нравится боярину рѣчь мужиковъ, помогать имъ не хочется. Мало ли ихъ тутъ? Всѣхъ не одѣлишь.

Скупъ былъ бояринъ и не умѣлъ людей жалѣть. Да и не для того въ дальній онъ путь отправился, чтобъ мужикамъ свои запасы отдать. Другое его тѣшило и занимало: какой такой изъ себя Чародѣй-Голодъ, мыслитъ онъ, и какъ бы найти его, да на бой вызвать, чтобы онъ не смѣлъ ему, Коршуну, перечить? А то чтожъ это? Который мѣсяцъ бояринъ дани со своихъ вотчинъ собрать не можетъ, изъ-за какого то Чародѣя-Голода убытки терпитъ!

Нѣтъ, надо его найти и побѣдить непремѣнно лютаго врага...

И сталъ спрашивать голодныхъ мужиковъ бояринъ, какъ найти Голода-Чародѣя, какъ встрѣтить его?

— Узналъ,—лепечетъ бояринъ...

Къ сказкѣ «Чародѣй-Голодъ».

Но мужики не понимаютъ, чего отъ нихъ бояринъ хочетъ.

Одно только твердятъ:

— Помоги намъ, бояринъ, Христа ради!

А бояринъ разгнѣвался пуще. Велѣлъ поворачивать сани и въ другую вотчину ѣхать.

Повернули сани и поѣхали лѣсомъ, большимъ, густымъ, непроходимымъ.

Какъ выѣхали на опушку, такъ темно, темно въ саняхъ крытыхъ, точно ночью, стало. А тутъ еще мятелица съ вьюгой поднялась... Кружитъ, свиститъ, хлопьями снѣга забрасываетъ. Мучились, мучились, изъ силъ выбились...

— Стойте! — кричитъ бояринъ. — Переждемъ здѣсь мятелицу, отдохнемъ... Запасовъ у насъ дня на три хватитъ. Къ этому времени метель пройдетъ...

Выпрягла челядь лошадей.

День отдыхаютъ, другой, третій, а вьюга не унимается. Всю дорогу занесло. Не выбраться. А припасовъ, что взяли съ собою, все меньше да меньше становится. Наконецъ, насталъ день, когда всѣ припасы поѣли; больше ничего не осталось: не то что пироговъ да живности — ни единой даже краюшки хлѣба. А метель все кружитъ и поетъ и дорогу все больше и больше заметаетъ...

Ѣсть страшно людямъ хочется, а изъ лѣса выхода покамѣстъ не видно. Снѣжные заносы кругомъ.

Слуги волноваться начали. Ропщутъ.

— Ѣсть хочется, бояринъ. Не въ моготу!

А боярину и самому тяжко.

Дѣти боярскія, уже третій день ничего не получая, захворали у него въ возкѣ. Жена стонетъ, мечется, смерть призываетъ. У старшенькой дочери боярина, боярышни Фимы, судороги уже дѣлаются. И кричитъ страшнымъ голосомъ Фима:

— Ѣсть хочу, тятя! Дай мнѣ хлѣбца, тятя! Умираю!...

Свѣта не взвидѣлъ бояринъ отъ этихъ криковъ дочери. Ударился головой о стѣнку колымаги и заплакалъ навзрыдъ, поднимая руки къ небу.

— Смилуйся, Господи! Помоги мнѣ! Половину имущества моего раздамъ мужикамъ! Всѣ свои запасы хлѣбные раскрою передъ ними! Помоги мнѣ! Спаси Фиму, жену, дѣтокъ!

Сказалъ, поднялся съ полу, посмотрѣлъ въ окно возка и тихо вскрикнулъ.

Видитъ бояринъ, у самой колымаги стоитъ огромное, худое чудовище... Лицо у него страшное, костлявое, какъ у мертвеца. Коса за плечами, руки и ноги какъ жерди нависли—болтаются.

— Узналъ ты меня, бояринъ?—спрашиваетъ, смѣясь, страшное чудовище. — Я Чародѣй-Голодъ, тотъ самый, котораго ты на бой вызвать хотѣлъ.

— Узналъ!—лепечетъ бояринъ.

— Что-же ты на бой меня не вызываешь?—снова смѣется чудовище.—Я жду... Есть у тебя оружіе, бояринъ? Не съ пустыми же руками ты со мной бороться будешь... Иль ты меня богатствомъ своимъ побѣдить хочешь, бояринъ?

— Милостями постараюсь побѣдить тебя, батюшка-Голодъ, — отвѣчаетъ бояринъ,—милостями... Самъ теперь знаю всю силу твою!

И низко, низко поклонился Чародѣю-Голоду бояринъ Коршунъ.

Словно чудомъ стихла мятель, разступились снѣжные сугробы и въѣхали на дорогу боярскія сани. Вернулись въ вотчину голодную, и тутъ бояринъ самъ вышелъ къ голоднымъ мужикамъ и далъ всѣмъ имъ торжественное слово, что пришлетъ имъ хлѣба и муки изъ своихъ боярскихъ амбаровъ.

И всю свою казну, какая съ нимъ была, бѣднякамъ роздалъ.

Съ тѣхъ поръ круто измѣнился бояринъ Коршунъ: не только себя и свою челядь жалѣетъ, но и мужиковъ своихъ не забываетъ, часто наѣзжаетъ въ свои вотчины, голодныхъ кормитъ, бѣдняковъ надѣляетъ щедро и тароватo своей казной.

И хоть казны этой меньше у боярина стало, за то богатъ бояринъ любовью народной и счастьемъ окружающихъ людей.

Побѣдилъ не къ худу, а къ добру боярина Коршуна Чародѣй-Голодъ...

Тамъ, гдѣ сплелись вѣтвями ивы зеленыя, гдѣ глухо шумитъ день и ночь большое лѣсное озеро, тамъ, куда золотыя звѣзды заглядываютъ по ночамъ робко и пугливо, тамъ живетъ Сказка-королева.

Много лѣтъ королевѣ; старая она; не одну сотню тысячъ лѣтъ живетъ она на свѣтѣ. А по лицу и не подумаешь, что такая старуха Сказка. Лицо у нея гладкое, юное, свѣжее и такое прекрасное, что звѣзды любуются, глядя на нее, а озерныя волны глухо шумятъ, красотѣ ея завидуя. Глаза у Сказки темные, глубокіе и такъ горятъ, что глядѣть жутко; щеки румянцемъ пышутъ; алыя губки какъ птички щебечутъ; волосы у Сказки золотою сверкающей волной спускаются до самой земли.

Одѣта она всегда пестро и нарядно въ одежду не то лиловато-красную, не то голубовато-розовую. И бѣлаго, и желтаго, и зеленаго много въ ея нарядѣ. А на головѣ—вѣнокъ изъ цвѣтовъ, такой душистый, что голова кружится, если близко подойти къ сказкѣ.

Живетъ Сказка-королева въ самой чащѣ зеленаго лѣса. Тамъ у нея замокъ построенъ, огромный, нарядный... Стѣны замка кружевныя, ажурныя, изъ листьевъ тополей серебристыхъ и плакучихъ бѣлоство-

лыхъ березъ и ивъ; тронъ—изъ незабудокъ и ландышей лѣсныхъ; стража — двѣнадцать великановъ-дубовъ. Стоятъ они карауломъ вокругъ дворца Сказки-королевы и охраняютъ свою повелительницу.

Днемъ спитъ Сказка на душистомъ ложѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ, а ночью, когда загорятся на небѣ золотыя звѣзды, тогда пробуждается Сказка, протираетъ свои темные, красивые глазки и начинаетъ говорить, но такъ, что кажется точно поетъ кто-то среди ночной тишины. Все громче и яснѣе звучитъ ея плавно-текущая рѣчь... И весь лѣсъ, все ея зеленое царство пробуждается тогда и сходится къ ея замку: приходятъ звѣри, слетаются птицы, букашки и мошки, приползаютъ, шурша по травѣ, змѣи и гады.

И всѣ слушаютъ, слушаютъ...

И звѣри, и птицы, и гады, и мошки цѣлые часы стоятъ вокругъ неподвижно, словно зачарованные сладкимъ лепетомъ Сказки-королевы.

Ахъ, какъ хорошо, какъ захватывающе интересно все то, что она имъ говоритъ! А говоритъ она много, безъ устали, говоритъ о томъ, что дѣлается на землѣ и подъ землею, въ моряхъ и на небѣ, и какіе свѣтлые духи живутъ высоко за облаками, какія темныя чудища находятся подъ землей и въ водѣ. И звѣри, заслушавшись Сказку, покорно ложатся у ея ногъ, и змѣи смотрятъ на нее умиленными глазами, и бурныя волны стихаютъ, не завидуя больше ея сверкающей красотѣ, а золотыя звѣзды улыбаются еще мягче и ласковѣе съ далекаго неба. Улыбаются и киваютъ Сказкѣ-королевѣ... И только съ первыми лучами солнца замолкаетъ Сказка, и, утомленная и счастливая, падаетъ на свое душистое ложе и засыпаетъ на немъ, какъ беззаботный ребенокъ на рукахъ няньки.

А двѣнадцать сторожевыхъ дубовъ простираютъ надъ нею вѣтви, чтобы защитить ими отъ солнечныхъ лучей и жары свою королеву...

* * *

Всѣмъ хороша и радостна жизнь Сказки въ ея зеленомъ царствѣ. Всѣмъ хороша, только...

Одно горе у прекрасной королевы, большое горе!..

Есть у Сказки дочка—Правда-королевна.

Вы думаете, что такая-же она красавица, какъ и ея мать?

Нѣтъ!

Вы думаете, что у нея, какъ у ея матери, глаза сверкаютъ, какъ звѣзды, и глубоки, какъ волны лѣсного озера?

Нѣтъ!

Вы думаете, что лицо у нея нѣжное и румяное, а губки милы и постоянно смѣются?

Опять—нѣтъ!

Насколько мать привѣтлива и прекрасна, настолько дочь ея рѣзка со всѣми и некрасива.

Королевна еще дѣвочка, а на видъ старше матери. Худая, блѣдная, со старушечьимъ лицомъ, съ мрачно горящими глазами, пронизывающими, какъ молніи, съ длинными черными волосами...

Правду-королевну никто не любитъ въ зеленомъ лѣсу. Звѣри при видѣ ея ворчатъ глухо и свирѣпо. Змѣи шипятъ, посверкивая на нее своими маленькими злыми глазками, а мошки стараются досадить ей, чѣмъ только могутъ.

Давно-бы расправились съ нею и звѣри и гады, да только изъ любви къ ея матери Сказкѣ не трогаютъ королевну-Правду да боятся строгаго взгляда ея большихъ, блестящихъ, страшныхъ глазъ. Глаза у Правды такіе, что отъ нихъ за десятки, за сотни верстъ убѣжать хочется. Такъ и жгутъ они, такъ и пронизываютъ душу. Подойди-ка къ нимъ, попробуй,—не подступишься! А больше всего глаза эти смущаютъ саму Сказку.

Только зачаруетъ кого-нибудь чудными разсказами Сказка-королева, а въ эту минуту взглянетъ Правда на мать своими молніями-глазами, и пошла потѣха: запутается, собьется Сказка, слова рвутся съ языка, а выйти изъ устъ не могутъ. Ни единаго звука не въ силахъ подъ взоромъ дочери произнести старая королева. Бѣда, да и только!

И звѣри рычатъ, и змѣи шипятъ на Правду, а ей хоть-бы что! Смѣется!

Пристали какъ-то звѣри къ королевѣ съ просьбой:

— Накинь ты на глаза дочери покрывало, чтобъ не видѣли мы ихъ, чтобъ не смущали они зря ни тебя, ни насъ.

Послушалась королева... Въ темнотѣ нѣжныхъ ночей, по ея приказанію, мотыльки тишкомъ сплели изъ лепестковъ розы и дикаго жасмина пестрое покрывало на глаза Правды.

Перестали сверкать молніями глаза королевны. Да только отъ этого лучше не стало. Придетъ на ночной праздникъ Правда и въ самый разгаръ разсказа матери возьметъ и сорветъ покрывало съ глазъ.

И опять засверкают молнiи-глаза, и опять сбивается и путается въ рѣчахъ королева-Сказка. А Правда заливается, хохочетъ:

— Не такъ-то легко побѣдить меня, милые!

Снова просятъ Сказку-королеву звѣри, гады, насѣкомыя, птицы:

— Отдай ты дочку замужъ, Сказка, да подальше куда-нибудь за море, чтобы не мѣшала она намъ жить, радоваться и твой голосъ слушать.

Призадумалась королева-Сказка.

Жаль ей дочери. Любитъ она по-своему проказницу Правду. Тяжело съ ней разстаться. Да вотъ бѣда: ужъ очень она своими продѣлками всѣмъ подданнымъ надоѣла, жить имъ мѣшаетъ.

Захочетъ-ли волкъ у пастуха изъ стада ягненка утащить, глядишь, а Правда — тутъ какъ тутъ: сверкнетъ своими молнiями-глазами, и волкъ со страху въ три прыжка за версту отъ стада очутится. Повздорятъ-ли звѣри изъ-за чего-нибудь (мало-ли споровъ между своими бываетъ), а Правда опять ужъ тутъ. Не стыдитъ, не бранитъ ихъ, а только посмотритъ, ой-ой, какъ посмотритъ! Жутко на душѣ становится. Бррръ! И, не окончивъ спора, расходятся по своимъ берлогамъ звѣри. А ужъ про то, какъ она матери наперекоръ все дѣлаетъ, и говорить нечего.

Подумала-погадала Сказка-королева и рѣшила отдать замужъ дочку.

Разослала она зеленыхъ кузнечиковъ и легкокрылыхъ бабочекъ по всему свѣту сватать жениховъ дочкѣ.

Прiѣхали женихи...

И не одинъ прiѣхалъ, и не два, а цѣлая дюжина жениховъ сразу. На подборъ красавецъ къ красавцу, молодецъ къ молодцу. Все заморскiе короли и принцы. Разные здѣсь были, и принцъ Богатырь, и принцъ Побѣда, и король Сила, и король Миръ, и королевичъ Дружба, и принцъ Любовь, и принцъ Слава, и еще другiе—всѣхъ не перечесть.

Черный Воронъ стоялъ у входа во дворецъ и каркалъ во все горло, восхваляя достоинства Правды-королевны. Каркалъ Воронъ о томъ, что у нея, у Правды, все есть: и могущество, и красота, и добродѣтель...

А въ первой залѣ дворца встрѣчала жениховъ сама Сказка-королева:

— Милости просимъ, гости дорогiе, добро пожаловать.

Голосъ у Сказки какъ свирѣль сладкій, а глаза такъ и зачаровываютъ.

Короли и принцы, какъ увидѣли королеву, красавицу писаную, такъ и зашептали въ восторгѣ:

— У такой красавицы не можетъ быть некрасивой дочери... Покажи дочку, королева!

Кликнула Правду Сказка. Выбѣжала королевна, сдернула съ глазъ покрывало... Да какъ взглянетъ!

Господи, Боже мой! Что въ этомъ взглядѣ было? Женихи всѣ, какъ одинъ, въ обморокъ попадали, а какъ въ себя пришли, давай бѣжать изъ дворца Сказки-королевы.

— Ну, и дочка! Ну, и Правда-королевна!

А Правда заливается, хохочетъ.

— Вотъ и просватали меня! — говоритъ, — куда только женихи дѣлись?

Пуще закручинилась Сказка-королева. Не выдать ей замужъ дочки. Такъ дурна собой Правда, что отъ нея всякій женихъ за тридевять земель бѣжитъ. Что теперь съ ней дѣлать?

И вдругъ узнаетъ Сказка, что ѣдетъ къ нимъ новый женихъ, король какой-то. Имени своего говорить не хочетъ и, что удивительнѣе всего, гонцовъ шлетъ съ дороги сказать королевѣ, чтобы не безпокоилась изъ-за уродства дочери, что знаетъ онъ, какъ дурна собой ея дочка, и какіе глаза у нея страшные-престрашные, но все-таки жениться на ней думаетъ, если только сама королевна ему не откажетъ.

Велѣла спросить королева какъ зовутъ жениха, но гонцы, строго храня тайну короля, имени его не выдаютъ, прибавляютъ лишь, что король у нихъ строгій-престрогій.

Заволновалась, засуетилась Сказка-королева, всѣ старанія приложила къ тому, чтобы получше встрѣтить жениха-короля.

«Если ужъ не хороша лицомъ Правда, такъ пусть хоть могущественной королевной покажется она королю: поведу его въ мои сказочныя царства, заколдую, заворожу его моими разсказами, увидитъ онъ мою власть и женится на дочери ради могущества ея матери!»—рѣшила Сказка-королева.

Нарядила дочку, убрала ее цвѣтами, да, на всякій случай, глаза новымъ, только-что сотканнымъ, покрываломъ закрыла и пошла съ нею встрѣчать на берегъ озера пріѣзжаго короля-незнакомца. Вотъ услышали они среди ночи звуки трубъ, звонъ литавръ, увидѣли рос-

кошную колесницу, а въ ней сидитъ невѣдомый король, высокій, статный и красивый, только на глазахъ у него черная повязка одѣта...

Подивилась королева Сказка такому жениху, однако ничего не сказала.

«Знатный онъ и важный, по всему видно, а что до повязки, то кому какое дѣло?»—подумала она.

И такъ ей захотѣлось дочку за короля выдать, что тутъ же она свои чары на него напустила.

Стала разсказывать Сказка-королева... Залепетали ея розовыя губки... И подъ этотъ лепетъ и сама она, и королевна-дочка, и король пріѣзжій стали спускаться медленно и тихо въ глубокое, бурливое лѣсное озеро.

— Вотъ мое царство!—говоритъ королева гостю и снова лепечетъ, шепчетъ дивныя сказки розовыми устами... И подъ чарующіе звуки ея голоса, журчащія сладко, какъ рокотъ арфы, разступились воды лѣсного озера, встали двумя стѣнами по обѣ стороны и образовали проходъ къ роскошному хрустальному дворцу. Цѣлая толпа свѣтлоокихъ русалокъ выбѣжала навстрѣчу и всѣ пали ницъ передъ Сказкой-королевой. Всѣ привѣтствовали ее. А бѣлыя кувшинки съ лицами подводныхъ красавицъ протягивали пришедшимъ свои чашечки, въ которыхъ были всевозможныя сласти и лакомства. Въ хрустальномъ дворцѣ звучала невидимая музыка и сюда вошла Сказка съ Правдой и ея женихомъ.

Лишь только вошли, всталъ самъ царь Водяной со своего трона и уступилъ его королевѣ Сказкѣ.

А прекрасныя свѣтлоокія дѣвы сплелись въ стройные хороводы и стали плясать легкій и граціозный танецъ.

— Вотъ мое царство! Не правда ли, какъ и могущественна и сильна?—произнесла торжествующе королева и ждала, что отвѣтитъ ей ея гость-женихъ Правды. Но гость не успѣлъ отвѣтить.

Звонко засмѣялась проказница Правда и сдернула со своихъ глазъ покрывало...

Исчезъ дворецъ хрустальный, исчезли яства въ чашечкахъ кувшинокъ, исчезли свѣтлоокія плясуньи-русалки... Все пропало, какъ сонъ...

Королева съ дочерью и ея женихомъ стояли на берегу лѣсного озера, и, какъ ни въ чемъ не бывало, глухо шумѣли его темныя воды тамъ далеко внизу...

Разгнѣвалась на дочь Сказка-королева, хотѣла разбранить ее при гостѣ, да побоялась.

Хуже не было-бы! Чего добраго, не женится еще, отдумаетъ король!

А король улыбнулся только. И показалось или нѣтъ Сказкѣ, только повязка у него чуть сползла съ лѣваго глаза и лицо чуточку больше открылось.

Еще больше заволновалась Сказка, набросила опять покрывало на глаза Правды и съ большимъ жаромъ стала разсказывать снова.

И чудныя картины ей разсказа опять развернулись передъ женихомъ-гостемъ. Опять сладко зазвучалъ прекрасный мелодичный голосъ Сказки, и подъ эти чарующіе звуки подъѣхала легкая серебряная колесница, запряженная бѣлыми конями.

— Садитесь, король, я покажу вамъ другое мое царство!—произнесла Сказка и, легко впрыгнувъ въ воздушный экипажъ съ дочерью и гостемъ, понеслась къ небу, къ золотымъ звѣздамъ.

Тамъ они увидѣли роскошные замки, причудливыя бесѣдки и голубые сады, всѣ залитые дивнымъ серебристо-малиновымъ цвѣтомъ. Какія-то странныя крылатыя существа, прозрачныя какъ лунные лучи, окружили теперь ихъ колесницу. Золотыя звѣзды, казавшіяся съ земли ярко-горящими фонариками, здѣсь оказывались огромными золотыми дворцами и замками. У одного изъ такихъ замковъ остановились серебряные кони. Крылатыя прозрачныя существа бросились проворно и ловко прислуживать пріѣхавшимъ и предупредительно помогли имъ выйти изъ серебряной колесницы. Королева пригласила своего гостя войти въ золотой дворецъ... Тотъ перешагнулъ порогъ его и тихо вскрикнулъ: несмѣтныя сокровища наполняли огромныя залы... Тутъ были грудою навалены драгоцѣнные камни, алмазы, яхонты, сапфиры, изумруды, рубины... Драгоцѣнной рѣкою переливались брилліанты... И у каждой такой груды стояло на стражѣ крылатое существо въ видѣ страшнаго дракона, карауля сокровища...

— Вотъ мои богатства. Найдете ли вы еще что-нибудь такое на землѣ?—произнесла Сказка-королева, обращаясь къ своему гостю.

Но тутъ снова худенькая ручка Правды быстро сорвала покрывало съ глазъ и...

И... все исчезло въ одинъ мигъ, а разгнѣванная королева, гость-женихъ и королевна Правда очутились въ лѣсной чащѣ у входа въ замокъ Сказки-королевы.

Снова улыбнулся король-незнакомецъ, и опять показалось матери и дочери, что повязка съ его глазъ сползла еще немного.

Бросила Сказка суровый взглядъ на Правду-королевну и, наскоро прикрывъ ея лицо покрываломъ, вновь повела свой разсказъ.

Опять полились дивные, пѣвучіе звуки Сказки, и подъ эту музыку, чарующую и сладкую, ожилъ лѣсъ. Огромные сторожевые дубы превратились въ рыцарей-великановъ, гибкіе тополи—въ лѣсныхъ нимфъ, древесные пни—въ карликовъ-гномовъ, цвѣты—въ нарядныхъ красавчиковъ-эльфовъ... Свѣтляки зажглись въ кустахъ, и весь лѣсъ освѣтился... Сверчки затрещали въ травѣ, а пѣвцы-соловьи слетѣлись къ замку Сказки-королевы и засвистѣли-запѣли такую красивую, такую упоительную пѣсню, что сама королева Сказка, все еще не переставая разсказывать, закружилась подъ эту музыку по огромной, ярко освѣщенной залѣ дворца... За нею закружились великаны и нимфы, эльфы и карлики... Все заплясало...

Ночные цвѣты раскрыли свои глазки и съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣли на волшебный балъ.

— Вотъ видите, король, какъ все хорошо и радостно въ моемъ царствѣ,—произнесла съ гордостью Сказка, снова обращаясь къ своему гостю,—посмотрите, какъ веселятся мои подданные, какъ они всѣмъ довольны! И сколько могучихъ великановъ, лѣсныхъ карловъ и воздушныхъ эльфовъ подвластны мнѣ!

Но едва только успѣла сказать это Сказка-королева, какъ Правда опять сорвала съ глазъ покрывало, и въ одну секунду превратились великаны-рыцари въ исполиновъ дубовъ, карлы—въ лѣсные пни, лѣсныя нимфы—въ стройныхъ тополей, а эльфы—въ простые цвѣты. Разомъ опустѣлъ нарядный залъ, потухли огни свѣтляковъ, замолкли пѣвцы-соловьи... Все исчезло, скрылось, словно ничего и не было.

Пропала, исчезла и повязка съ глазъ короля. Онъ стоялъ теперь передъ Правдой-королевной и ея матерью во всемъ блескѣ своей красоты. Темные глаза его съ любовью остановились на худомъ, некрасивомъ личикѣ Правды, на ея мрачно горящихъ глазахъ.

— Милая, милая Правда-королевна!—произнесъ онъ ласковымъ, нѣжнымъ голосомъ,—давно я тебя знаю, давно ищу тебя по всему свѣту! И вотъ только теперь нашелъ тебя наконецъ и ужъ не покину, увезу съ собою. Не мѣсто тебѣ здѣсь, Правда. Я увезу тебя навсегда въ большое людское царство; ты подружишься тамъ съ людьми, окружишь ихъ своими заботами и ласками, и люди станутъ добрѣе и лучше отъ близости къ Правдѣ-королевнѣ.

И еще ласковѣе, еще нѣжнѣе загорѣлся темный взглядъ короля. И странно: чѣмъ больше смотрѣлъ онъ на свою невѣсту, тѣмъ лучше

Взвились на воздухъ быстрые кони и умчали колесницу...

Къ сказкѣ «ДОЧЬ СКАЗКИ».

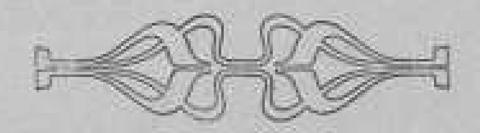
и лучше становилось некрасивое личико Правды, а когда онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ своей колесницѣ, чтобы навсегда отвезти отсюда Правду, Сказка не узнала дочери: мрачные глаза ея сіяли чуднымъ свѣтомъ, и нѣжный румянецъ счастья преобразилъ совсѣмъ ея ожившія черты. И стала такой красавицей Правда, что Сказка-королева передъ ней со всей своей красотой померкла, потускнѣла.

— Кто ты, прекрасный король?—прошептала Правда, простившись съ матерью и занявъ мѣсто подлѣ жениха въ его колесницѣ.

— Я король Справедливости и Правосудія,—громко и внятно произнесъ король и, наклонившись, поцѣловалъ Правду.—Мнѣ одному безъ Правды жить немыслимо. Безъ тебя не могу я одинъ управлять моимъ царствомъ. Мы съ тобой должны быть неразлучны и служить людямъ и повелѣвать ими въ одно и то же время! Ѣдемъ же, ѣдемъ къ нимъ, въ далекое людское царство!

Сказалъ,—и взвились на воздухъ быстрые кони... Взвились и умчали колесницу съ королемъ Справедливости и Правосудія и королевной Правдой.

А Сказка-королева въ своемъ лѣсу осталась зачаровывать своими разсказами звѣрей, птицъ, гадовъ и насѣкомыхъ. Теперь ея чарамъ не помѣшаетъ проказница-дочка... Не близко она... Въ далекое свѣтлое людское царство умчали ее кони короля-жениха.

ЖИЛЪ на свѣтѣ король. У него былъ роскошный дворецъ. И какихъ только богатствъ не было въ этомъ дворцѣ. Золото, серебро, хрусталь и бронза, драгоцѣнные камни, все можно было найти съ излишкомъ въ нарядныхъ и роскошныхъ горницахъ королевскаго дворца. Красивые мальчики-пажи, похожіе на нарядныхъ куколъ, неслышно скользили по комнатамъ, устланнымъ коврами, и не спускали глазъ съ короля, желая предупредить его малѣйшее желаніе.

Король былъ не одинъ: у него была жена-королева, кроткая и нѣжная, съ добрыми глазами, прекрасными, какъ небо въ часъ заката.

Король проводилъ все свое время въ войнахъ съ непріятелями. Когда онъ возвращался домой, красавица королева одѣвала свои лучшія одежды и съ лютней въ рукахъ встрѣчала своего супруга, воспѣвая его походы, его славное мужество и стойкую храбрость въ битвахъ съ врагомъ.

Но ни удачные походы, ни любовь кроткой и красивой королевы, ни несчетныя сокровища, ни привязанность подданныхъ не радовали короля. Съ его лица никогда почти не сходило печальное, унылое выраженіе. Постоянное горе угнетало короля и его молодую супругу.

У королевской четы не было дѣтей. И когда король думалъ о

томъ, что некому будетъ ему оставить ни своего славнаго имени, ни завоеванныхъ земель, ни безсчетныхъ богатствъ,—невольныя слезы выступали на мужественныхъ глазахъ короля, и онъ готовъ былъ завидовать послѣднему бѣдняку страны, у котораго были дѣти.

Послѣ военныхъ подвиговъ и побѣдъ надъ врагами, король ѣздилъ по монастырямъ, дѣлалъ богатые вклады, прося святыхъ отцовъ молиться Богу о дарованіи ему ребенка.

Въ мирное время король со своимъ дворомъ переселялся изъ мрачной столицы въ прелестную долину благоухающихъ розъ, посреди которой для короля былъ построенъ скромный охотничій домикъ, гдѣ онъ и проводилъ всѣ свои досуги. Часто гуляя по долинѣ, наполненной душистыми цвѣтами, королевская чета, восхищенная чуднымъ видомъ природы, обращала взоры къ голубому небу и въ горячей молитвѣ просила Бога о дарованіи имъ ребенка. И просьба ихъ была услышана.

Однажды, во время одной изъ такихъ прогулокъ, король и королева увидѣли женщину, закутанную въ черное.

Она шла навстрѣчу королевской четѣ, едва касаясь ногами земли, легкая и спокойная.

— Мое имя Судьба,—сказала женщина, приближаясь къ королю и королевѣ, — я пришла объявить вамъ великую радость. Ваша молитва услышана Богомъ, и Онъ пошлетъ вамъ дочь-королевну, которая будетъ не только вашимъ утѣшеніемъ, но и свѣтлымъ лучомъ и радостью цѣлаго королевства. Она будетъ прекрасна, какъ цвѣтокъ, и добра, какъ ангелъ. Но берегите королевну, чтобы она не узнала, что такое горе, что такое печаль и грусть, и чтобы никогда-никогда не пришлось ей пролить по поводу чьего-либо несчастья или горя болѣе двухъ слезъ. Не дайте пролиться болѣе двухъ слезинокъ изъ прекрасныхъ глазъ королевны, потому что, какъ только она прольетъ третью слезу—конецъ вашей радости, вашему утѣшенію: не будетъ у васъ больше королевны, вы потеряете ее.

Сказавъ эти загадочныя слова, странная женщина исчезла, точно растворилась въ воздухѣ.

Король и королева заплакали отъ счастья. Одна изъ королевскихъ слезъ упала въ голубую незабудку и—о чудо!—изъ цвѣтка поднялась прелестная крошечная дѣвочка съ голубыми глазами, какъ двѣ капли воды похожая на короля. О такой хорошенькой королевнѣ мечтала и королевская чета.

Они раскрыли ей навстрѣчу свои объятія. Королевна бросилась

въ нихъ, горячо отвѣчая на ласки родителей, точно она давно уже знала и любила ихъ.

Красавицу-королевну назвали Желанной, потому что отецъ и мать такъ долго желали имѣть дочь, и въ честь ея поднялось шумное ликованіе по всему королевству. Народъ валомъ повалилъ къ королевскому дворцу, чтобы взглянуть хоть однимъ глазкомъ въ голубыя очи королевны Желанной.

Съ каждымъ днемъ росла и хорошѣла королевна. Отецъ-король, помня слова Судьбы, позаботился о томъ, чтобы дочь не увидала людского горя, чтобы она была всегда веселая, довольная, счастливая, и нарочно приказалъ выстроить для нея роскошный дворецъ, весь розовый, какъ самый нѣжный отблескъ утренней зари, и благоухающій, какъ тѣ цвѣты, что росли по сосѣдству съ нимъ въ долинѣ. Стѣны, потолки, двери во дворцѣ—все было выкрашено въ розовый цвѣтъ. Окна же дворца были плотно завѣшены розовыми занавѣсками и сквозь эти занавѣски королевна видѣла все въ свѣтломъ розовомъ свѣтѣ: и лѣсъ, и долину, и далекую столицу, виднѣющуюся на горизонтѣ. Все было розово и прекрасно, ни одна тѣнь не ложилась на этомъ розовомъ фонѣ. Даже бѣдныя лачуги крестьянъ, благодаря розовымъ занавѣскамъ у оконъ, казались нарядными и красивыми.

Розовый цвѣтъ—это цвѣтъ радости и счастья; оттого-то король и постарался, чтобы Желанная была окружена только этимъ цвѣтомъ, видѣла все въ розовомъ цвѣтѣ. Другіе цвѣта могли повліять на ея свѣтлое настроеніе, могли сдѣлать ее задумчивой и грустной, а грусти королевны боялись пуще всего ея родители.

И многочисленная свита, состоящая изъ маленькихъ придворныхъ дамъ, веселыхъ и жизнерадостныхъ, и кудрявыхъ шалуновъ-пажей, по приказанію короля слѣдила за тѣмъ, чтобы королевна не отдернула какъ-нибудь розовыхъ занавѣсокъ.

Замѣтила королевна, что отъ нея что-то тщательно скрываютъ, и явилось у нея желаніе узнать во что бы то ни стало, что находится тамъ, за розовою занавѣскою, за стѣнами замка.

Однажды королевна Желанная проснулась раньше обыкновеннаго. Маленькія фрейлины, спавшія у ея постели, не слышали, какъ выбѣжала королевна изъ своей розовой спальни, пробѣжала цѣлый рядъ розовыхъ залъ, выбѣжала на розовую террасу, толкнула розовую дверь, ведущую въ садъ... и... исчезъ розовый цвѣтъ... Передъ королевной Желанной сѣрый день, дождливое небо, садъ точно нахох-

лившійся отъ непогоды, и старыя, убогія лачужки далеко у опушки большого, темнаго лѣса. Въ саду стоитъ женщина, старая, болѣзненная, въ лохмотьяхъ, съ сѣдыми космами волосъ, стоитъ и смотритъ на королевну Желанную.

Очень поразила королевну и эта мрачная старая обстановка, и эта старая женщина, однако она подошла къ старухѣ и сказала:

— Здравствуй, бабушка! Кто ты? Какъ твое имя?

— Меня зовутъ Жизнь!—отвѣчала старуха, сурово взглянувъ на хорошенькую королевну.

— Ахъ, неправда!—весело вскричала королевна,—неправда, что тебя зовутъ Жизнь... Ты старая и безобразная, а моя мама-королева разсказывала мнѣ, что жизнь юная, розовая и прекрасная, такая же прекрасная, какъ я. Но кто бы ты ни была, старушка, ты жила много и знаешь, должно быть, все. Скажи же мнѣ, почему все стало вдругъ такъ сѣро, непривѣтливо и гадко кругомъ?

— Королевна!—произнесла бабушка-Жизнь,—все было всегда такъ сѣро, неприглядно и печально. Только ты не могла видѣть этого, потому что черезъ розовыя занавѣски, повѣшенныя у твоихъ оконъ, все казалось тебѣ свѣтлымъ, розовымъ и прекраснымъ. Ты не знаешь жизни, не знаешь людскихъ горестей и страданій и растешь веселой и безпечной принцессой, потому что не видишь горя вокругъ себя.

— Но я хочу видѣть горе, хочу видѣть несчастныхъ, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми, я хочу помогать всѣмъ людямъ, кто нуждается въ помощи!—вскричала королевна.

— Тогда упроси твоихъ родителей снять розовыя занавѣски съ оконъ!—произнесла старуха-Жизнь.

— Да, да! Я упрошу ихъ!—вскричала королевна и побѣжала въ замокъ отыскивать родителей.

Ея мать встрѣтилась ей на порогѣ замка. Королева была ужасно напугана исчезновеніемъ дочери. Пажи и придворныя дамы трепетали за свою участь. Они знали, что ихъ постигнетъ строгое наказаніе за то, что они упустили изъ виду свою юную госпожу.

А когда королевна высказала матери свою просьбу, послѣдняя обмерла отъ ужаса и съ плачемъ созналась дочери въ томъ, что тщательно скрывала отъ королевны.

— Ты умрешь, милая Желанная моя,—рыдала королева,—какъ только выкатятся у тебя три слезинки изъ глазъ. Ты не сможешь увидѣть людскихъ страданій и горестей, ты заплачешь, и тогда мы потеряемъ тебя, такую прекрасную, юную и любимую.

Задумалась на мгновенье Желанная... И вдругъ тряхнула бѣлокурой головкой, и свѣтло, свѣтло улыбнулась матери.

— Мама,—произнесъ ласково и нѣжно ея милый голосъ,—вели снять розовыя занавѣски съ оконъ, прикажи безпрепятственно выпускать меня изъ замка къ людямъ, чтобы я могла видѣть ихъ горе и слезы и помогать имъ. Не бойся, что я умру, мама... Теперь я видѣла жизнь, узнала, какая она старая, сердитая, мрачная и суровая, и хочу, сколько могу, сдѣлать ее улыбающейся и привѣтливой для несчастныхъ людей. А если ты не пустишь меня, мама, я все равно зачахну здѣсь, въ этомъ розовомъ замкѣ, и умру съ тоски.

Выслушала рѣчь дочери королева и прошептала тихо и покорно:

— Будь по твоему, дочка. Теперь, когда ты уже вышла за розовую дверь—безполезно скрывать отъ тебя то, что ты сама увидала.

И королевна Желанная получила свободу.

* * *

Расцвѣла, ожила, еще болѣе похорошѣла королевна. Теперь уже розовый замокъ и королевскія сокровища, веселая свита маленькихъ придворныхъ дамъ и пажей и ихъ радостныя игры, все это уже не забавляетъ Желанную. Одѣтая въ простенькое платьице убогой крестьянки, съ распущенными, раздуваемыми вѣтромъ, кудрями, она бѣгаетъ по цвѣточной долинѣ, разговаривая съ птицами и цвѣтами, понимая голосъ травъ и былинокъ, глотая ночную росу съ голубыхъ сердцевинъ незабудокъ. Она заходитъ въ бѣдныя крестьянскія лачуги, и куда ни ступятъ ея маленькія ножки, тамъ всюду воцарится радость, довольство и счастье. Всѣхъ бѣдняковъ надѣляетъ королевна деньгами, согрѣваетъ ласковымъ взоромъ и добрымъ обхожденіемъ. Довольно одного лучистаго взгляда Желанной, чтобы люди забывали свои болѣзни, немощи и страданія. Не было бѣдняка въ королевствѣ, который бы не благословлялъ маленькой королевны. Слава о ней, о ея добротѣ разошлась по всей странѣ, и всѣ несчастные стремились къ Желанной, чтобы найти утѣшеніе и помощь у королевны.

Король попрежнему воевалъ съ сосѣдними народами, чтобы расширить свои владѣнія и оставить дочери огромное наслѣдство, а мать-королева заботливо охраняла Желанную отъ всего, что могло причинить ей страданіе, и зорко присматривалась къ ней, боясь увидѣть хоть-бы намекъ на слезу въ ея лучистыхъ, голубыхъ глазкахъ.

* * *

— Мама, — сказала какъ-то королевна, вернувшись съ обычной прогулки,—мама, я слышала пѣніе въ сосѣдней рощѣ; кто-то заливался тамъ чудной серебристой трелью. Кто это, мама?

Едва только успѣла произнести это королевна, какъ сотня гонцовъ была разослана по рощѣ съ приказаніемъ доставить во дворецъ таинственнаго пѣвца.

И пѣвецъ былъ доставленъ. Это оказался соловей — маленькая, сѣренькая птичка, невзрачная на видъ, но владѣвшая невыразимо чуднымъ голосомъ. Ее посадили въ золотую клѣтку, гдѣ соловушка долженъ былъ пѣть пѣсни. Но соловей молчалъ. Онъ не умѣлъ пѣть въ неволѣ. Только вечеромъ, послѣ заката солнца, когда къ клѣткѣ его подлетѣла другая такая же маленькая птичка, обѣ онѣ залились чудесной пѣснью.

Въ этой пѣснѣ слышалась смертельная тоска, грусть по зеленому лѣсу и утраченной свободѣ и жалоба на людей, на ихъ жестокость и мольба, слезная предсмертная мольба объ освобожденіи пернатаго узника. Обѣ птички горько и жалобно плакали, заливаясь печальной пѣснею. И королевна, все время находившаяся подлѣ клѣтки, поняла жалобу птичекъ. Поняла и побѣжала къ матери, умоляя ее выпустить соловья на свободу. Соловья выпустили, но изъ голубого глаза королевны Желанной выкатилась слезинка, чистая и блестящая, какъ горный алмазъ.

Въ тотъ же вечеръ таинственная женщина Судьба явилась къ королевской четѣ и произнесла грустно и сурово:

— Помните, что ваша дочь пролила первую слезу.

Сказавъ это, таинственная женщина исчезла.

* * *

Еще сильнѣе стали заботы королевской четы объ ихъ дочкѣ. Еще болѣе нѣжными ласками осыпали они королевну. Вскорѣ она забыла про горе маленькой птички и снова стала бѣгать по цвѣточной долинѣ и зеленому лѣсу, снова стала забѣгать въ крестьянскія лачуги, осушать людскія слезы и исполнять ихъ просьбы.

Какъ то разъ, гуляя по опушкѣ лѣса, королевна была поражена непривычными для нея звуками рога и бряцаніемъ оружія. Вдали, прямо навстрѣчу къ ней, неслась многочисленная группа рыцарей и дамъ верхомъ. Они за кѣмъ-то гнались. Въ ту же минуту изъ-подъ ногъ самой королевны, изъ высокой травы, выскочилъ маленькій, насмерть перепуганный погоней, зайчикъ.

Онъ остановился въ двухъ шагахъ отъ королевны, прижалъ длинныя дрожащія уши къ спинѣ и, поводя кругомъ круглыми, тоскливыми глазками, ждалъ, казалось, чего-то...

Пифъ — пафъ! — раздался выстрѣлъ, и бѣленькій зайчикъ съ окровавленной мордочкой распростерся у самыхъ ногъ королевны.

Желанная схватила на руки трепетавшаго еще зайчика, прижала его къ груди и закричала, бросившись навстрѣчу охотникамъ и ихъ дамамъ:

— О, злые, злые люди! Что вамъ сдѣлалъ дурного этотъ бѣдный, невинный звѣрекъ? Зачѣмъ вы его убили?

При этихъ словахъ вторая алмазная слезинка выкатилась изъ голубыхъ глазъ Желанной и повисла на ея темныхъ рѣсницахъ...

Въ тотъ же вечеръ таинственная Судьба снова появилась во дворцѣ и сообщила королю и королевѣ о второй слезинкѣ, пролитой ихъ дочерью.

* * *

Прошло много времени. Королевна Желанная выросла и превратилась въ прекрасную молодую дѣвушку-невѣсту — гордость и красу цѣлаго королевства. Ея отецъ-король продолжалъ свои войны, расширяя владѣнія своей страны въ приданое дочери.

Одна изъ такихъ войнъ тянулась особенно долго. Побѣда досталась съ большимъ трудомъ, но это была лучшая изъ побѣдъ короля.

Онъ пригналъ много плѣнныхъ и привезъ богатую добычу, отбитую у непріятеля.

Плѣнныхъ помѣстили подальше отъ дворца, чтобы звонъ ихъ оковъ и цѣпей не достигъ какъ-нибудь до ушей королевны.

Однажды, въ день возвращенія отца изъ новаго похода, королевна Желанная, уже взрослая шестнадцатилѣтняя дѣвушка, вышла его встрѣчать, окруженная толпою придворныхъ дамъ.

На всѣхъ были праздничныя бѣлыя одежды. Побѣдные вѣнки украшали ихъ головы. Эти вѣнки дѣвушки должны были бросить подъ ноги короля-побѣдителя. Въ рукахъ Желанной была злотострунная лютня ея матери, звуками которой дѣвушка приготовилась привѣтствовать отца.

И вдругъ къ ногамъ королевны бросилась, Богъ вѣсть откуда появившаяся, женщина, взволнованная, дрожащая и худая, какъ скелетъ.

Она кричала страшнымъ, дикимъ голосомъ:

— Королевна, выслушай меня! Королевна, ты наслаждаешься

Пошатнулась королевна, дѣвушки-прислужницы подхватили ее...

Къ сказкѣ «ТРИ СЛЕЗИНКИ КОРОЛЕВЫ».

жизнью. Ты ѣшь на золотыхъ блюдахъ и носишь бархатъ и парчу. Сотни внимательныхъ прислужницъ ловятъ каждый твой взглядъ, каждое твое слово. Кругомъ тебя несчетныя богатства и безумная роскошь. А знаешь-ли ты, какъ добыто все это?.. Тысячи людей умирали въ бою, чтобы добыть тебѣ всѣ эти богатства... Другіе работали въ потѣ лица, чтобы платить дань твоему отцу-побѣдителю, который безпощадно разоряетъ чужія земли и убиваетъ людей, чтобы скопить какъ можно больше богатства тебѣ, королевна. Но это еще не все. Ты поешь пѣсни и бѣгаешь, счастливая и радостная, по долинѣ, а тысячи плѣнниковъ томятся въ душныхъ тюрьмахъ и подземельяхъ... Между ними мой сынъ... Онъ мужественъ и храбръ, какъ горный орелъ, и любитъ, какъ и ты, свободу... Но твой отецъ приказалъ заковать его въ цѣпи потому только, что онъ защищался противъ вашихъ воиновъ, какъ смѣлый и храбрый вождь. Я пришла сюда изъ чужой страны, изъ чужого королевства... пришла сюда, старая мать, умолить тебя спасти моего сына. Спаси его, королевна, и я всю жизнь буду благословлять тебя за это.

И женщина зарыдала, обнявъ колѣни королевны Желанной... Что-то страшное, безысходное и тяжелое, какъ смерть, зазвучало въ ея рыданьѣ...

Королевна наклонилась, обняла несчастную, хотѣла сказать что-то и вдругъ третья слезинка выкатилась изъ лазурнаго глаза и упала на склоненную голову рыдающей матери плѣнника.

Пошатнулась королевна... Смертельная блѣдность покрыла ея прекрасное лицо... Дѣвушки прислужницы подхватили ее...

Въ ту же минуту послышались побѣдные клики, бряцаніе оружія и самъ король показался во главѣ войска. Увидя смятеніе въ толпѣ дѣвушекъ, онъ далъ шпоры коню и подскакалъ къ толпѣ.

Королевна лежала на рукахъ служанокъ... Ея широко раскрытый взоръ былъ поднятъ на короля. Онъ выражалъ мольбу и страданіе за тѣхъ, кого убивали, за тѣхъ, кто томился въ тюрьмахъ и подземельяхъ. Потомъ лучистый взглядъ затуманился, померкъ, угаснулъ. Голубые глазки закрылись, и съ тихимъ вздохомъ улетѣла прекрасная, свѣтлая душа королевны...

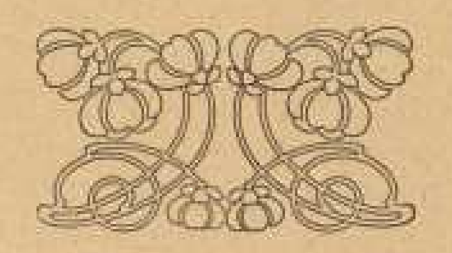
А въ это самое время во дворецъ къ королевѣ пришла закутанная въ черное таинственная женщина и угрюмо сказала:

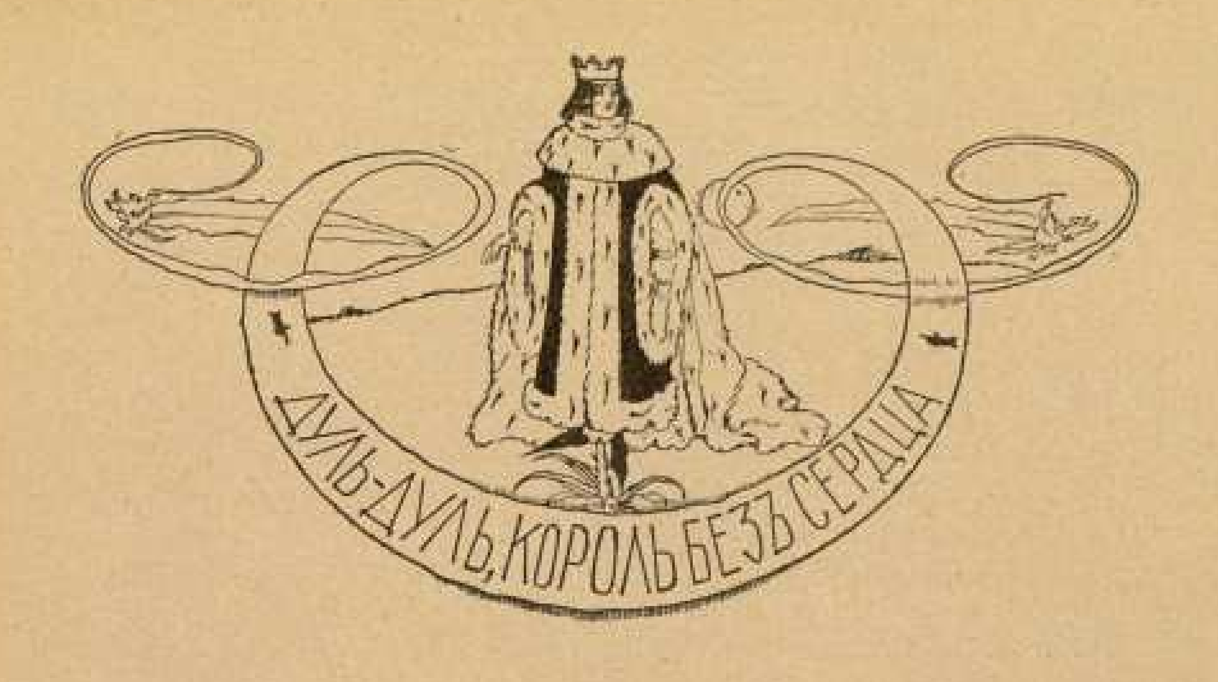
— Королевна пролила третью слезинку... То, что должно было свершиться—свершилось... Королева, у тебя нѣтъ больше дочки...

* * *

Умерла королевна, но не умерла память о ней. Король прекратилъ войны и набѣги, распустилъ войска, открылъ тюрьмы и подземелья и выпустилъ на волю измученныхъ узниковъ, и все это сдѣлалъ въ память своей дочери Желанной. Въ память ея же король занялся другимъ, свѣтлымъ дѣломъ. Онъ кормитъ всѣхъ бѣдныхъ и голодныхъ страны. Сирые и бездомные, всѣ находятъ прiютъ въ королевскомъ дворцѣ. Милосердiе и миръ воцарились въ странѣ.

Живетъ и царитъ въ ней память о юной королевнѣ съ голубыми глазами, и всѣ отъ мала до велика благословляютъ ее...

НА опушкѣ лѣса, при лунномъ свѣтѣ, три добрыя волшебницы собрались около небольшой каменной урны. Мѣсяцъ то скрывался за тучу, то снова выплывалъ, и тогда блѣдныя лица добрыхъ волшебницъ становились прозрачными, а волосы ихъ сіяли серебрянымъ свѣтомъ.

Первая волшебница вынула изъ-за пазухи цѣлую горсть розовыхъ лепестковъ и, бросивъ ихъ въ урну, сказала:

— Завтра должно родиться королевское дитя. Пусть оно будетъ такъ же прекрасно, какъ роза, и пусть всѣ любуются имъ и дивятся его красотѣ.

Потомъ она быстро отбѣжала отъ урны и стала кружиться въ воздухѣ. Свѣтляки зажглись въ травѣ, освѣщая ея пляску, а соловей запѣлъ изъ чащи такую дивную пѣсню, какую нельзя услышать даже въ самомъ королевскомъ дворцѣ.

Тогда подошла къ урнѣ вторая волшебница. Въ рукѣ она держала какую-то длинную серебряную нить.

— Вотъ волосъ съ головы мудраго волшебника Гая,—сказала она, бросая волосъ въ урну.—Я взяла у него этотъ волосъ, пока онъ спалъ, чтобы отдать его королевскому дитяти. Благодаря этому волосу ребенокъ будетъ мудрымъ, какъ самъ Гай. Вѣдь другого такого мудреца, какъ Гай, не найдется въ мірѣ, и каждый его волосъ—это кладъ мудрости.

— Торопись, сестра,—произнесла третья волшебница,—а то проснется Гай, отниметъ волосъ и, чего добраго, прогонитъ насъ, такъ что я не успѣю положить въ урну сердца голубки, которое должно сдѣлать добрымъ и кроткимъ будущаго королевича.

Едва только третья волшебница успѣла произнести послѣднее слово, какъ закачался, загудѣлъ лѣсъ, и чародѣй Гай, полу-человѣкъ, полу-чудовище съ огненными глазами и всклокоченными, дыбомъ стоящими волосами, появился верхомъ на дикомъ вепрѣ.

— Кто укралъ съ моей головы волосъ?—завопилъ онъ страшнымъ голосомъ, отъ котораго гулъ пошелъ по лѣсу.

Но волосъ вмѣстѣ съ лепестками розы уже былъ въ урнѣ, и оттуда чуть замѣтной голубой струей подымался дымокъ.

При видѣ этого Гай схватился за голову и испустилъ новый ревъ, страшнѣе перваго. Онъ понялъ, что ему никакою силою не извлечь уже изъ урны волоса.

Испуганныя волшебницы метнулись въ сторону, а та, у которой было въ рукѣ, предназначенное для королевскаго дитяти голубиное сердце, уронила его на землю.

Въ тотъ же мигъ Гай подхватилъ сердце и погналъ своего вепря обратно въ лѣсъ, испуская громкіе торжествующіе крики.

А три добрыя волшебницы, очнувшись отъ страха, снова очутились у урны.

Теперь онѣ плакали. Плакали о томъ, что будущее дитя будетъ имѣть красоту и умъ, но не будетъ обладать сердцемъ.

Маленькій королевичъ родится безъ сердца.

И слезы волшебницъ падали въ урну...

Скоро голубой огонекъ погасъ, и старшая изъ волшебницъ взявъ свой волшебный жезлъ, стала мѣшать въ урнѣ, тихо напѣвая сквозь слезы.

Ея сестры вторили ей.

Когда пѣснь была кончена, всѣ трое взглянули въ урну.

На днѣ ея лежалъ крошечный мальчикъ, прекрасный какъ ангелъ. Онѣ взяли его изъ урны, унесли въ королевскій дворецъ и положили въ роскошную колыбельку, уже давно приготовленную для маленькаго королевича, рожденія котораго ожидали со дня на день.

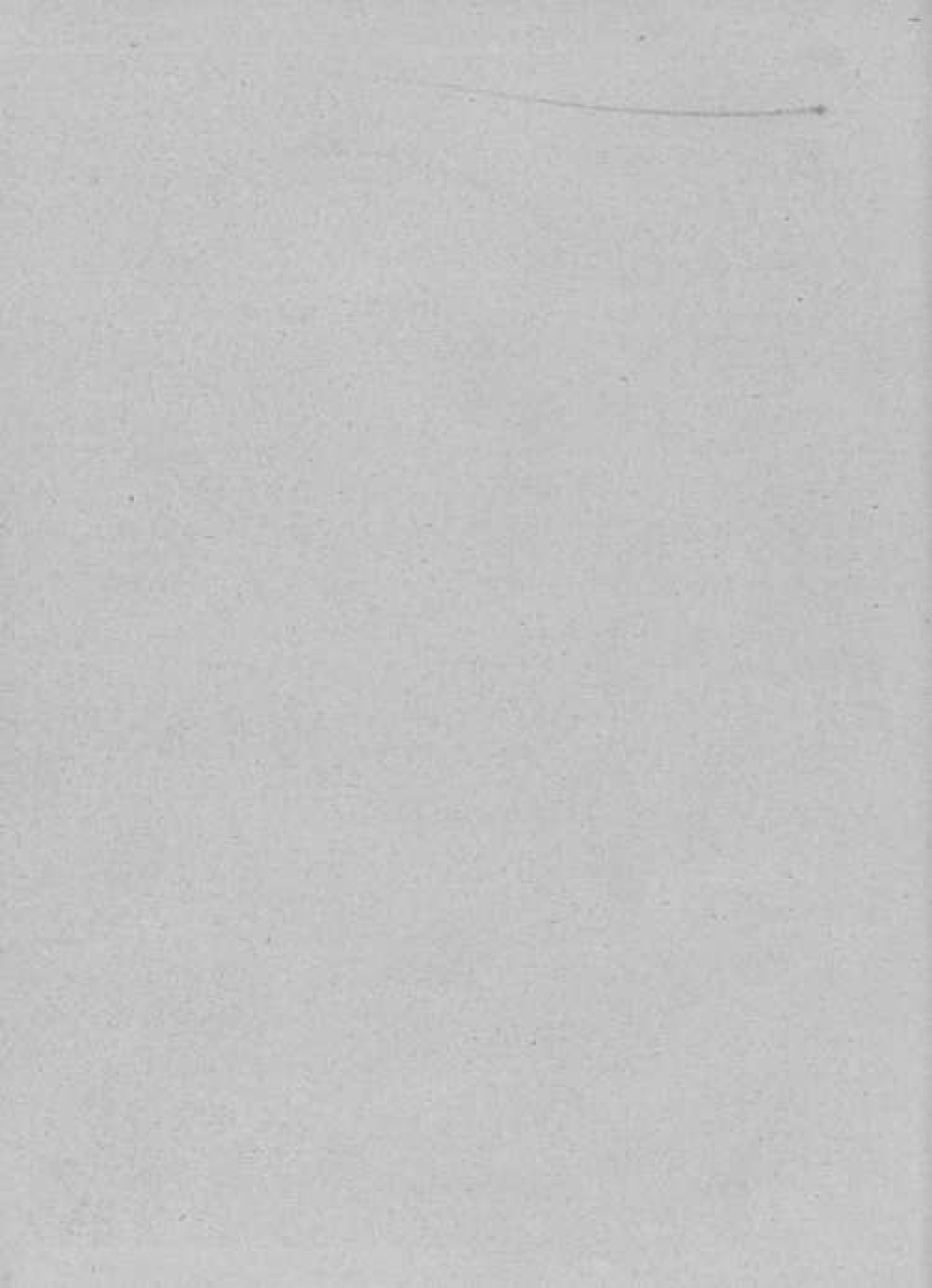
* * *

Король возвращался съ войны, возвращался побѣдителемъ. День былъ свѣтлый и яркій, и горячее весеннее солнце играло на щитахъ, копьяхъ и броняхъ воиновъ, окружавшихъ короля.

Торопись сестра,—сказала третья волшебница...

Къ сказкѣ «ДУЛЬ-ДУЛЬ, КОРОЛЬ БЕЗЪ СЕРДЦА».

За королевскимъ войскомъ шли, связанные по рукамъ и по ногамъ, плѣнники, съ потупленными глазами, страшно исхудалые, окровавленные; они съ стойкимъ мужествомъ ждали своей участи.

Подлѣ короля шелъ солдатъ. Самый обыкновенный, самый простой солдатъ. И имя у него было самое простое. Его звали Иваномъ. На немъ была, пробитая пулями, шинель, а черезъ лобъ шелъ огромный рубецъ отъ непріятельской шашки.

Всѣ встрѣчные на пути короля съ удивленіемъ поглядывали на сѣраго солдата и спрашивали:—почему онъ идетъ рядомъ съ королемъ? Простой, сѣрый солдатъ, и дождался такой почести!

Тогда изъ рядовъ войска послышались голоса:

— Это не простой солдатъ. Это герой. Онъ указалъ королю путь, какъ ближе найти непріятельскій лагерь, онъ остановилъ войско, когда оно бросилось въ бѣгство, и онъ же защитилъ своей грудью самого короля, когда непріятельская сабля направлялась на него. Король не можетъ забыть этого и считаетъ солдата Ивана своимъ лучшимъ другомъ и слугою.

И народъ, услыша это, сталъ восторженно привѣтствовать солдата, наравнѣ съ королемъ.

Крики звучали все слышнѣе и слышнѣе. Цѣлый дождь цвѣтовъ сыпался на побѣдителей. Красивѣйшія дѣвушки города, въ бѣлыхъ, воздушныхъ одеждахъ, усыпали розами тріумфальный путь короля.

Такимъ образомъ побѣдители дошли до королевскаго дворца.

Король поднялъ голову на окна, въ надеждѣ увидѣть въ одномъ изъ нихъ свою любимую жену, королеву.

Но вмѣсто прелестнаго личика королевы, изъ окна выглянуло старое лицо сѣдого монаха, который сказалъ:

— Приготовься, король, услышать двѣ новости: одну печальную, другую радостную. Богъ далъ тебѣ сына, а твоя супруга-королева скончалась на утренней зарѣ.

Король дико вскрикнулъ, схватился за сердце и... умеръ.

Онъ такъ и не увидѣлъ ни своей мертвой жены, ни новорожденнаго сына.

Въ народѣ и въ войскѣ поднялся плачъ и стенанія: король былъ добръ, мудръ, храбръ, и вся страна любила его.

Потомъ, когда первый взрывъ горя прошелъ, народъ собрался на площади у дворца и сталъ рѣшать, что дѣлать.

Долго спорили и кричали—цѣлые три дня и три ночи. И когда охрипли настолько, что ужъ не могли говорить, то рѣшили:

— Король и королева умерли, королевичъ въ пеленкахъ, поэтому надо выбрать другого короля до тѣхъ поръ, пока новорожденный королевичъ Дуль-Дуль подрастетъ и въ состояніи будетъ самъ править королевствомъ. А такъ какъ солдатъ Иванъ спасъ страну, войско и короля отъ гибели, то пусть онъ и будетъ королемъ.

Такъ рѣшилъ народъ.

Пошли разыскивать Ивана, чтобы объявить ему радостную вѣсть, и нашли его у колыбели принца.

— Ты избранъ королемъ!—сказали они ему.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—королемъ мнѣ не быть. Я останусь солдатомъ, чтобы отдать всю мою жизнь на служеніе королевичу Дуль-Дулю. Какъ служилъ его отцу, такъ стану и ему служить. Воспитаю, какъ умѣю принца, научу его быть такимъ-же смѣлымъ, умнымъ и добрымъ, какимъ былъ покойный король...

— Но въ такомъ случаѣ выбери себѣ какое-нибудь званіе, которое доставило бы тебѣ богатство и обязывало всѣхъ почитать тебя,—обратились посланные отъ народа къ Ивану.

Но тотъ опять покачалъ головою.

— Не надо мнѣ ни богатства, ни почестей. Зачѣмъ солдату богатство? А почести? Для меня первая почесть служить вѣрой и правдой королевскому дитяти? Ступайте, братики мои, назадъ и скажите народу: пусть выбираетъ себѣ другого короля, получше да поумнѣе, а мнѣ въ награду оставитъ одно: позволеніе никогда не разлучаться съ королевичемъ.

Посланные ушли, пожимая плечами, а солдатъ Иванъ снова склонился надъ дѣтской колыбелькой.

* * *

Прошло шестнадцать лѣтъ. Королевичъ выросъ и сталъ королемъ.

Ахъ, что это былъ за король!

Красивѣе его не было юноши во всей странѣ.

Вы видѣли лѣсную незабудку на краю болота?

Ну вотъ, такіе точно двѣ голубыя прекрасныя незабудки—были глаза короля.

А алый цвѣтокъ мака приходилось вамъ встрѣчать посреди садовой куртины?

Ну вотъ: такими-же лепестками мака казались пурпуровыя королевскія уста. Бѣлизна его лица напоминала лилію, а румянецъ—лег-

кій отблескъ утренней зари. Волосы у юнаго короля были такіе золотистые, что когда онъ снималъ свой беретъ, т.е. бархатный головной уборъ, казалось, солнечное сіяніе окружало его голову.

Но никто не видалъ юнаго короля. До шестнадцати лѣтъ его прятали отъ народа (таковъ уже былъ законъ той страны).

Боялись, чтобы страшный чародѣй Гай не испортилъ какъ-нибудь красоты Дуль-Дуля. Одинъ только солдатъ Иванъ находился подлѣ королевича и служилъ ему день и ночь неустанно.

Учителямъ, которыхъ приглашали учить Дуль-Дуля книжной премудрости, не пришлось учить его, потому что король былъ настолько мудръ, благодаря одному волосу Гая, что его нечему было учить.

Когда королевичу исполнилось 16 лѣтъ, солдатъ Иванъ надѣлъ на его кудри золотую корону и вывелъ его къ народу. Это былъ чудесный зимній день. Солнце играло на небѣ и золотые кудри молодого короля сіяли, какъ солнце.

И народъ, тѣсня другъ друга, указывалъ на Дуль-Дуля и шепталъ въ восторгѣ:

— Отнынѣ у насъ два солнца: одно на небѣ, другое—на крыльцѣ дворца.

Бѣлый снѣгъ, покрывавшій землю, точно потемнѣлъ отъ зависти при видѣ очаровательно бѣлаго личика Дуль-Дуля.

А алыя розы, которыя бѣлокурыя красавицы-дѣвушки бросали подъ ноги молодому королю, заплакали отъ зависти при видѣ нѣжныхъ, алыхъ устъ красиваго юноши.

Но восторгу народа не было конца, когда Дуль-Дуль обратился къ нему съ привѣтствіемъ.

Ни одинъ король въ мірѣ не сумѣлъ-бы сказать такую рѣчь! Въ ней сказался весь тонкій умъ, вся мудрость молодого короля.

— Да здравствуетъ нашъ мудрый красавецъ-король!—кричалъ народъ.—Если онъ такъ-же добръ и кротокъ, какъ уменъ и красивъ, то и нашъ народъ—самый счастливый народъ въ мірѣ!

Едва только замолкли восторженные крики, какъ ихъ замѣнили вопли отчаянія и муки.

Черезъ рѣку, протекавшую подъ самымъ крыльцомъ королевскаго дворца, былъ перекинутъ мостъ. Народъ, желая поближе полюбоваться красавцемъ-королемъ, бросился на этотъ мостъ, давя и толкая другъ-друга. Каждому хотѣлось заглянуть поближе въ красивое лицо короля.

Вдругъ послышался ужасный трескъ. Мостъ не выдержалъ напора толпы и рухнулъ въ воду. А вмѣстѣ съ мостомъ упали въ воду и тысячи людей, толпившихся на мосту.

— Король! Король! спаси насъ!—кричали люди.—Спаси насъ мудрый король!

Но король стоялъ неподвижно на крыльцѣ своего дворца и... улыбался.

Голубыя незабудки, глаза короля, не выражали ни ужаса, ни печали. Они были веселы, дѣтски безоблачны, прозрачны.

Они смѣялись.

Тогда новое отчаяніе охватило толпу.

— У короля нѣтъ сердца! Нашъ король—безсердечный, жестокій король!—послышались отчаянные возгласы изъ толпы тѣхъ, которымъ удалось спастись.

А глаза короля попрежнему смѣялись, какъ ни въ чемъ не бывало. Смѣялись, глядя на бездыханные трупы, наводнившіе собою рѣку, смѣялись, глядя на самый испугъ народа. Король даже не понималъ, казалось, что происходило вокругъ него, и съ тѣмъ же веселымъ смѣхомъ отправился во дворецъ.

Солдатъ Иванъ ушелъ слѣдомъ за своимъ повелителемъ.

— Король!—произнесъ онъ мрачно.—За стѣнами дворца осталось много несчастныхъ сиротъ, дѣтей тѣхъ, которые утонули въ рѣкѣ. Не хочешь-ли помочь имъ? Вели раздать золото бѣднякамъ, и народъ будетъ прославлять тебя за твою доброту.

— Дѣлай, что знаешь,—произнесъ король.—Ты самый умный послѣ меня и не посовѣтуешь ничего дурного... Раздай имъ золото, только лучше бы было, если бы золотыя монеты остались у меня во дворцѣ. Я велю украсить ими стѣны моего жилища и буду любоваться, какъ солнечные лучи будутъ играть въ этомъ золотомъ морѣ.

И король разсмѣялся весело и звонко...

У него не было сердца, а безъ сердца онъ не могъ понять того горя, которое переживали сироты...

* o *

Народъ, узнавъ о томъ, что у его красавца-короля не было сердца, пришелъ въ ужасъ и смятеніе. Но среди окружавшихъ короля царедворцевъ были такіе, которые обрадовались этому и видя, что королю по душѣ жестокая расправа, старались угодить ему, доставляя ему всяческія жестокія развлеченія и думая этимъ понравиться ему.

Король любилъ мучить животныхъ и не щадилъ людей. Однажды передъ его дворцомъ было повѣшено до тысячи кошекъ. Въ другой разъ, изъ пѣвчихъ птицъ дворца были повыдерганы перья и ихъ пустили летать съ общипанными, обнаженными тѣлами.

Наконецъ, послѣ одной изъ побѣдъ надъ внѣшними врагами всѣхъ плѣнниковъ королевскихъ сожгли на большомъ кострѣ посреди площади.

Король стоялъ на балконѣ и смѣялся. Вокругъ него тѣснилась цѣлая толпа льстивыхъ царедворцевъ.

— Ты мудръ, какъ змій и прекрасенъ, какъ солнце! Большаго ты не можешь требовать отъ судьбы. Она одарила тебя всѣми своими дарами. Ты самый прекрасный, самый мудрый и самый добрый король, какой только есть на свѣтѣ.

Такъ говорили они.

И король Дуль-Дуль высоко поднималъ свою красивую голову и спрашивалъ съ гордымъ величіемъ:

— Это правда, что я самый добрый, самый прекрасный и мудрый король?

— Правда! Несомнѣнная правда!—слышались вокругъ голоса царедворцевъ.—Правда, правда! Ты самый прекрасный король!

И вдругъ одинъ голосъ прозвучалъ громче, слышнѣе всѣхъ:

— Нѣтъ, не правда! Тебѣ лгутъ, король! Ты самый мудрый, самый прекрасный, но ты и самый жестокій изъ королей въ цѣломъ мірѣ.

— Кто посмѣлъ произнести эти дерзкія слова?—вскричалъ король и топнулъ ногою.

— Это сказалъ я!—произнесъ солдатъ Иванъ, выступая передъ самое лицо короля.

— Это сказалъ солдатъ Иванъ!—зашептали царедворцы.—Солдатъ Иванъ позволилъ себѣ оскорбить короля...—говорили они.

Иванъ слышалъ всѣ эти возгласы и спокойно ждалъ своей участи. Его добрые сѣрые глаза безстрашно смотрѣли прямо въ лицо короля.

— Онъ достоинъ смертной казни!—снова зашушукали придворные.—Онъ оскорбилъ тебя, король! Казни его!

Дуль-Дуль окинулъ взоромъ окружающихъ его царедворцевъ. Лица всѣхъ выражали ненависть и вражду. Всѣмъ хотѣлось казни Ивана, чтобы самимъ занять его мѣсто при особѣ короля.

И король готовъ былъ исполнить общее требованіе.

Онъ уже хотѣлъ изречь смертный приговоръ своему воспитателю и слугѣ, какъ неожиданно вспомнилъ, что никто не сумѣетъ приготовить ему на ночь стакана такого вкуснаго питья, какое умѣетъ приготовлять Иванъ, никто не сможетъ такъ хорошо укрыть его теплымъ бархатнымъ одѣяльцемъ, никто не будетъ въ состояніи расчесывать его золотые кудри такъ, какъ это дѣлаетъ Иванъ.

И не любовь, не жалость зашевелились въ душѣ Дуль-Дуля, при одной мысли, что онъ можетъ лишиться Ивана, а просто боязнь потерять добраго, вѣрнаго и нужнаго слугу.

— Въ другой разъ будь осторожнѣе въ рѣчахъ съ твоимъ королемъ,—проговорилъ онъ сурово, обращаясь къ Ивану. За твою дерзость, ты заслуживаешь казни, но я не хочу казнить моего слугу и на этотъ разъ я прощаю тебя...

Войны смѣнялись войнами, и всѣ сосѣдніе короли скоро признали могущество и непобѣдимость Дуль-Дуля, потому что Дуль-Дуль былъ мудръ и умѣлъ вести войны.

Одинъ только черный принцъ полудикаго народа все еще продолжалъ отчаянно бороться съ дружинами короля. Наконецъ, послѣ многихъ битвъ, черный принцъ Аго былъ побѣжденъ. Его взяли въ плѣнъ, скованнаго привели въ столицу и бросили въ тюрьму.

Дуль-Дуль, разгнѣванный на чернаго принца за его долгое сопротивленіе, рѣшилъ лишить его жизни. Онъ велѣлъ народу собраться съ первыми лучами солнца на городской площади.

— Мы будемъ купать чернаго Аго, чтобы онъ не былъ такимъ чернымъ и грязнымъ,—со смѣхомъ объявилъ онъ ближайшимъ сановникамъ и тутъ же приказалъ поставить на площади большой котелъ съ горячей водой, гдѣ плѣнный принцъ долженъ былъ неминуемо свариться.

Солдатъ Иванъ затрепеталъ отъ ужаса, услышавъ подобное рѣшеніе своего короля.

Онъ бросился къ ногамъ Дуль-Дуля и сталъ молить его о пощадѣ.

— Черный Аго такой же человѣкъ, какъ и мы, король, — говорилъ онъ;—зачѣмъ же ты хочешь подвергнуть его такимъ лютымъ мученіямъ? Онъ защищался въ бою, какъ храбрый вождь. Не губи же его, король! Не убивай его за то, за что онъ достоинъ уваженія!

— Какъ ты смѣешь порицать мое повелѣніе!—закипая гнѣвомъ, закричалъ Дуль-Дуль.

— Я всегда буду говорить тебѣ, король, когда ты бываешь несправедливымъ,—спокойно произнесъ Иванъ.

— Въ такомъ случаѣ, — произнесъ съ безпечнымъ смѣхомъ король, — тебѣ не придется долго разговаривать, такъ какъ завтра съ восходомъ солнца тебя сварятъ въ котлѣ вмѣстѣ съ чернымъ Аго.

И, сказавъ это, король преспокойно повернулся спиною къ Ивану и заговорилъ со своими придворными сановниками, которые грубо льстили и старались хвалить жестокое рѣшеніе короля.

Они были безконечно рады, что солдатъ Иванъ не будетъ стоять между королемъ и ими, не будетъ больше мѣшать имъ вліять на короля.

Иванъ, выслушавъ свой приговоръ, остался совершенно спокойнымъ. Онъ не боялся смерти, но ему было безконечно жаль несчастныхъ подданныхъ жестокаго, безсердечнаго короля.

— Бѣдный король—говорилъ Иванъ, — онъ не знаетъ своей жестокости, потому что у него нѣтъ сердца. Во что бы то ни стало, ему надо достать сердце! — И я, старый солдатъ Иванъ, достану его ему. У меня остается цѣлая ночь, и въ эту ночь я долженъ во что бы то ни стало сдѣлать добрымъ и кроткимъ моего жестокаго короля.

Но какъ было уйти Ивану, когда на него надѣли оковы, заковали ему цѣпями руки и ноги!

Это сдѣлали его враги сановники, которые радовались тому, что король наконецъ освободится отъ Ивана и теперь ихъ самихъ приблизитъ къ себѣ.

Однако, Иванъ рискнулъ попросить короля.

— Ваше величество, отпусти меня на свободу сегодня, а завтра я буду съ восходомъ солнца на площади ожидать своей казни. Я хочу пойти въ лѣсъ, послѣдній разъ полюбоваться природой...

— Не пускай его, король, — зашептали Дуль-Дулю окружающіе его царедворцы;—онъ не вернется, убѣжитъ отъ казни.

— Нѣтъ! — произнесъ Дуль-Дуль. — Я знаю Ивана — онъ не обманетъ меня. Онъ дастъ свое честное солдатское слово, и вернется.

— Я даю мое честное солдатское слово, король!—отвѣтилъ Иванъ.

Тотчасъ же слуги по приказанію короля сняли съ него оковы и онъ почувствовалъ себя снова свободнымъ, свободнымъ на одну ночь для того, чтобы умереть въ слѣдующее же утро!..

* * *

Черный лѣсъ гудѣлъ, крутилъ вихри, свистѣлъ вьюгой и пушилъ снѣгомъ, когда солдатъ Иванъ подошелъ къ опушкѣ и громко крикнулъ:

— Всесильное чудовище, волшебникъ Гай, явись предо мною!

Заскрипѣли старыя сосны, и на опушкѣ выѣхалъ верхомъ на вепрѣ страшный чародѣй.

— Что тебѣ надо, солдатъ? Зачѣмъ ты пришелъ безпокоить меня въ такую пору?—крикнулъ онъ замогильнымъ голосомъ.

— Ты могучій и сильный волшебникъ,—произнесъ съ поклономъ солдатъ Иванъ;—ты все можешь сдѣлать. Ты можешь дать сердце моему королю! Дай его, Гай, Дуль-Дулю, и возьми отъ меня, что только ни пожелаешь.

Чародѣй расхохотался такимъ страшнымъ хохотомъ, отъ котораго гулъ пошелъ по лѣсу и земля затряслась, и пушные звѣри задрожали отъ страха въ своихъ берлогахъ.

— Глупый, глупый солдатъ! — произнесъ чародѣй. — Что я могу взять отъ тебя, когда я самый могучій волшебникъ въ мірѣ и все у меня есть? Сердце, предназначенное волшебницами для Дуль-Дули—у меня. Но и его не отдамъ такъ легко. Впрочемъ,—прибавилъ Гай,—я дамъ тебѣ это сердце, если ты мнѣ дашь вырѣзать свое человѣческое сердце изъ твоей груди. Согласенъ?

— Но вѣдь вмѣстѣ съ сердцемъ, я лишусь и жизни?—сказалъ Иванъ тревожно.

— Ну, разумѣется... Что же ты? Иль испугался смерти? — снова расхохотался волшебникъ.

— Нѣтъ, не то... — произнесъ задумчиво Иванъ. — Все равно я долженъ умереть на зарѣ. Дѣло не въ этомъ. Не смерть страшна мнѣ, а безчестіе. Я далъ слово королю быть на мѣстѣ казни рано утромъ, а если ты умертвишь меня, то я не въ силахъ буду сдержать моего солдатскаго слова. А это большой позоръ для солдата и человѣка.

— Ну, коли такъ, то твой король останется безъ сердца! — произнесъ Гай со смѣхомъ, и повернулъ вепря, чтобы ѣхать обратно въ лѣсную чащу.

Но тутъ случилось что-то совсѣмъ неожиданное.

Солдатъ Иванъ заплакалъ горькими слезами... Солдатъ Иванъ, видѣвшій во время многочисленныхъ походовъ, какъ лилась кровь рѣкою, солдатъ Иванъ, убивавшій самъ враговъ отечества, теперь плакалъ горькими, неутѣшными слезами, какъ маленькій ребенокъ.

Ему безконечно хотѣлось сдѣлать добрымъ и кроткимъ короля Дуль-Дуля, осчастливить его страну, и въ то же время онъ не хотѣлъ покрыть позоромъ свое честное солдатское слово.

А Гай при видѣ слезъ человѣка пришелъ въ недоумѣніе.

— Что это такое? Въ первый разъ вижу, чтобы вода текла изъ глазъ человѣка! Мнѣ это нравится! — сказалъ онъ. — Нравится настолько, что я готовъ взять себѣ эти глаза, умѣющіе изливать ручьи, и взамѣнъ дать тебѣ сердце голубки, которое ты можешь отдать королю. Отдай мнѣ твои глаза. Вотъ тебѣ голубиное сердце за нихъ.

И, сказавъ это, Гай подалъ Ивану крошечное голубиное сердечко.

Солдатъ схватилъ его обѣими руками и прижалъ къ своей груди. Въ ту же минуту Гай вытащилъ огромный ножъ изъ-за пазухи и вырѣзалъ имъ плачущіе глаза Ивана.

Иванъ ослѣпъ разомъ. Вмѣсто слезъ, у него потекла теперь кровь по лицу, но онъ не стоналъ, не жаловался. Съ необычайнымъ терпѣніемъ переносилъ отважный солдатъ страшную боль.

Наскоро остановилъ онъ снѣгомъ кровь на лицѣ и пустился въ обратный путь, въ столицу. Теперь ему уже нечего было дѣлать въ лѣсу, да и надо было торопиться въ путь, потому что слѣпымъ онъ долженъ будетъ пройти втрое дольше зрячаго.

А Гай привѣсилъ себѣ на грудь два плачущіе глаза Ивана. И, — о диво! — весь лѣсъ освѣтился чуднымъ сіяніемъ. Двѣ великолѣпныя звѣзды сверкнули на груди Гая, распространяя свѣтозарные лучи вокругъ себя.

* * *

Огромныя толпы народа собрались на площади. Небо уже покрылось алымъ заревомъ восхода.

Король Дуль-Дуль въ сопровожденіи многочисленной свиты находился на площади. Сюда привели и трепещущаго отъ страха чернаго Аго, закованнаго по рукамъ и ногамъ. Громадный котелъ стоялъ посреди площади, обдавая близъ стоящихъ густыми клубами пара. Вода зловѣще шипѣла и клокотала въ немъ. Королевскіе слуги — герольды — ѣздили по площади и объявляли народу, что сейчасъ совершится казнь двухъ самыхъ злыхъ преступниковъ, которые осмѣливались ослушаться воли короля.

Только одного изъ осужденныхъ — Ивана не было видно.

— Вотъ видишь, король, заговорили вокругъ Дуль-Дули царедворцы, — напрасно ты отпустилъ солдата. Онъ не вернется къ намъ. Кому охота вариться въ котлѣ, когда онъ можетъ уйти въ другую страну и служить другому королю!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я хорошо знаю Ивана: онъ не сдѣлаетъ ничего

подобнаго! — увѣренно произнесъ Дуль-Дуль. — Онъ сдержитъ свое солдатское слово!

— Но ему время уже подойти! Сейчасъ взойдетъ солнце! — не унимались царедворцы.

И точно въ подтвержденіе ихъ словъ, брызнулъ цѣлый снопъ лучей и солнце ярко пригрѣло своимъ золотымъ моремъ и площадь, и котелъ, и короля съ его свитой, и чернаго Аго.

Въ ту же минуту появился на площади солдатъ Иванъ. Онъ шелъ едва переступая съ ноги на ногу, вытянувъ впередъ руки, медленно и ощупью, какъ ходятъ обыкновенно слѣпые.

— Вотъ и я, король! — произнесъ Иванъ. — Кажется, я поспѣлъ во-время!

— Да, ты поспѣлъ во время!—произнесъ король.—Готовься къ смерти! — Но, что это съ тобою? — прибавилъ онъ съ недоумѣніемъ, взглянувъ на лицо Ивана.—Гдѣ ты потерялъ свои глаза?

Сказавъ это Дуль-Дуль расхохотался весело и звонко надъ чужимъ несчастіемъ, потому что у Дуль-Дуля не было сердца и онъ не умѣлъ и не могъ чувствовать жалости и боли.

— Я скажу тебѣ, король, гдѣ я потерялъ ихъ,—произнесъ Иванъ,— только наклонись ко мнѣ, а то я плохо говорю отъ волненія и иначе ты ничего не услышишь, король!

Дуль-Дуль наклонился къ Ивану.

Въ ту же минуту Иванъ трепещущими руками рванулъ дорогой, золотомъ шитый, комзолъ короля и коснулся королевской груди голубинымъ сердцемъ.

Король Дуль-Дуль громко вскрикнулъ. Смертельная блѣдность разлилась по его лицу. Онъ заметался и упалъ на руки придворныхъ.

Онъ ощутилъ въ груди своей что-то новое, сильное, что наполнило разомъ страшной болью и счастьемъ все его существо.

Часть свиты занялась безчувственнымъ Дуль-Дулемъ, а другая подхватила Ивана и потащила его къ котлу.

— Онъ хотѣлъ убить короля! Надо его бросить въ котелъ сію-же минуту, а то онъ погубитъ всѣхъ насъ, этотъ слѣпой чародѣй!—кричали они и тащили Ивана къ мѣсту казни.

Иванъ былъ уже въ двухъ шагахъ отъ котла... вотъ нѣсколько рукъ подняли его на воздухъ, вдругъ...

— Остановитесь! Иванъ, сюда! Ко мнѣ! Мой бѣдный, слѣпой Иванъ!—послышался слабый голосъ короля, и въ одинъ мигъ Дуль-Дуль растолкалъ свиту и очутился передъ своимъ слугою.

Его лицо было блѣдно и взволновано. Глаза проливали слезы, прекрасныя и свѣтлыя, какъ роса.

Онъ держалъ руку у сердца, которое билось съ невѣроятной силой.

— Ко мнѣ, Иванъ! Ко мнѣ!

И Дуль-Дуль кинулся на грудь своего вѣрнаго слуги, обнимая его шею, цѣлуя его слѣпые глаза. Потомъ онъ велѣлъ освободить черного принца Аго и, обнявъ его, какъ брата, подарилъ ему свободу.

Вслѣдъ затѣмъ онъ обратился къ народу со словами:

— Друзья мои, я былъ жестокимъ королемъ! Но благодаря жертвѣ, принесенной мнѣ моимъ благодѣтелемъ Иваномъ, я сталъ другимъ... И теперь, мой народъ, я обѣщаю не только мудро, но и добро и кротко править тобою!

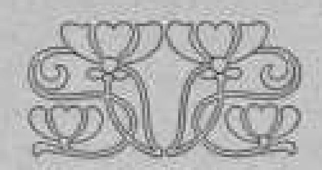
И король Дуль-Дуль низко поклонился народу.

А народъ отвѣчалъ радостнымъ крикомъ:

— Да здравствуетъ Дуль-Дуль! Да здравствуетъ нашъ свѣтлый, прекрасный король!

Съ этого дня Дуль-Дуль не разлучался съ Иваномъ. Но уже не Иванъ прислуживалъ королю, а король солдату. Онъ всячески ухаживалъ за нимъ и водилъ слѣпого по своимъ огромнымъ палатамъ, какъ можетъ только почтительный сынъ водить своего слѣпого отца.

Солдатъ Иванъ снова занялъ свое прежнее мѣсто подлѣ короля. Теперь никто уже не завидовалъ ему. Всѣ знали, какою страшной цѣной Иванъ пріобрѣлъ свое счастье, и искренно полюбили вѣрнаго королевскаго слугу

Жила въ роскошномъ замкѣ маленькая принцесса, хорошенькая, нарядная, всегда въ золотыхъ платьяхъ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ. Ну, словомъ, настоящая сказочная принцесса и, какъ всѣ сказочныя принцессы, недовольная своей судьбой.

Избаловали маленькую Эзольду (такъ звали принцессу) на пропалую. Баловалъ отецъ, баловала мать, баловали старшіе братья и сестры, баловала угодливая свита. Чего ни пожелаетъ принцесса—мигомъ исполнялось.

— Хочу имѣть коня совсѣмъ бѣлаго, съ черной звѣздочкой на лбу!—заявила какъ-то Эзольда и топнула ножкой.

Топнула ножкой, и помчались рыцари во всѣ стороны, и старые и молодые, и знатные и незнатные, и глупые и умные — всѣ, искать бѣлаго коня съ черною звѣздою на лбу.

По всему свѣту искали. Наконецъ нашли. Нашли съ большимъ трудомъ въ конюшнѣ одного азіатскаго хана.

Стали у хана просить продать лошадь, а онъ заупрямился.

— Не отдамъ дешево лошадь... Конь хорошій... Очень хорошій конь... Давайте цѣлую конюшню червонцевъ взамѣнъ...

Дали рыцари цѣлую конюшню червонцевъ, взяли коня, привели къ Эзольдѣ.

А Эзольда и смотрѣть на коня не хочетъ.

— Очень нужно мнѣ его!.. Я ужъ расхотѣла... Надо было раньше... А теперь кошку хочу... Кошку такую, чтобы была вся золотая и пушистая, а глаза какъ бирюза...

Нечего дѣлать: поѣхали двадцать рыцарей искать золотую кошку съ бирюзовыми глазами.

Искали, искали — нигдѣ не нашли. Цѣлый годъ искали, и еще годъ, и еще...

Эзольда ужъ изъ дѣвочки въ дѣвушку превратилась, а рыцари все по свѣту рыскаютъ—ищутъ кошку для принцессы.

Наконецъ убѣдились — нѣтъ такой кошки на свѣтѣ. Нечего и искать, коли нѣтъ. Потужили - погоревали и возвращаются ни съ чѣмъ, съ пустыми руками, съ вытянутыми носами.

На самой границѣ государства встрѣчаетъ ихъ хитрая волшебница Урсула.

Ѣхала Урсула верхомъ на волкѣ, а зайцы надъ ней пестрый балдахинъ несли. Увидѣла рыцарей, хитро прищурилась и сказала:

— Эге! золотую кошку съ бирюзовыми глазами я, Урсула, вамъ дамъ, пожалуй, только за это двадцать лѣтъ вы мнѣ служить должны... всѣ, кромѣ одного, который повезетъ кошку вашей принцессѣ.

— Согласны, согласны!—вскричали обрадованные рыцари, и девятнадцать изъ нихъ по жребію остались служить у волшебницы, а двадцатый получилъ изъ рукъ Урсулы золотую кошку съ бирюзовыми глазами и повезъ ее Эзольдѣ.

Та какъ вскинула глазами на кошку, такъ вся и затряслась отъ гнѣва.

— Долго искали... Не хочу больше кошку... Раньше хотѣла, а теперь другого хочу... Хочу звѣздочку съ неба... Самую большую... самую красивую... Вотъ ту самую, которая теперь такъ мигаетъ на небѣ.

И принцесса показываетъ пальцемъ на яркую звѣзду.

Пожалѣлъ рыцарь о своихъ девятнадцати товарищахъ, которые ни за что, ни про что должны были двадцать лѣтъ служить волшебницѣ Урсулѣ, но не сказалъ ни слова, а только задумался какъ исполнить новое желаніе принцессы. Легко сказать: «достать звѣзду съ неба», а какъ ее достанешь?

Отправился рыцарь къ жившимъ въ томъ городѣ мудрецамъ, спрашиваетъ ихъ совѣта. Думали, думали мудрецы и рѣшили, что единственный способъ достать звѣздочку — приставить длинную-

длинную лѣстницу, которая хватила бы до самаго неба, и по этой лѣстницѣ пусть взойдутъ сильные рыцари, пусть ухватятся за звѣздочку и снесутъ ее на землю.

Передалъ рыцарь этотъ совѣтъ товарищамъ, и тѣ въ одинъ голосъ заявили, что готовы помочь рыцарю въ его трудномъ дѣлѣ. Принялись рыцари строить лѣстницу высокую-высокую. Не ѣдятъ, не пьютъ, все топорами размахиваютъ. Готова лѣстница. Поставили. Нѣтъ, до неба не хватаетъ. Принялись опять за дѣло, пристроили къ этой лѣстницѣ другую, потомъ третью. Получилась такая высокая лѣстница, что кто на верхъ ея взглянетъ, тотъ непремѣнно опрокинется... Ужъ очень высоко голову приходилось поднимать... Однако полѣзли смѣльчаки-рыцари по той лѣстницѣ на небо...

Вотъ они уже у самыхъ облаковъ. Прямо передъ ними — яркая, блестящая звѣздочка. Кажется, вотъ-вотъ можно ее рукой достать. Но едва рыцари протянули къ ней руки, какъ звѣздочка въ высь уплыла.

Еще приставили лѣстницу, опять полѣзли... И опять неудача... Уходитъ все выше и выше звѣздочка... А сама мигаетъ, точно смѣется надъ своей погоней.

Выбились изъ силъ рыцари. Слѣзли внизъ и тутъ-же у лѣстницы уснули отъ усталости. А принцесса ждетъ, не дождется, когда наконецъ рыцари принесутъ ей звѣздочку: то ножками отъ нетерпѣнія топаетъ, то слезами отъ злости заливается.

Вдругъ въ ея горницѣ стало разомъ свѣтло, какъ днемъ, и чей-то тоненькій голосокъ послышался за плечами.

Оглянулась принцесса и чуть не вскрикнула: та самая звѣздочка, которая ей такъ понравилась и которую тщетно старались достать для нея рыцари, слетѣла съ неба и стоитъ передъ нею.

— Не плачь, Эзольда, не плачь, капризная принцесса,—говоритъ звѣздочка съ усмѣшкой,—слезами не поможешь... Ты требуешь невозможнаго...

— Нѣтъ ничего невозможнаго для дочери короля!—съ гнѣвомъ вскричала Эзольда.—Меня любятъ всѣ подданные моего отца и охотно готовы жизнь свою положить, чтобы исполнить каждое мое желаніе... Они достали мнѣ бѣлаго коня съ черной звѣздочкой на лбу, достали золотую кошку съ бирюзовыми глазами, достанутъ и звѣздочку съ неба, да! Да! они очень любятъ меня!

— А за что они тебя любятъ, что ты сдѣлала для того, чтобы они тебя любили? Чѣмъ заслужила ихъ любовь?—спросила звѣздочка.

Вдругъ стало разомъ свѣтло, какъ днемъ...

Къ сказкѣ «ЧУДЕСНАЯ ЗВѢЗДОЧКА».

— За что меня любятъ? — изумилась Эзольда. — Да вѣдь я дочь могущественнаго и богатаго короля, я принцесса, и меня нельзя не любить...

— Ха! ха! ха! — засмѣялась звѣздочка. — Такъ, значитъ, ты заслужила любовь только тѣмъ, что ты дочь короля?.. Но сама то ты сдѣлала хоть что-нибудь такое, за что тебя могъ бы полюбить народъ?

Эзольда задумалась. Она хотѣла припомнить, что она сдѣлала добраго въ жизни, и... не могла ничего припомнить.

— А вотъ, принцесса, — произнесла, спустя нѣкоторое время, звѣздочка, — я покажу тебѣ, что люди любятъ не однихъ только королей и принцессъ. Гляди туда, впередъ!

Эзольда вперила глаза въ темноту сада, раскинутаго около замка. И вдругъ королевскій садъ исчезъ. Вмѣсто него Эзольда увидѣла городскую площадь. Толпы народа заполняли ее. Посреди площади шелъ человѣкъ, просто одѣтый, съ посохомъ въ рукахъ. За нимъ бѣжала толпа съ громкими восторженными криками. Онъ скромно кланялся, отвѣчая на привѣтствія. На пути его попадались все новыя и новыя толпы народа. Лица всѣхъ обращались къ нему съ благоговѣйною любовью. Глаза людей восторженно устремлялись на него.

— Кто этотъ царь, котораго такъ горячо любитъ народъ? — спросила звѣздочку Эзольда.

— Ты ошибаешься: не царь это, а простой бѣдный человѣкъ, — отвѣтила звѣздочка. — Но этотъ человѣкъ нашелъ способъ печатать книги и этимъ распространилъ свѣтъ науки среди темныхъ до сихъ поръ, неученыхъ людей... Онъ принесъ огромную пользу своей странѣ, и народъ благодаритъ его за это. Но смотри: я покажу тебѣ, за что еще можно любить людей, — поспѣшно прибавила звѣздочка.

И разомъ исчезла городская площадь, исчезли и толпы народа, и человѣкъ, которому онѣ поклонялись, и передъ изумленными взорами Эзольды выросла огромная зала. Посреди залы было устроено возвышеніе, все засыпанное цвѣтами. На возвышеніи стоялъ человѣкъ. Двое другихъ людей вѣнчали его голову лавровымъ вѣнкомъ. Люди, наполнившіе залъ, громкими криками выражали свой восторгъ человѣку въ лавровомъ вѣнкѣ. Многіе изъ нихъ падали на колѣни и посылали ему со слезами тысячи благословеній.

— Это должно быть могущественный король... Вонъ какія почести воздаютъ ему люди! — произнесла Эзольда.

— О, нѣтъ!.. Не король это, — отвѣчала звѣздочка, — а врачъ.

который нашелъ средство лѣчить людей отъ самыхъ опасныхъ, самыхъ серьезныхъ болѣзней. И благодарные люди, понявъ всю пользу, принесенную имъ, горячо полюбили своего благодѣтеля. Но смотри, смотри, Эзольда, еще смотри!—заключила свою рѣчь звѣздочка.

Глянула Эзольда... Гдѣ же дворецъ, зала съ возвышеніемъ и человѣкъ въ лавровомъ вѣнкѣ? Ничего нѣтъ! Все исчезло.

Только длинная, безконечная дорога представилась ея глазамъ.

По дорогѣ идетъ путникъ. За нимъ бѣжитъ народъ. Народъ спѣшитъ забѣжать впередъ, чтобы заглянуть въ лицо путника, чтобы сказать ему нѣсколько горячихъ словъ любви и благодарности. И сколько преданности, сколько признательности сіяетъ въ обращенныхъ на него глазахъ людей!..

— Кто это?—спросила звѣздочку Эзольда, боясь, что снова ошибется, если назоветъ царемъ сопровождаемаго толпою человѣка.

— Это недавній богачъ, теперь самый бѣдный нищій въ странѣ,—пояснила звѣздочка.—Онъ все, что имѣлъ, роздалъ неимущимъ: всѣ деньги и богатства, которыя были у него—все до послѣдняго гроша. И за это получилъ самое большое, самое отрадное сокровище: любовь народа...

Сказавъ это, звѣздочка исчезла.

Исчезъ съ нею и чудесный свѣтъ въ комнатѣ Эзольды. А сама Эзольда быстро уснула, утомленная необычайными впечатлѣніями.

На другое утро рыцари, фрейлины и свита собрались у дверей принцессы, ожидая новыхъ приказаній, новыхъ капризовъ и желаній Эзольды.

Но принцесса ничего не приказывала...

* * *

— Что же дальше? Развѣ сказка уже окончена?—спросила я голубую фею, которая разсказала мнѣ про принцессу Эзольду.

— Что дальше? — отвѣтила она. — Вотъ что: на слѣдующій день принцесса заявила, что она уже не желаетъ имѣть звѣздочку. Рыцари знали, какъ быстро мѣнялись прихоти принцессы, и ничуть не удивились этому. Они стали терпѣливо ждать новаго приказанія принцессы. Но прошелъ день, прошелъ другой, третій, — Эзольда ничего не требовала, ничего не приказывала.

— Что случилось съ Эзольдой?—недоумѣвали рыцари и свита.

Въ самомъ дѣлѣ, что случилось съ Эзольдой?

ДАВНО это было.

Зеленѣли вишневые садочки, нѣжная травка чуть пробивалась изъ земли, весенніяфіалки синѣли въ лѣсной чащѣ. Все радовалось, все ликовало, а въ Галиной хаткѣ печаль, слезы.

Плакала Галя...

Мать Гали лежала на убогой кровати, блѣдная, съ впалыми щеками и то покашливала, то тихо стонала.

Приходили старухи, прыскали святой водой въ лицо Галиной матери, смотрѣли въ ея мутные, большіе глаза и говорили, покачивая головами:

— Умретъ... Не протянетъ и до завтра...

Плакала Галя... Мать была всегда такая тихая, да ласковая, дочку Галю свою любила. Какъ же не плакать?.. Ихъ на свѣтѣ-то только и было двое: мама да Галя—Галя да мама. И вдругъ умретъ мама...

Плакала Галя...

Потухъ солнечный лучъ за деревней, утонулъ въ голубовато-хрустальномъ озерѣ... Запахло сильнѣе цвѣтами, первыми ландышами изъ лѣса, птицы прокричали въ послѣдній разъ свой привѣтъ передъ ночью, и все уснуло, затихло, замолкло до утра. На небѣ зажглась ночная звѣздочка, яркая, нарядная и красивая. Галя сидѣла у оконца, глядѣла на звѣздочку и вспоминала, какъ она съ мамой часто сидѣла по вечерамъ у порога хатки и любовалась звѣздочками...

А мамѣ становилось все хуже, да хуже... Она и кашляла-то глуше и дышала слабѣе.

И вдругъ нѣжнымъ тихимъ голоскомъ позвала она Галю:

— Дѣточка моя ненаглядная, присядь ко мнѣ, посиди со мною...

Отбѣжала отъ оконца Галя, кинулась къ маминой постели, обвила маму своими дѣтскими ручонками.

— Не долго ужъ осталось мнѣ жить, дѣточка моя, — произнесла мать. — Скоро, очень скоро, придется оставить тебя, моя ненаглядная...

— Нѣтъ, мама, нѣтъ! — воскликнула Галя, — я не отпущу тебя, не отдамъ смерти!—И еще сильнѣе прижалась къ матери.

Мать дрожащими руками тоже обняла дочурку.

— Прощай, дѣточка моя ненаглядная!.. Прощай, Галя моя!.. Прощай, голубушка. Не забывай, маму... Помни: любитъ тебя твоя мама и будетъ постоянно смотрѣть на тебя съ неба, дѣточка, и каждый твой добрый, свѣтлый поступокъ будетъ ее радовать... Нѣтъ у меня ничего, что бы я могла тебѣ оставить, дочурка... Одно только было у меня въ сердцѣ сокровище, пока я жила и дышала, а теперь я его тебѣ передамъ, дочкѣ моей. Это сокровище—правда, Галя. Говори всегда правду и будетъ у тебя всегда свѣтло на сердцѣ и ясно на душѣ! Всегда-всегда одну правду говори, Галя! Одну только правду! Ничего не таи, ни въ чемъ не лги! А теперь прощай.

И, перекрестивъ дочурку дрожащей рукой, умирающая прижала ее къ своему сердцу, коснулась нѣжнаго дѣтскаго личика своими горячими губами и... затихла на-вѣки.

Упала Галя на похолодѣвшее тѣло матери, громко-громко зарыдала и стала покрывать руки умершей поцѣлуями.

Опять пришли старухи, унесли плачущую Галю въ другую хатку, а сами стали одѣвать Галину маму и укладывать ее въ гробъ...

А Галя сидитъ въ это время одна, вся въ слезахъ...

Увидала звѣздочка съ неба плачущую дѣвочку, ярко засвѣтила въ окошко пустой хатки, точно желая утѣшить сиротинку.

Подняла Галя свои заплаканные глаза къ небу, посмотрѣла на звѣздочку, протянула къ ней руки и прошептала срывающимся голосомъ:

— Нѣтъ моей мамы! Умерла моя мама! Вернись, мама, вернись! Вернись!—И сердечко ея билось, разрывалось на части...

Плакала Галя...

* * *

Разсвѣло. Солнышко встало надъ Галиной хаткой.

Красивая большая птица опустилась на крышу.

— Кто тамъ плачетъ?—спросила птица.

Спросила, заглянула внизъ въ оконце и увидѣла дѣвочку.

— Хорошенькая дѣвочка! — сказала птица, взмахнула крыльями и очутилась на окнѣ возлѣ Гали.

— О чемъ ты плачешь, дѣвочка? — обратилась птица къ Галѣ и постучала своимъ длиннымъ клювомъ въ подоконникъ.

Галя взглянула на птицу, увидѣла ея широнія крылья, длинный клювъ и добрые, круглые глаза, и сразу почувствовавъ довѣріе къ большой птицѣ, разсказала ей, заливаясь слезами, все свое горе. Птица пожалѣла сиротинку и сказала ей:

— Ты одна на свѣтѣ, я тоже одна. Каждому изъ насъ тяжело и грустно въ одиночествѣ, а вмѣстѣ, вдвоемъ, намъ легче будетъ переносить тоску. Садись мнѣ на спину, дѣвочка, и я умчу тебя въ танія страны, гдѣ стоитъ вѣчное лѣто, гдѣ пестрѣютъ душистыми цвѣтами огромные, непроходимые лѣса, гдѣ громадные бѣлые цвѣты растутъ на берегу рѣки и смотрятся въ нее, любуясь своимъ пышнымъ нарядомъ. Я умчу тебя туда, гдѣ огромные крокодилы выплываютъ изъ рѣки и грѣются на солнцѣ у берега, а великаны-слоны цѣлыми стаями ходятъ на водопой... Въ эту сказочную страну я унесу тебя, дѣвочка... Хочешь летѣть со мной?

Галя печальными глазами оглядѣлась вокругъ: ей было жаль разстаться и съ бѣлой хаткой, и съ вишневыми садочками, и съ родимой деревней.

Но тутъ-же вспомнила дѣвочка, что нѣтъ съ нею больше ея мамы, а безъ мамы и хатка, и вишневые садочки, и родная деревня для нея, Гали, не милы...

И тихо заплакавъ, сказала птицѣ Галя:

— Унеси меня, большая, добрая птица, куда хочешь. Я готова летѣть съ тобою далеко, далеко.. Хоть на край свѣта!..

Едва только успѣла произнести эти слова Галя, какъ мигомъ очутилась на спинѣ птицы, которая сейчасъ-же взвилась съ нею на воздухъ...

Жутко было летѣть первое время Галѣ. Далеко внизу копошились люди, казавшіеся крохотными букашками съ высоты, бѣлѣли хатки, церкви, мелькали цѣлые города, селенія. Птица летѣла съ головокружительной быстротою, поднимаясь все выше и выше. Скоро не стало видно ни домовъ, ни церквей, ни селеній...

Облака носились внизу, отдѣляя птицу и Галю отъ земли, отъ цѣлаго міра. Облака наверху, и внизу, и всюду...

Страшно стало Галѣ, зажмурила она глаза и крѣпче прижалась къ птицѣ.

А та только сильнѣе замахала крыльями и помчалась еще быстрѣе, еще выше, къ самому солнцу...

* * *

— Гдѣ мы? — спросила Галя, когда птица съ быстротой молніи опустила ее на землю, прямо въ роскошный, чудно благоухающій садъ.

Бѣлые цвѣты стройными, красивыми рядами тянулись по бокамъ аллеи, которая вела къ бѣлоснѣжному дворцу съ колоннами и огромной террасой. На террасѣ находилось много, много людей, въ пестрыхъ полосатыхъ одеждахъ, со смуглыми лицами, съ бронзовыми тѣлами. Посреди нихъ сидѣлъ человѣкъ съ красной бородой, съ обмотанной чѣмъ-то бѣлымъ головою, съ яркими губами и съ такимъ грознымъ лицомъ, что при одномъ взглядѣ на него Галя вся затрепетала отъ страха.

Бронзовые люди кланялись до земли страшному человѣку и говорили:

— Ты свѣтелъ и могучъ, ты мудръ и прекрасенъ, ты великъ, какъ никто въ цѣломъ мірѣ!

А царь,—потому что бронзовый человѣкъ со страшнымъ взоромъ былъ царь,—упрямо крутилъ головою, потрясалъ огненно-красной бородою и отвѣчалъ сурово:

— Вы говорите неправду, и говорите все это только потому, что боитесь меня, зная, что однимъ движеніемъ брови я могу лишить васъ жизни.

И опять бронзовые люди кланялись до земли и восхваляли своего царя:

— Ты свѣтелъ и могучъ, мудръ и прекрасенъ!

А царь все трясъ своей огненной бородою и все говорилъ:

— Нѣтъ, это вы льстите мнѣ, потому что я царь. Не вѣрю вамъ.

Вдругъ у самыхъ ступеней, ведущихъ на террасу, онъ увидѣлъ дѣвочку и птицу. Увидѣлъ и поразился несказанно, откуда могла явиться эта дѣвочка. По лицу его промелькнула улыбка. Точно онъ догадался о чемъ-то, точно рѣшилъ что-то внезапно.

И, окинувъ взглядомъ придворныхъ, онъ сказалъ:

— Вотъ я спрошу ее, сколько правды въ вашихъ словахъ.

Потомъ обратился къ Галѣ и произнесъ, поглаживая свою красную бороду:

— Скажи мнѣ, дѣвочка, правда-ли, что я свѣтелъ и могучъ, мудръ и прекрасенъ?

И уставилъ на Галю свои страшные, суровые глаза.

Хотѣла отвѣчать Галя то же, что говорили бронзовые люди, чтобы не разгнѣвать страшнаго царя, да вдругъ вспомнила про завѣтъ матери: говорить одну правду,—и твердымъ голосомъ сказала:

— Нѣтъ, царь. Не свѣтелъ ты, потому что лицо твое хмуро и сурово. Я видѣла солнце, которое свѣтло и могуче,—отъ одного его луча идетъ столько тепла и свѣта! Не знаю, мудръ-ли ты, но знаю, что Тотъ, Кто создалъ тебя и твоихъ подданныхъ, мудрѣе тебя... Нѣтъ, ты не прекрасенъ, царь: человѣкъ съ такими глазами не можетъ быть прекраснымъ; я вижу кроткое, ласковое небо, оно—прекрасно, а не ты...

Едва только произнесла послѣднее слово Галя, какъ въ ужасѣ заметались царскіе приближенные.

— Она съ ума сошла! Она больная!—кричали они.—Что говоритъ она нашему повелителю?!

И они бѣгали и метались, какъ стая испуганныхъ птицъ... А самъ царь нахмурился и сталъ чернѣе ночи. Разгнѣвали его слова Гали. Не привыкъ онъ слышать такихъ словъ и принялъ ее за безумную

— Возьмите ее! — приказалъ онъ слугамъ, — поселите отдѣльно отъ всѣхъ, и пусть мои лучшіе врачи лѣчатъ ее... Но не позволяйте ей сноситься съ людьми, чтобы они не услыхали отъ нея ея безумнаго лепета!

И, сказавъ это, онъ махнулъ рукой. Слуги бросились къ Галѣ и готовы были схватить ее, но въ это время большая птица взмахнула крыльями, усадила Галю къ себѣ на спину и въ одну минуту была уже за нѣсколько верстъ отъ бѣлаго дворца и бронзовыхъ людей.

— Неси меня туда, птица,—шепнула ей Галя,—гдѣ люди любятъ правду и слушаютъ ее.

И полетѣли, понеслись, птица и Галя, въ другую сторону, въ другую страну.

Долго неслись онѣ по голубому небу, среди бѣлыхъ перистыхъ облачковъ, высматривая, гдѣ-бы имъ спуститься. Спустились онѣ прямо на лугъ, окруженный лѣсомъ, непроходимымъ и дремучимъ.

На лужайкѣ, вокругъ костровъ, сидѣли большіе, плечистые люди.

Ихъ было нѣсколько тысячъ. Среди нихъ стоялъ юноша, выше, красивѣе и стройнѣе другихъ.

У всѣхъ за спиною были стрѣлы, лукъ, топорики и копья.

Они говорили своему вождю, стройному юношѣ, вооруженному лучше и богаче другихъ:

— О, великій, смѣлый вождь! Твой братъ собралъ большое войско и идетъ на насъ. Онъ говоритъ, что половина этой страны—его, что этотъ лѣсъ—его лѣсъ, что наши жилища должны принадлежать его воинамъ и что онъ идетъ отобрать все это у тебя, у насъ. Но пусть онъ соберетъ еще больше войска, мы не боимся ничего. Каждый кустъ въ этомъ лѣсу знакомъ намъ. Мы окружимъ лѣсъ и нападемъ на твоего брата, разобьемъ его войско, а его самого приведемъ къ тебѣ. Ты можешь убить его или сдѣлать его своимъ рабомъ.

— Да, я сдѣлаю его своимъ рабомъ, потому что смерть лучше униженія. Пусть же онъ испытаетъ послѣднее, чтобы узнать гнѣвъ брата своего!—произнесъ грозно юноша и взмахнулъ копьемъ.

Воины испустили дикій крикъ и завертѣлись вокругъ костра въ бѣшеной пляскѣ. А когда они остановились, чуть не падая отъ усталости, то внезапно увидѣли большую птицу съ дѣвочкой на ея спинѣ.

Галя уже стояла передъ ихъ молодымъ вождемъ и говорила, обращаясь къ стройному юношѣ-вождю:

— Юноша, ты неправъ! Ты не долженъ воевать съ твоимъ братомъ, потому что отецъ твой, умирая, завѣщалъ вамъ обоимъ землю эту пополамъ. Я это знаю. И знаю также, что ты отнялъ у твоего брата его половину и прогналъ его отсюда. И если твой братъ опять идетъ сюда, то онъ имѣетъ на это право. А ты неправъ, молодой вождь. Ты поступилъ жестоко и безчестно!

Юноша-вождь слушалъ Галю, и чѣмъ дальше говорила она, чѣмъ смѣлѣе становилась ея рѣчь, тѣмъ болѣе, тѣмъ сильнѣе трепеталъ дикій воинъ. Страхъ и благоговѣніе отразились въ его лицѣ къ концу Галиной рѣчи. Онъ упалъ къ ногамъ дѣвочки и, ударяя себя въ грудь, вскрикнулъ страшнымъ голосомъ:

— О, мои воины! Мои храбрые воины! Падите ницъ! Самъ великій Духъ посылаетъ намъ это дитя! Самъ Великій Духъ говоритъ ея устами! Она видитъ мое сердце и знаетъ мои помыслы. Видитъ всю правду и безстрашно высказываетъ ее мнѣ, вашему могучему вождю. Никто до сей поры не смѣлъ мнѣ высказать правды... Значитъ, самъ Великій Духъ посылаетъ ребенка на землю! Она посолъ Великаго Духа! Сюда, ко мнѣ, жрецы и прорицатели! Восхвалите дѣ-

вочку, отведите ее въ нашъ храмъ, посадите ее на тронъ перваго жреца, зажгите передъ ней благовонныя курева и служите въ честь ея, въ честь вѣстницы правды!.. А я и мои воины кланяемся ей до земли!

И юный вождь упалъ на колѣни. За нимъ упали и всѣ его воины.

Изъ дремучаго лѣса вышли сѣдобородые старцы. Они ударяли въ огромныя рановины и производили ими странные, непонятные звуки...

Сѣдобородые старцы приблизились къ Галѣ и, кланяясь ей до земли, говорили:

— О, свѣтлая посланница Великаго Духа! Пойдемъ съ нами въ нашъ храмъ. Тамъ твое мѣсто. День и ночь ты будешь жить въ храмѣ, и голубой дымокъ въ честь твою понесется изъ нашихъ кадильницъ благовонной струею... И мы будемъ пѣть тебѣ священныя пѣсни и украсимъ тебя цвѣтами. Ты будешь царицей нашего храма.

И они осторожно взяли подъ руки Галю и хотѣли ее увести въ дремучій лѣсъ, гдѣ у нихъ между деревьями скрывался ихъ храмъ.

Ужасъ и страхъ наполнили разомъ сердце Гали.

— Гдѣ-же правда? — вскричала она трепещущимъ голосомъ, — когда люди кланяются человѣку и считаютъ его за божество?.. Гдѣ же правда, если правдивое слово здѣсь такъ дико, что сказавшую это слово простую, маленькую дѣвочку приняли за посланницу Бога? Нѣтъ, не хочу я ни почестей, ни славы... Сюда, ко мнѣ, большая птица, унеси, умчи меня отсюда!

И большая птица уже тутъ какъ тутъ: расправила крылья, подхватила Галю и умчала ее снова въ небо высоко, высоко, оставивъ пораженныхъ ужасомъ воиновъ и жрецовъ.

И снова носятся большая птица и Галя между солнцемъ и облаками...

Наконецъ утомились, спустились на землю. Слышатъ дивную музыку, веселый смѣхъ и шутки... Въ звонкихъ голосахъ чувствуется радость...

— Неси меня туда, птица, откуда слышатся музыка и голоса, — попросила Галя. Черезъ минуту увидѣли онѣ роскошный, ярко освѣщенный замокъ на берегу озера. Замокъ весь повисъ надъ водою, стоя на высокой скалѣ, свѣсившейся надъ темнымъ и бурливымъ озеромъ.

Въ замкѣ огни, музыка, веселье.

Роскошно одѣтые кавалеры, еще болѣе нарядныя красавицы-дамы, все это движется въ плавномъ и красивомъ танцѣ. Парча, золото

и драгоцѣнные камни—все смѣшалось, все горитъ, блеститъ и сверкаетъ, не меньше огней хрустальныхъ люстръ, подвѣшенныхъ къ потолку зала.

Впереди всѣхъ выступаетъ, объ руку съ красивымъ и наряднымъ рыцаремъ, сама королева, владѣтельница этого замка и всей страны, въ которую залетѣла Галя со своей птицей.

Ахъ, какъ хороша королева!.. Глаза у нея темносиніе, какъ вода въ томъ озерѣ, что шумитъ подъ окнами замка, и блестятъ они, какъ та драгоцѣнная діадема, что горитъ, переливается алмазами и яхонтами на ея бѣлокурыхъ кудряхъ. И личико королевы совсѣмъ какъ у ребенка: тихое, кроткое, безмятежное.

«Какая ласковая, какая милая королева!—подумала Галя,—вѣрно въ ея странѣ живетъ правда, вѣрно она любитъ правду, и хорошо живется всѣмъ подданнымъ такой доброй королевы!»

Едва только подумала это дѣвочка, какъ сквозь шумъ музыки и веселый смѣхъ танцующихъ чуть слышно донесся до нея какой-то глухой, тихій стонъ.

Вздрогнула Галя, насторожилась.

Стонъ повторился. Онъ несся изъ зеленой чащи сада, скрытой ночной темнотой.

— Полетимъ туда, милая птица, узнаемъ, кто это стонетъ!—взволнованно прошептала Галя.

И они помчались отъ залитаго огнями замка въ темный садъ, въ ночную тьму.

Стонъ становился все слышнѣе и явственнѣе по мѣрѣ того, какъ Галя со своей птицей углублялась въ чащу сада. Блѣдный серпъ мѣсяца выглянулъ изъ-за тучи и освѣтилъ крошечную полянку. Тамъ, у ствола большого дерева, стояла молодая дѣвушка съ блѣднымъ измученнымъ лицомъ. Ея руки и ноги были крѣпко стянуты толстыми веревками, прикручивавшими ее къ дереву. Ея лицо носило слѣды тяжкихъ страданій.

— Что съ тобою? Кто привязалъ тебя здѣсь? И почему ты стонешь?—спросила дѣвушку Галя.

— Я служанка красавицы-королевы,—чуть слышнымъ отъ слабости голосомъ прошептала дѣвушка, — той красавицы-королевы, которая танцуетъ и веселится тамъ, въ замкѣ. Она приказала привязать меня къ дереву и заморить голодомъ, потому что, три дня тому назадъ, я осмѣлилась сказать ей, что рыцарь, котораго она избрала въ женихи, не любитъ ее и желаетъ жениться на ней

потому только, чтобъ стать королемъ... Я это знаю. Это правда. И за эти слова правды я должна умереть голодной смертью...

Сказавъ это, дѣвушка глухо и жалобно простонала.

Галя вся задрожала отъ волненія.

— Скорѣе! Скорѣе, моя птица, поспѣшимъ въ замокъ,—заговорила она,—поспѣшимъ къ королевѣ, пока еще не поздно освободить несчастную дѣвушку и спасти ее отъ лютой смерти!

И быстрѣе вѣтра помчались онѣ въ замокъ.

Словно громъ небесный грянулъ надъ танцующими, такъ ошеломило ихъ появленіе маленькой дѣвочки и большой птицы среди зала. Музыка умолкла. Пары остановились. Въ одну минуту Галя очутилась передъ красавицей-королевой.

— Королева!—сказала дѣвочка дрожащимъ голосомъ,—выслушай меня: ты тутъ танцуешь и веселишься, а тамъ, въ саду, умираетъ твоя служанка. Нехорошо это, королева! Вѣдь твоя служанка сказала правду. Нельзя веселиться, когда дѣлаешь зло своему ближнему. Прикажи освободить несчастную дѣвушку, и тогда пускай снова играетъ музыка, танцуютъ пары и звучитъ веселый смѣхъ твоихъ гостей, королева! Нехороша та повелительница, которая такъ жестоко наказываетъ за правдивое слово.

Закончивъ свою рѣчь, Галя взглянула на королеву, да такъ и обмерла отъ ужаса. Что сталось вдругъ съ красавицей-королевой? Глаза у нея разомъ почернѣли и округлились, какъ у ворона, лицо позеленѣло и искривилось, губы перекосились, и вся она стала вдругъ отталкивающей и безобразной.

— Ничтожная, жалкая дѣвчонка!—закричала на Галю королева, затопавъ ногами,—какъ смѣешь ты порицать меня! За это ты должна немедленно умереть!

И сейчасъ же приказала стражѣ бросить Галю въ озеро. Стража исполнила приказъ своей королевы, схватила Галю, подтащила ее къ окну и бросила внизъ, прямо туда, гдѣ глухо шумѣли темныя воды большого озера.

Упала въ озеро Галя, погрузилась въ холодныя волны и опустилась мертвая на самое дно. И, навѣрное, она стала бы добычей молодыхъ смѣющихся русалокъ, еслибы большая, вѣрная птица не метнулась слѣдомъ за нею и не вытащила изъ воды маленькую утопленницу.

Схватила въ свой сильный клювъ мертвую Галю большая птица и быстро поднялась съ нею отъ земли и озера высоко, высоко къ

небу... А тамъ уже ждали Галю... Ждали ее прекрасныя бѣлыя существа, мальчики и дѣвочки съ серебряными крылышками за спиною. Увидѣли они птицу съ мертвою дѣвочкою въ клювѣ, подхватили Галю на руки и понесли въ небеса...

Недологъ былъ путь маленькихъ крылатыхъ существъ...

Внезапно послышалась дивная музыка. Незримый хоръ запѣлъ чудесную, сладкую пѣснь...

Принесли крылатыя дѣти въ роскошный небесный садъ Галю, положили на душистую полянку, сплошь покрытую ароматными листьями и розами, и, ставъ вокругъ нея, запѣли звонкими красивыми голосами, какіе могутъ быть только у ангеловъ:

— Проснись, пробудись, милая Галя! Ты попала въ царство правды, одной правды, чистой и прекрасной, которой не встрѣтишь на землѣ! Проснись, милая, маленькая Галя!

Но Галя не слышала пѣнія ангеловъ, не чувствовала аромата цвѣтовъ. Тогда, не переставая пѣть, крылатыя дѣти полетѣли высоко, за облака и чрезъ минуту вернулись снова, ведя за руку высокую женщину въ бѣлой одеждѣ, кроткую и прекрасную, какъ голубка. Женщина склонилась надъ мертвой Галей и нѣжно обвила ее тонкими руками. Двѣ слезы капнули изъ ея глазъ прямо на сердце Гали, и вдругъ это сердце ожило, затрепетало. Открыла глаза дѣвочка взглянула передъ собой и вскричала радостнымъ голосомъ, узнавъ склонившуюся передъ нею женщину:

— Мама! Мама моя!

— Галя! моя Галя!—прошептала бѣлая женщина,—за твою правду Господь соединилъ меня снова съ тобою, чтобы никогда, никогда уже намъ не разлучаться больше. Въ царство правды примчала тебя большая птица, въ то царство, гдѣ живетъ радостная и торжествующая правда!

И мама крѣпко обняла свою дѣвочку и цѣловала ее безъ конца, безъ счета... Роскошный садъ благоухалъ, и блѣдноликіе ангелы пѣли гимнъ о Галиной правдѣ...

А большая птица снова полетѣла къ землѣ и людямъ, желая найти во что-бы то ни стало правду тамъ, на землѣ. Полетѣла одна, безъ Гали, упрямая птица... А Галя осталась съ мамой въ лазурномъ царствѣ...

Давно это было...

Упала въ озеро Галя, погрузилась въ холодныя волны...

Къ сказкѣ «Галина правда».

Жилъ на свѣтѣ Иванъ.

Жилъ онъ въ богатомъ селѣ, съ широкими прямыми улицами, съ тесовыми новыми домами, съ чистенькими дворинами и тѣнистыми садами передъ каждымъ домомъ, словомъ—въ такомъ селѣ, гдѣ всѣ люди довольны и незнакомы съ нуждой.

Самъ онъ былъ парень молодой, здоровый, пригожій.

Были у Ивана отецъ съ матерью, сестра съ братомъ. Было всего у Ивана, что необходимо для человѣка въ жизни: и платье хорошее, новешенькое, и сапоги, и картузъ всегда съ иголочки. И сытъ онъ былъ всегда, и денежки у него водились. Чего же, кажется, больше?

Жить бы поживать было Ивану, благо всѣмъ надѣленъ: добрыми родителями, любящимъ братомъ и сестрою, достатками, довольствомъ, всѣмъ.

Анъ, не тутъ то было.

Услышалъ какъ-то Иванъ, какъ люди о счастьѣ спорили.

— Что это такое счастье?—спросилъ Иванъ у людей.

Ему объяснили:

— Это такое, что ищи—не отыщешь, лови—не поймаешь, схвати—не удержишь. А само оно придетъ тогда, когда его меньше всего ожидаешь, и поселится такъ, что никуда не выгонишь, пока само не уйдетъ.

Такъ пояснили Ивану люди.

— Ну, это вздоръ!—произнесъ Иванъ, — если захочу—отыщу счастье, поймаю его и принесу съ собою.

— Анъ, не принесешь!—заспорили люди.

— Анъ, принесу!—возразилъ Иванъ.

Онъ былъ очень упрямый, и что въ голову ни взбредетъ—сейчасъ же приводитъ въ исполненіе. Такъ и сейчасъ.

Надѣлъ шапку, привязалъ котомку за плечи, взялъ палку и пошелъ бродить по свѣту упрямый Иванъ.

Пошелъ искать счастья.

Идетъ по большой дорогѣ и смотритъ внизъ, себѣ подъ ноги, не валяется-ли случайно нѣмъ-нибудь оброненное счастье.

Шелъ, шелъ—и пришелъ въ большой городъ. Пришелъ и присѣлъ отдохнуть у городской заставы.

Сидитъ, отдыхаетъ, пѣсню поетъ. Ахъ, хорошо поетъ!.. Про село большое, про тѣнистые садочки, про рѣчку быструю, голубую.

Голосъ его такъ въ душу и просится. Чудесный былъ голосъ у Ивана. А вокругъ него толпа собирается. Большая толпа. Стоятъ кругомъ, молчатъ, прямо ему въ ротъ такъ и смотрятъ, слушаютъ.

А Иванъ и вниманія на толпу не обращаетъ, поетъ себѣ да поетъ...

Вдругъ вышелъ изъ толпы кругленькій человѣчекъ, подошелъ къ Ивану, ударилъ его дружески по плечу и говоритъ:

— Много я голосовъ на своемъ вѣку слышалъ, а такого не слыхивалъ. Соловей ты. Такъ поешь, что заслушаться можно. Такой голосъ—это цѣлый кладъ. Хочешь, одѣну тебя въ шелкъ и бархатъ, озолочу тебя, денегъ буду давать столько, что во всѣхъ твоихъ карманахъ не умѣстится. А ты только пой, да пой... А я уже такъ устрою, что будутъ приходить люди тебя слушать—и короли, и принцы, и важные сановники. Захочешь, чтобъ плакали они—запоешь печальную пѣсню; захочешь, чтобъ смѣялись,—веселую запоешь... И слава про тебя, какъ великаго пѣвца, прогремитъ на весь міръ. Вездѣ и всюду люди съ почетомъ тебя будутъ встрѣчать, съ почетомъ провожать. И ничего тебѣ для этого не будетъ надо, какъ только пѣть, да пѣть...

А Иванъ смотритъ на кругленькаго человѣчка и только посмѣивается. Очень де нужны ему почетъ, слава и золото, когда онъ счастье пошелъ искать!

И, поднявшись со своего мѣста, нахлобучилъ картузъ Иванъ и пошелъ прочь отъ города, по дорогѣ къ лѣсу.

Вотъ и лѣсъ... Съ пѣсенкой веселой не долгъ путь кажется...

Огромные великаны-деревья по пути Ивану попадаются. Зе-

леныя вѣтки къ нему протягиваются. Смотритъ Иванъ на вѣтки и думаетъ:

«Не запуталось ли гдѣ-нибудь счастье въ вѣтвяхъ?»

Смотритъ да смотритъ... А счастья то нѣтъ, а нѣчто другое привлекаетъ вниманіе Ивана.

Выскакиваетъ изъ чащи лѣса всадникъ на быстромъ конѣ. Одѣтъ всадникъ роскошно, по-королевски, въ пышный кафтанъ съ золотымъ поясомъ. На головѣ дорогая шляпа съ перомъ. Лицо у всадника покрыто смертельной блѣдностью. Глаза выражаютъ испугъ. И видитъ Иванъ, что огромный бурый медвѣдь гонится слѣдомъ за всадникомъ, догналъ коня, бросился на него сзади и разомъ обхватилъ всадника своими страшными лапами. Раздался отчаянный крикъ, потомъ оглушительное рычаніе звѣря...

Иванъ ясно видѣлъ, что еще минута и всадникъ погибъ. Тогда въ два прыжка онъ очутился подлѣ, выхватилъ мечъ изъ-за пояса растерявшагося всадника и изо всей силы ударилъ имъ по головѣ медвѣдя.

Новое оглушительное рычаніе потрясло воздухъ, и въ слѣдующую же минуту, распростершись на землѣ, лежалъ мертвый медвѣдь...

Всадникъ сошелъ съ коня и приблизился къ Ивану.

— Ты мнѣ спасъ жизнь,—произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—спасъ жизнь короля... Я—король и по-королевски хочу наградить твою храбрость, твой подвигъ... Иди со мной въ мою столицу. Будешь жить у меня въ почести королевской, я отдамъ тебѣ мою королевскую власть, а послѣ моей смерти ты будешь королемъ моего государства.

Но Иванъ только головой покачалъ въ отвѣтъ.

Къ чему ему королевская власть? Онъ пошелъ искать счастье, а не королевскую власть.

И съ поклономъ отказался отъ предложенной ему чести Иванъ.

Очень онъ былъ упрямый, и ужъ больно хотѣлось ему найти счастье...

Идетъ дальше, палкой помахиваетъ, да глазѣетъ по сторонамъ.

Вышелъ изъ лѣсу. Видитъ село по дорогѣ.

На концѣ села колодецъ.

У колодца дѣвушка стоитъ и такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Посмотрѣла на Ивана красавица. Съ перваго же взгляда онъ ей понравился: рослый, статный, широкоплечій,—ну, какъ есть богатырь.

И чѣмъ больше смотритъ на него дѣвушка, тѣмъ больше имъ любуется.

А запѣлъ свою пѣсню Иванъ, такъ сердце у красавицы и замерло.

Не то соловей поетъ, не то Божій ангелъ...

Взяла дѣвушка за руку пригожаго пѣвца и говоритъ:

— Давно я о такомъ женихѣ мечтала... Ты мой суженый... Пойдемъ къ отцу и къ матери, пускай благословятъ на бракъ съ тобою...

А Иванъ смотритъ на красавицу, любуется ею, ужъ очень его ея красота поразила, а самъ только тихонечко головою качаетъ.

— Нельзя мнѣ оставаться съ тобою, странствовать я долженъ, дѣло у меня есть...—говоритъ онъ тихимъ голосомъ, а у самого сердце такъ и замираетъ.

Очень ужъ полюбилась красавица. Жаль уйти отъ нея.

И все-таки ушелъ упрямый Иванъ.

Пошелъ счастья искать.

Ходитъ да ищетъ. Ищетъ да ходитъ.

Въ лѣсахъ ищетъ, на поляхъ, въ селахъ, деревняхъ и въ большихъ городахъ, на площадяхъ и на улицахъ... И все-таки не находитъ.

Ходилъ, ходилъ, весь свѣтъ обошелъ и вернулся снова въ родное село.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ онъ отсюда счастье искать. Родители умерли, сестра замужъ вышла, братъ женился.

Едва его узнали въ селѣ—такъ онъ постарѣлъ почернѣлъ, оброс бородою.

— Не нашелъ счастья... всюду искалъ... Знать, обманули вы меня!—съ горечью сталъ упрекать онъ людей, съ которыми бесѣдовалъ передъ своимъ уходомъ.—Нѣтъ счастья на землѣ! Однѣ это выдумки про счастье... Есть слава, есть власть, есть любовь, а счастья нѣтъ!

И сталъ онъ разсказывать тутъ же, какъ предлагали ему славу, власть и любовь.

Про встрѣчу съ молодымъ королемъ, съ кругленькимъ человѣчкомъ—хозяиномъ хора—и съ красавицей-дѣвушкой разсказалъ людямъ Иванъ.

А какъ узнали про все люди, такъ и закачали головами.

— Глупый ты, глупый, Иванъ... Міръ исходилъ, а ума не на-

жилъ,—заговорили они,—вѣдь въ рукахъ у тебя было счастье, а ты самъ упустилъ его. Три раза оно къ тебѣ попадало и три раза ты его оттолкнулъ отъ себя.

И качали головами люди, удивлялись несмышленому Ивану.

И говорили между собой:

— Нѣтъ, счастье глупому не впрокъ.

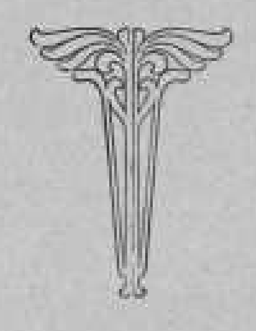
А Иванъ смотрѣлъ на нихъ и удивлялся—гдѣ они нашли счастье, гдѣ въ его разсказахъ увидѣли его?

А когда люди ушли, усѣлся Иванъ на камнѣ, у опушки лѣса, и сталъ вспоминать про свои встрѣчи, о которыхъ онъ только-что разсказалъ своимъ. Усѣлся да сталъ думать—почему люди рѣшили, что онъ три раза оттолкнулъ счастье.

Думалъ, думалъ, да такъ ничего не надумалъ.

Глупый былъ Иванъ и упрямый.

Очень глупый...

Ха! ха! ха!

Хи! хи! хи!

За десятки, за сотни, за тысячи верстъ раздавались громкіе раскаты веселаго, беззаботнаго смѣха. Раздавались съ утра и до вечера, съ заката и до восхода солнца, раздавались безъ перерыва.

Это смѣялись жители Веселаго царства.

Странное, совсѣмъ особенное это было царство. Другого такого нѣтъ, не было и не будетъ на землѣ.

Очень занятное царство. Тамъ никто никогда не горевалъ, не плакалъ, не жаловался, не печалился, не болѣлъ. Тамъ всѣ смѣялись, смѣялись постоянно, смѣялись безъ устали. Ходили—и смѣялись, сидѣли—и смѣялись, работали—и смѣялись, говорили—и смѣялись, даже... спали—и смѣялись.

Только и слышно было: «ха! ха! ха!» да «хи! хи! хи!».

Въ веселомъ царствѣ не было ни горя, ни заботъ. Его жители не знали ни нищеты, ни грусти; они никогда не болѣли, не страдали и доживали, веселые и довольные, до глубокой старости. Рождались со смѣхомъ и умирали со смѣхомъ, передавая своимъ потомкамъ способность вѣчно смѣяться.

Веселѣе всѣхъ смѣялся царь Веселаго царства. Веселая улыбка такъ и не сходила съ его лица; на высокомъ его лбу никогда не видно было морщинки грусти, а глаза царскіе постоянно искрились смѣхомъ—добрымъ, веселымъ смѣхомъ.

Просыпался утромъ веселый царь и со смѣхомъ звонилъ въ колокольчикъ. Со смѣхомъ появлялись царскіе слуги.

— Давайте одѣваться. Хи! хи! хи!—командовалъ царь.

— Извольте, ваше величество, ха! ха! ха!—заливались слуги.

Одѣвшись, царь выходилъ на балконъ своего дворца послушать, какъ смѣются подданные въ его столицѣ.

По улицамъ бѣжали смѣющіеся люди, со смѣхомъ возницы предлагали прохожимъ свои услуги, со смѣхомъ торговцы продавали свои товары...

Всѣ смѣялись... Всѣ... И взрослые, и дѣти, юноши и старцы, господа и слуги, генералы и солдаты, богатые и бѣдные... Точно серебряный звонъ стоялъ надъ Веселымъ царствомъ, точно тамъ праздновался постоянно свѣтлый, радостный праздникъ,—такъ были всѣ счастливы и веселы...

И вдругъ, однажды, въ это царство радости, довольства, счастья и смѣха, забрела старая, худая, согнутая въ три погибели старуха—такая, какой никогда не видывали въ Веселомъ Царствѣ. У нея было мрачное, печальное лицо, глаза какіе-то растерянные, полуслѣпые отъ слезъ, а щеки ввалились отъ худобы. Сѣдыя космы рѣдкихъ волосъ выбивались у нея изъ-подъ платка.

— Хи! хи! хи! Что за странная старуха!—удивлялись счастливые люди Веселаго царства.—Ха! ха! ха! Кто ты, бабушка?—спрашивали они.

— Мое имя Нужда,—произнесла она глухимъ замогильнымъ голосомъ.—Пришла я къ вамъ изъ сосѣдняго государства, гдѣ живутъ мои сестры: Горе, Болѣзнь, Печаль, Голодуха, Страданье... Мы всѣ постоянно странствуемъ изъ одного мѣста въ другое, а въ иныхъ мѣстахъ подолгу остаемся... Въ вашемъ царствѣ ни одна изъ насъ еще не бывала, вотъ я и рѣшила заглянуть къ вамъ, чтобъ убѣдиться, нельзя ли мнѣ какъ-нибудь здѣсь пристроиться... Но вижу, что мнѣ здѣсь не житье: всѣ вы тутъ сытые, довольные, веселые...

— А ты умѣешь смѣяться? Ха! ха! ха! Умѣешь?—зазвенѣло, загудѣло на разные голоса вокругъ нея.

Старуха гордо выпрямилась. Ея глаза гнѣвно блеснули.

— Я не умѣю смѣяться, и не хочу смѣяться, и ненавижу смѣхъ,—строго проговорила она.—Нужда не должна смѣяться. Она плачетъ. И если-бы я осталась у васъ, то скоро научила бы и васъ плакать.

— Плакать?—съ удивленіемъ переспросили веселые люди.—Нѣтъ,

старуха, это ты напрасно думаешь. Ха! ха! ха! А вотъ мы заставимъ тебя смѣяться, увидишь—заставимъ.

— Никогда!—сурово оборвала ихъ старуха Нужда.

— Нѣтъ, заставимъ. Непремѣнно заставимъ, — повторили нѣсколько разъ веселые люди.—Ха! ха! ха! давай сейчасъ смѣяться. Слышишь?

— Никогда!—вновь повторила Нужда.—И не требуйте отъ меня, чтобъ я смѣялась: разъ я засмѣюсь, бѣда вамъ будетъ.

— Ха! ха! ха!—отвѣтили веселые люди,—развѣ отъ смѣха можетъ быть бѣда? Нѣтъ, бабушка, ты должна съ нами смѣяться. Ну-ка, начинай!

— Не буду!—угрюмо повторила опять старуха.

— Ну, хоть немножко!

— Никогда!—вновь повторила Нужда.

Какъ ни старались веселые жители Веселаго царства разсмѣшить старуху Нужду,—ихъ старанія ни къ чему не повели.

Разсердились, наконецъ, веселые люди, но разсердились, конечно, по своему, по смѣшному.

— Не смѣяться въ нашемъ Веселомъ царствѣ, а грустить и печалиться, когда мы всѣ смѣемся,—это преступленіе,—говорили они.— Мы этого такъ не пропустимъ и отдадимъ тебя, старуха, подъ судъ. Пусть умные судьи рѣшатъ, какъ быть съ тобою...

И недолго думая, они подхватили старуху и потащили ее въ судъ.

— Ха! ха! ха!—въ чемъ провинилась эта старушенція?—спросили судьи, когда привели Нужду въ большую комнату, въ которой засѣдалъ судъ.

Веселые люди разсказали, что старуха заупрямилась, не хочетъ ни за что смѣяться.

Стали судьи совѣщаться—какъ быть, какое придумать для печальной старухи наказаніе. Совѣщались они, конечно, смѣясь и хохоча. Смѣялись при этомъ не только судьи, но и стража, стоявшая у дверей, смѣялись писцы, записывавшіе рѣшеніе суда, смѣялись сторожа, привратники. Одна Нужда не смѣялась.

Долго-долго совѣтывались судьи, наконецъ, обратились къ Нуждѣ съ такою рѣчью:

— Слушай, старуха. Ты лучше раскайся и засмѣйся. Тогда мы тебя простимъ. Ха! ха! ха!

Но Нужда съ гнѣвомъ отказалась отъ такого предложенія. Не

— Хи! хи! хи! Что за странная старуха!—удивлялись счастливые люди Веселаго царства...

Къ сказкѣ «ВЕСЕЛОЕ ЦАРСТВО».

станетъ она смѣяться. Ни за что не станетъ! Никогда не смѣялась и не будетъ смѣяться. Ея дѣло печалить людей и не къ лицу ей смѣхъ.

— А мы все-таки тебя заставимъ смѣяться,—хохотали судьи.—А не захочешь, накажемъ тебя со всею строгостью законовъ Веселаго царства.

— Наказывайте! Я ничего не боюсь! — надменно заявила упрямица.

Опять стали совѣщаться судьи. Словно пчелиное жужжанье повисло въ воздухѣ, такъ они спорили и гоготали, прерывая постоянно свою рѣчь смѣхомъ.

Кончили, наконецъ, совѣщанье и вынесли такой приговоръ:

— Такъ какъ старуха, несмотря на всѣ увѣщанія, упрямится и не хочетъ смѣяться, то немедленно выслать ее изъ предѣловъ Веселаго царства и не позволить ей ни минуты оставаться среди веселыхъ людей.

Нужда, молча, выслушала этотъ приговоръ. Но веселые люди которые привели ее въ судъ, остались недовольны приговоромъ.

— Что это за наказаніе?—кричали они.—Нѣтъ, надо непремѣнно заставить смѣяться старуху. Непремѣнно надо. Судьи невѣрно рѣшили дѣло!—и они потребовали, чтобы были призваны другіе судьи, которые придумали бы старухѣ иное наказаніе.

Это желаніе было тотчасъ исполнено. Опять собрались судьи, опять совѣщались, спорили и вынесли такой приговоръ:

— Закрыть всѣ заставы Веселаго царства и не выпускать старухи до тѣхъ поръ, пока она не станетъ смѣяться.

Но веселый народъ и этимъ приговоромъ остался недоволенъ.

— Ха! ха! ха! — кричали веселые люди на разные лады. — Развѣ такой приговоръ подѣйствуетъ на упрямую старуху? Ничуть. Нѣтъ, видно, судьямъ не рѣшить этого дѣла. Отправимся мы лучше къ нашему королю: онъ сумѣетъ приказать старухѣ смѣяться. Ха! ха! ха!

И они бросились къ Нуждѣ, подхватили ее и потащили ее во дворецъ.

— Царь! Милостивый и справедливый! — кричали веселые люди, толпясь вокругъ жилища любимаго царя,—выйди къ намъ. Мы привели къ тебѣ старуху-странницу Нужду, которая пришла въ наше царство съ печальнымъ лицомъ и не хочетъ смѣяться съ нами. Прикажи ей, царь, смѣяться.

Царь вышелъ къ толпѣ, приблизился къ старухѣ и, громко смѣясь, произнесъ:

— Старуха, смѣйся!

— Не буду!—угрюмо отозвалась Нужда.

— Тебѣ говорятъ, смѣйся!

— Ни за что.

Царь хотѣлъ сдѣлать строгое лицо и... не могъ. Оно такъ и прыгало отъ смѣха.

А старуха становилась съ каждой минутой все угрюмѣе, все мрачнѣе.

Подумалъ веселый царь, какъ и чѣмъ заставить старуху исполнить желаніе народа, т.-е. разсмѣяться, и, наконецъ, сказалъ:

— Слушай, бабушка Нужда. Въ наказаніе за твое упрямство я лишаю тебя самаго дорогого, что только можетъ быть на свѣтѣ: отнынѣ я запрещаю тебѣ, разъ навсегда, смѣяться. Какъ бы весело тебѣ ни было на душѣ — ты лишена впредь возможности смѣяться. Страшное это наказаніе! Ты его почувствуешь, старуха, потому что какъ рыба не можетъ жить безъ воды, какъ никакая земная тварь не можетъ существовать безъ воздуха, такъ человѣкъ не можетъ жить безъ смѣха. А ты, Нужда, лишена отнынѣ этого великаго блага. Ха! ха! ха!

— Ха! ха! ха!—раздались въ отвѣтъ на это громовые раскаты смѣха веселаго народа, очень довольнаго умнымъ приговоромъ своего короля.

Вмѣстѣ съ народомъ расхохоталась, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, и сама старуха Нужда.

Расхохоталась хриплымъ, замогильнымъ, отвратительнымъ своимъ смѣхомъ, такимъ громкимъ, что онъ заглушилъ смѣхъ тысячей веселыхъ людей.

Расхохоталась потому, что такого наказанія никакъ не могла ожидать старуха Нужда.

Ее лишили того, къ чему она чувствовала непреодолимое отвращеніе, того, чего она сама терпѣть не могла... Ей, которая никогда въ жизни не смѣялась, запрещали смѣяться!.. Это было такъ ново, необыкновенно и смѣшно, что Нужда не выдержала и расхохоталась первый разъ въ своей долгой жизни.

За ней расхохотался король.

За нимъ воины, стража, народъ.

И отовсюду стали раздаваться раскаты смѣха.

Но всѣхъ громче смѣялась сама старуха Нужда.

Странно, однако: чѣмъ громче смѣялась она, тѣмъ тише становился смѣхъ окружающихъ ее жителей Веселаго царства...

И лица у нихъ, всегда такія веселыя, довольныя, становились все серьезнѣе и серьезнѣе... Какъ ни стараются они по-прежнему хохотать, смѣхъ у нихъ выходитъ какой-то сдавленный, невеселый...

А старуха Нужда смѣется все громче, да громче, приплясываетъ, скачетъ...

Прошелъ день, другой, третій—и въ Веселомъ царствѣ не слышно уже раскатовъ смѣха. Раздается только странный, хриплый, непривѣтливый хохотъ старухи Нужды...

Прошло еще нѣсколько времени—и въ Веселомъ царствѣ совсѣмъ не стало больше слышно смѣха. Люди точно разучились смѣяться.

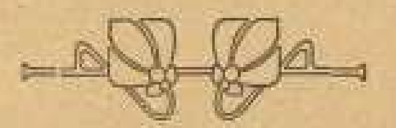
Даже самъ царь и тотъ не смѣялся больше. Лицо у него стало грустное-прегрустное, а глаза, которые умѣли только улыбаться, теперь блуждающе смотрятъ вдаль, гдѣ старуха Нужда, переходя изъ дома въ домъ, все смѣется, скачетъ, приплясываетъ. И гдѣ только она покажется, люди сразу разучаются смѣяться...

— Перестань же, старуха!—кричатъ ей.

Но старуха не унимается.

— Ха! ха! ха! Заставили вы меня смѣяться,—отвѣчаетъ она,—теперь я не могу перестать...

И съ тѣхъ поръ Веселое царство превратилось въ царство грусти.

Стояла мельница надъ синей рѣкой, стояла и пѣла... И все въ ней пѣло: и колеса, сквозь которыя струилась вода, и тяжелые жернова, и самъ мельникъ, юноша восемнадцати лѣтъ, котораго звали Нарциссомъ.

Мельникъ-юноша пѣлъ громче и слаще всего. Хорошо пѣлъ. Люди слушали его и говорили:

— Ровно птица небесная поетъ-заливается Нарциссъ...

И правда ихъ была... Серебрянымъ ручьемъ, струею гремучей, арфой невидимой, золотою, ангельскимъ голосомъ заливался мельникъ Нарциссъ...

Былъ онъ на свѣтѣ круглымъ сиротою. Не помнилъ ни матери, ни отца. Умерли они рано. Было ему, Нарциссу, нѣсколько мѣсяцевъ въ то время. Старый мельникъ пожалѣлъ сироту-мальчика, взялъ его къ себѣ, воспитывалъ, точно родного сына, а умирая оставилъ мельницу Нарциссу. И вотъ на мельницѣ сталъ хозяйничать самъ Нарциссъ... Хозяйничаетъ и поетъ...

Ахъ, поетъ!

Птицы Божія завидуютъ его голосу звонкому. Люди не надивятся его веселому, счастливому, всегда довольному лицу.

— И чего онъ веселъ? — спрашиваютъ, — и чего заливается? У другихъ забота и печаль, а у него пѣсня звонкая, да радостная улыбка не сходятъ съ устъ. А самъ — одинокъ, сирота и бѣденъ какъ церковная мышь. Что толку, что есть у него мельница?.. Зерна ему мо-

лоть возятъ мало, и платятъ не много,—бѣдные люди кругомъ живутъ—платить больше не могутъ—не изъ чего! А ему и горя мало... Поетъ, соловьемъ разливается,—даромъ, что впроголодь живетъ.

Услыхала про веселаго, довольнаго мельника злая, коварная колдунья Урсула и захотѣла увидѣть воочію людскую радость. Спряталась она подъ мельничное колесо и стала поджидать диковиннаго мельника, что такъ доволенъ своей судьбой. Извѣстное дѣло: злая колдунья не можетъ видѣть безъ зависти счастливыхъ, довольныхъ людей.

Видитъ — дѣйствительно счастливъ и доволенъ своею судьбою мельникъ, и весело улыбается и поетъ, поетъ.

— Ну, постой же ты, милый!—ехидно прошипѣла себѣ подъ носъ колдунья,—перестанешь ты пѣть у меня.

И въ одинъ мигъ закружила, зачаровала мельника Нарцисса и нагнала на него очарованный сонъ... Заснулъ мельникъ и видитъ себя во снѣ королемъ. На немъ золотая корона, вокругъ его — послушная свита, передъ нимъ—несмѣтныя богатства хрустальнаго дворца.

И радостно, радостно забилось сердце Нарцисса! Еще бы! худо-ли быть могущественнымъ королемъ?

Но не долго длился сладкій сонъ.

Проснулся мельникъ—и ни дворца, ни свиты, ни сокровищъ передъ нимъ нѣтъ. Стоитъ только дѣвушка неземной красоты. Стоитъ и улыбается ему...

Это злая Урсула превратилась въ красавицу, чтобы не напугать мельника своимъ безобразнымъ, отталкивающимъ, злымъ лицомъ.

Нарциссъ вытаращилъ глаза и лепечетъ въ недоумѣніи:

— Кто—ты?

— Нѣтъ! Лучше скажи мнѣ ты кто? — засмѣялась своимъ звонкимъ голосомъ мнимая красавица.

— Я мельникъ!—отвѣчалъ Нарциссъ,—а былъ только-что королемъ. Ахъ, хорошо было!—вздохнулъ онъ, съ сожалѣніемъ вспоминая о чудесномъ сновидѣніи.

— Что-жъ? Развѣ такъ сладко быть королемъ? — спросила красавица, т.-е. Урсула.

— Ахъ, сладко!—отвѣчалъ Нарциссъ.—Такъ сладко, что, кажется, все бы отдалъ, чтобы хоть годикъ побыть королемъ... Всюду тебѣ почетъ, всюду покорность! Денегъ — куры не клюютъ, ѣшь вкусно, сладко, съ серебряной посуды, пьешь изъ золотыхъ кувшиновъ... То-то хорошо! А живешь то во дворцѣ въ хрустальныхъ палатахъ,

самъ одѣтъ въ шелкъ и бархатъ, въ шляпу съ перомъ, въ сапоги со шпорами... Чудо что такое!

Улыбнулась Урсула.

— Хочешь, сдѣлаю тебя королемъ?

Глаза у мельника разгорѣлись какъ звѣзды. Весь онъ вспыхнулъ отъ счастья и хотѣлъ даже запрыгать на радостяхъ, да ноги у него подогнулись и онъ упалъ на берегъ, на траву.

Упалъ и... сладко заснулъ въ тотъ же мигъ... А злая Урсула наклонилась надъ нимъ, протянула руку и зловѣщимъ голосомъ зашептала:

Стань, обернись,
Опять закрутись,
Назадъ оглянись
И мнѣ поклонись.
А какъ встанешь и проснешься,
О быломъ не заикнешься,
Все минуетъ долгимъ сномъ —
Станетъ мельникъ королемъ...

* * *

Проснулся мельникъ, смотритъ удивленно кругомъ и видитъ — лежитъ онъ на лебяжьей перинѣ, на широкой постели, подъ бархатнымъ балдахиномъ съ золотыми кистями. Надъ постелью королевская корона. Простыни — изъ тончайшаго шелка, обшитыя трехаршинными кружевами по краямъ. Одѣяло—атласное, шитое золотомъ, легкое какъ пушинка. А кругомъ толпятся слуги, важные-преважные, почтенные, сѣдые... Иного такого слугу навѣрное бы принялъ за важнаго господина въ былое время бѣдный мельникъ, а теперь? А теперь безъ всякаго стѣсненія протянулъ слугамъ свои голыя ноги и коротко произнесъ:

— Обувайте!

Засуетились слуги, преклонили колѣна и стали натягивать съ великой осторожностью на ноги мельника шелковые чулки. Точно это и не ноги были, а двѣ хрустальныя вазы, которыя они опасались разбить.

Потомъ они подали королю-мельнику туфли съ бриллiантовыми пряжками и исподнее платье. Нарциссъ не двинулъ ни рукой, ни ногой, пока его одѣвали и только поворачивался вправо и влѣво, какъ кукла на пружинахъ. Все дѣлали за него другiе. Когда, наконецъ, его одѣли, вошли два маленькiе невольника-негра и внесли серебряный жбанъ съ водой. Слуги умыли короля и повели въ столовую.

Упалъ Нарциссъ на траву и сладко заснулъ...

Къ сказкѣ «Мельникъ Нарциссъ»

Въ столовой его ждалъ обильный завтракъ. Какихъ только яствъ не поставили на столѣ!

Нарциссъ подошелъ къ столу и уже приготовился схватить лучшій кусокъ съ тарелки, какъ неожиданно предсталъ предъ нимъ высокій, въ темномъ одѣяніи, старикъ съ очками на носу.

— Не извольте этого кушать, ваше величество, а то разстроите вашъ драгоцѣнный желудокъ,—произнесъ онъ и почтительно отвелъ руку короля отъ жирнаго куска.

Тогда Нарциссъ схватился за другое блюдо.

Но великъ же былъ его гнѣвъ, когда докторъ (высокій человѣкъ въ очкахъ былъ придворный врачъ, лейбъ-медикъ) снова почтительно остановилъ его.

— Это вредное кушанье для васъ, ваше величество,—сказалъ онъ и прибавилъ:—не понимаю, чего смотритъ гофмейстеръ, вѣдь такія блюда нельзя кушать королю.

И, вмѣсто вкусныхъ яствъ, подвинулъ Нарциссу стаканъ молока и два крошечныхъ куска бѣлаго хлѣба, прибавивъ низко кланяясь:

— Здоровье короля — лучшее счастье его подданныхъ. А поэтому вашему величеству необходимо беречься для счастья вашего народа!.. Я же поставленъ для того, чтобы постоянно слѣдить за вашею ѣдою и обязанъ наблюдать, чтобы вы, государь, случайно не поѣли что-нибудь вредное или не скушали слишкомъ много...

Нечего дѣлать, пришлось Нарциссу довольствоваться молокомъ.

* * *

— Я хочу идти гулять!—вскричалъ Нарциссъ весело, покончивъ съ завтракомъ.

Но тутъ, невидимо, человѣкъ десять какихъ-то сѣдовласыхъ людей окружили его тѣсной толпою.

— Ваше величество, не угодно-ли вамъ будетъ заняться сперва государственными дѣлами? — произнесли они, чуть-ли не до земли склоняясь передъ нимъ.

Король не можетъ отказываться отъ государственныхъ дѣлъ, и Нарциссъ долженъ былъ покориться. Онъ пошелъ за сѣдовласыми старцами въ огромную комнату, которая называлась королевскимъ кабинетомъ. Здѣсь король и его сѣдовласые совѣтники принялись рѣшать важныя государственныя дѣла.

Солнце, сіяя во всю, смотрѣло въ окна. Толпы гуляющихъ сно-

вали по улицамъ. Деревья привѣтливо шумѣли за окнами, точно хотѣли сказать:

— Брось свои дѣла, король, и ступай къ намъ на волю, на просторъ!

И молодому королю неудержимо захотѣлось выбѣжать изъ скучнаго кабинета, отъ скучныхъ дѣлъ и скучныхъ совѣтниковъ. А они точно и не замѣчали его нетерпѣнія, все говорили, говорили, говорили безъ конца. Наконецъ встали всѣ и съ низкими поклонами вышли изъ королевскаго кабинета.

Молодой король точно ожилъ душою.

— Гулять! Гулять! Въ поля! Въ лѣсъ! На волю!—запѣло и заликовало все внутри его.

Онъ затянулъ было свою пѣсенку, но тотчасъ вспомнилъ, что онъ теперь король и что королямъ не полагается пѣть веселыя пѣсенки, и замолкъ.

На порогѣ королевскаго кабинета появилась между тѣмъ блестящая свита молодого короля.

— Ваше величество, желаете гулять? Лошади уже готовы и ждутъ у подъѣзда.

И ближайшіе сановники, принявъ подъ руки Нарцисса, осторожно и бережно, какъ больного, свели его съ лѣстницы.

Нарциссъ былъ непріятно пораженъ, увидя у крыльца карету. Ему хотѣлось побѣгать по лѣсу и полямъ, а тутъ сиди въ закрытомъ ящикѣ и любуйся міромъ сквозь стеклянныя окна.

«Ну, по крайней мѣрѣ, хоть вдоволь насслажусь быстрой ѣздой!»—подумалъ король и... ошибся...

Лошади ѣхали шагомъ. Карета едва двигалась впередъ, такъ какъ народъ, желая полюбоваться своимъ королемъ, наполнялъ улицы, тѣснился вокругъ экипажа и не давалъ ходу каретѣ. Притомъ люди неистово кричали «ура», такъ что звонъ стоялъ въ ушахъ Нарцисса и онъ былъ радъ-радешенекъ, когда снова экипажъ остановился у дворцоваго подъѣзда, и свита бережно проводила его въ столовую, гдѣ уже было накрыто къ обѣду.

Обильныя, роскошныя яства покрывали столъ, но королевскій гофмейстеръ накладывалъ самыя маленькія порціи на тарелку короля. И Нарциссъ, при всемъ своемъ желаніи наѣсться вкусныхъ блюдъ до отвалу, остался почти голодный.

Сердитый и недовольный поднялся онъ изъ-за стола.

— Я хочу въ садъ!—рѣзко произнесъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— О, ваше величество, къ сожалѣнію, желаніе ваше невыполнимо,—съ самымъ изысканнымъ поклономъ произнесъ гофмейстеръ,— уже поздно и вы едва успѣете приготовиться къ балу, который назначенъ къ девяти часамъ.

Нарциссъ топнулъ ногою отъ гнѣва, но все-таки пошелъ одѣваться.

Цѣлый десятокъ слугъ засуетились снова вокругъ него. Его усадили передъ зеркаломъ. Явился парикмахеръ и сталъ въ пышныя кольца завивать красивые, вьющіеся волосы Нарцисса.

Потомъ его одѣли въ узкій костюмъ, весь шитый золотомъ и унизанный дорогими камнями. Съ непривычки носить подобныя одежды, Нарциссъ жался, подергивался и гримасничалъ. Къ тому же онъ усталъ. Ему было тѣсно и душно въ новомъ платьѣ. Потъ градомъ лился съ его лица.

Одѣванье, продлившееся добрые часа два, наконецъ, окончилось.

Подъ звуки музыки, окруженный блестящею свитой, король Нарциссъ прослѣдовалъ въ бальный, весь залитый огнями, залъ.

Когда онъ проходилъ по залѣ — всѣ низко ему кланялись, но никто не рѣшался заговорить съ нимъ, никто не осмѣливался подойти къ нему, такъ что Нарциссу, въ концѣ концовъ, стало скучно и онъ началъ уже зѣвать.

Замѣтивъ это, придворные подвели къ королю-мельнику высокую некрасивую дѣвушку и сказали, что это дочь могущественнаго сосѣдняго царя, и что королю слѣдовало бы открыть балъ съ нею.

Дама не понравилась Нарциссу. Она была черезчуръ высока ростомъ, полна и угловата. Но онъ все-таки прошелъ съ нею дважды по залу. Онъ хотѣлъ затѣмъ сдѣлать съ ней туръ вальса, но гофмейстеръ предупредительно шепнулъ ему на ухо, что королю не полагается плясать.

Едва гофмейстеръ удалился, какъ къ Нарциссу подошелъ ближайшій сановникъ и тихо сказалъ:

— Сегодняшній балъ самый подходящій для вашего величества, чтобы выбрать себѣ невѣсту. Всѣ дочери знатнѣйшихъ королей, герцоговъ и принцевъ собрались въ вашемъ дворцѣ. Остается только вамъ, государь, выбрать изъ нихъ, которую вы считаете достойной стать королевою.

Нарциссъ улыбнулся. Онъ не прочь былъ жениться на молоденькой, хорошенькой дѣвушкѣ. Быстрыми глазами онъ обѣжалъ знатный кругъ своихъ гостей, королевенъ, княженъ и герцогинь. Но, къ своему глубочайшему огорченію, не нашелъ ни одной, которая бы понравилась ему своей красотой.

Всѣ принцессы, герцогини и королевны были пышно одѣты въ нарядныя, туго зашнурованныя платья. Ихъ таліи казались тонкими, какъ у осъ и онѣ едва дышали въ своихъ узкихъ корсетахъ. Ихъ лица были густо нарумянены и набѣлены. Огромныя безобразныя прически не шли къ нимъ, отягощая головы и стягивая волосы у висковъ. Онѣ двигались неестественно въ своихъ тѣсныхъ, на высокихъ каблукахъ, ботинкахъ и казались Нарциссу заводными куклами на пружинахъ. И улыбались онѣ всѣ кукольной, дѣланной улыбкой, поджимая губки.

Вдругъ взоръ Нарцисса поразила одна дѣвушка, стоявшая одиноко въ сторонѣ отъ другихъ. На ней не было ни роскошнаго наряда, ни пышной прически, ни тѣсныхъ туфелекъ на высокихъ каблукахъ. Она была одѣта очень скромно. Но за то она была красивѣе всѣхъ другихъ.

Прелестная фигурка, румяное личико, бѣлыя руки, радостная, веселая улыбка, сіяющіе довольствомъ глазки дѣвушки, простое ситцевое платье, шелковый фартучекъ, изящная косынка, — все это въ одинъ мигъ очаровало короля.

Нарциссъ смотрѣлъ на дѣвушку и не могъ вдоволь насмотрѣться. Одинъ ея видъ уже заронилъ въ его сердцѣ горячую любовь.

— Вотъ моя невѣста!—произнесъ онъ радостно, и, миновавъ напудренныхъ, затянутыхъ красавицъ, подошелъ къ очаровательной простушкѣ и взялъ ее за руку.

Въ тотъ же мигъ громкій, насмѣшливый хохотъ огласилъ залу.

Ближайшій сановникъ со всѣхъ ногъ кинулся къ Нарциссу.

— Что вы, государь! Это простая служанка. Она присутствуетъ единственно для того здѣсь въ залѣ, чтобы слѣдить не порвался-ли нарядъ у кого-либо изъ этихъ важныхъ дамъ, королевенъ, герцогинь и княженъ. Развѣ можетъ простая служанка стать невѣстою короля!

И чуть-ли не силой отвелъ короля отъ красавицы-служанки.

Но Нарциссъ уже не слышалъ его словъ. Онъ ринулся изъ бальной залы сначала въ садъ, оттуда на улицу, въ поле, въ лѣсъ, въ самую чащу его.

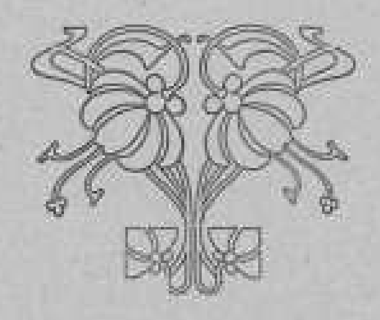
Здѣсь онъ упалъ на мягкую, сырую отъ росы траву и, не помня себя отъ горя, закричалъ:

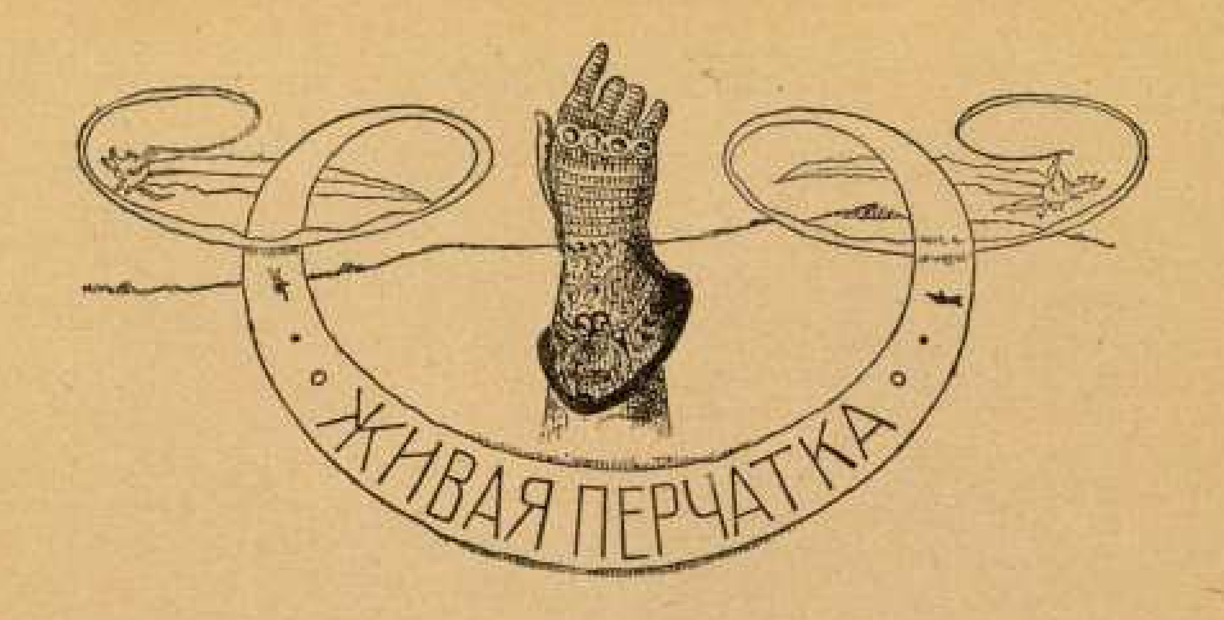
— Что за ужасъ, что за скука быть королемъ!.. Не только не смѣешь распорядиться своимъ временемъ, но и любить не смѣешь того, кого выбрало сердце!.. Все отдамъ я тому, кто превратитъ меня снова въ прежняго скромнаго мельника Нарцисса!

Сказалъ и—уснулъ мгновенно, потому что находившаяся побли-

зости Урсула, услышавъ его обѣщаніе, рѣшила снова вернуть ему его прежнюю долю...

На утро проснулся Нарциссъ и видитъ: передъ нимъ его милая мельница, гудятъ колеса, плещетъ вода звонкою, хрустально-синей струею... Радостный и счастливый вскочилъ онъ на ноги и запѣлъ, запѣлъ такъ, какъ никогда еще не пѣвалъ мельникъ Нарциссъ во всю свою жизнь!..

I.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь, свирѣпый и жестокій. До того свирѣпый, что всѣ боялись его,—всѣ и свои и чужіе. Когда онъ появлялся на конѣ среди улицы или на городской площади, народъ разбѣгался въ разныя стороны, улицы и площади пустѣли. И было чего бояться рыцаря народу! Стоило кому-либо въ недобрый часъ попасться на его дорогѣ, перейти ему нечаянно путь, и въ одно мгновеніе ока свирѣпый рыцарь затаптывалъ на смерть несчастнаго копытами своего коня или пронзалъ его насквозь своимъ тяжелымъ, острымъ мечомъ.

Высокій, худой, съ очами, выбрасывавшими пламя, съ угрюмо сдвинутыми бровями и лицомъ, искривленнымъ отъ гнѣва,—онъ наводилъ ужасъ на всѣхъ. Въ минуты гнѣва онъ не зналъ пощады, становился страшнымъ и выдумывалъ самыя лютыя кары и для тѣхъ, кто являлся причиною его гнѣва, и для тѣхъ, кто случайно попадался ему въ это время на глаза. Но жаловаться королю на свирѣпаго рыцаря было безполезно: король дорожилъ своимъ свирѣпымъ рыцаремъ за то, что тотъ былъ искуснымъ полководцемъ, не разъ во главѣ королевскихъ войскъ одерживалъ побѣды надъ врагами и покорилъ много земель. Потому-то король высоко цѣнилъ свирѣпаго рыцаря и спускалъ ему то, чего бы не спустилъ никому другому. А другіе рыцари и воины, хотя и не любили свирѣпаго рыцаря, но цѣнили въ немъ храбрость, умъ и преданность королю и странѣ...

II.

Бой близился къ концу.

Свирѣпый рыцарь, закованный въ золотую броню, скакалъ верхомъ между рядами войскъ, воодушевляя своихъ усталыхъ и измученныхъ воиновъ.

Въ этотъ разъ бой былъ очень тяжелый и трудный. Третьи сутки дрались воины подъ начальствомъ свирѣпаго рыцаря, но побѣда не давалась имъ. У враговъ, напавшихъ на королевскія земли, было больше войска. Еще минута—двѣ и врагъ несомнѣнно одолѣлъ бы и ворвался бы прямо въ королевскій замокъ.

Напрасно свирѣпый рыцарь появлялся то тутъ, то тамъ на полѣ брани и то угрозами, то мольбами старался заставить своихъ воиновъ собрать послѣднія силы, чтобы прогнать враговъ.

Вдругъ конь рыцаря шарахнулся въ сторону, замѣтивъ на землѣ желѣзную перчатку, такую, какую носили въ то время почти всѣ рыцари. Свирѣпый рыцарь далъ шпоры коню, желая заставить его перепрыгнуть черезъ перчатку, но—лошадь ни съ мѣста. Тогда рыцарь велѣлъ юношѣ-оруженосцу поднять перчатку и подать ее себѣ. Но едва только рыцарь дотронулся до нея—перчатка, точно живая, выскочила изъ его руки и опять упала на землю.

Рыцарь велѣлъ опять ее подать себѣ—и опять повторилось то же самое. Мало того: упавъ на землю, желѣзная перчатка зашевелилась, какъ живая рука; пальцы ея судорожно задвигались и снова разжались. Рыцарь приказалъ снова поднять ее съ земли и въ этотъ разъ крѣпко зажавъ ее въ рукѣ, помчался въ передніе ряды своихъ войскъ, потрясая въ воздухѣ перчаткою. И каждый разъ, когда онъ поднималъ высоко перчатку, пальцы перчатки то сжимались, то снова разжимались, и въ ту же минуту, точно по сигналу, войска кидались на врага съ новою силою. И гдѣ ни появлялся рыцарь со своею перчаткою—усталые и измученные его воины точно оживали и съ удвоенною силою бросались на врага. Прошло всего нѣсколько минутъ и враги бѣжали, а вѣстники свирѣпаго рыцаря стали трубить побѣду...

Гордый и торжествующій объѣзжалъ теперь рыцарь ряды своихъ усталыхъ, измученныхъ бойцовъ, спрашивая, кому принадлежитъ странная перчатка,—но никто не видалъ до тѣхъ поръ такой перчатки, никто не зналъ, откуда она взялась...

III.

Во что бы то ни стало рѣшилъ свирѣпый рыцарь узнать, кому принадлежитъ странная перчатка и сталъ объѣзжать всѣ города, всѣ села и деревни, и потрясая въ воздухѣ своею находкою, спрашивалъ чья это перчатка. Нигдѣ не отыскивался хозяинъ живой перчатки.

Въ одномъ городѣ попался свирѣпому рыцарю навстрѣчу маленькій мальчикъ и сказалъ:

— Я слышалъ отъ дѣда, что въ лѣсу живетъ старая Маабъ... Она знаетъ всѣ тайны міра и навѣрное сумѣетъ открыть тебѣ значеніе живой перчатки, рыцарь.

— Ѣдемъ къ ней!—былъ суровый приказъ и, пришпоривъ коня, свирѣпый рыцарь помчался къ лѣсу... Покорная свита помчалась за нимъ.

Старуха Маабъ жила въ самой чащѣ глухого, темнаго лѣса. Она едва двигалась отъ дряхлости. Когда она увидала перчатку, то глаза у нея загорѣлись, словно яркіе факелы въ ночной темнотѣ и она вся побагровѣла отъ восторга.

— Огромное счастье досталось тебѣ въ руки, благородный рыцарь,—глухимъ голосомъ произнесла она.—Далеко не всѣмъ людямъ попадается подобное сокровище! Эта живая перчатка—перчатка побѣды... Судьба нарочно бросила ее на твоемъ пути... Стоитъ тебѣ только одѣть ее на руку и побѣда останется всегда за тобою!

Свирѣпый рыцарь просіялъ отъ счастья, надѣлъ на руку перчатку, щедро наградилъ золотомъ Маабъ и умчался изъ дремучаго лѣса въ королевскую столицу.

IV.

Прошла недѣля.

Неслышно ничего про обычныя жестокія продѣлки рыцаря, не слышно, чтобы онъ, въ припадкѣ гнѣва, кого-либо подвергъ казни, не слышно, чтобы онъ обидѣлъ кого-либо.

Еще такъ недавно лилась кровь вокругъ свирѣпаго рыцаря рѣкою, слышались стоны, раздавался плачъ.

Онъ спрашивалъ всѣхъ, кому принадлежитъ перчатка.

Къ пьесѣ «ЖИВАЯ ПЕРЧАТКА».

А теперь?

Правда, недѣлю тому назадъ попробовалъ было рыцарь ударить мечомъ кого-то изъ прохожихъ. Но неожиданно рука его, судорожно сжатая живыми пальцами перчатки, опустилась, и тяжелый мечъ со звономъ упалъ на землю.

Хотѣлъ рыцарь сбросить съ руки докучную перчатку, да вспомнилъ во-время, что дастъ она ему побѣду и удержался.

Другой разъ хотѣлъ рыцарь направить своего коня на окружавшую его толпу людей, и снова до боли сжали его руку живые пальцы перчатки и онъ не могъ двинуть ими для управленія конемъ.

Съ этой самой минуты понялъ рыцарь, что идти на-перекоръ живой перчаткѣ безполезно, что она, эта перчатка, удерживаетъ его отъ самыхъ жестокихъ поступковъ. И пересталъ онъ извлекать мечъ изъ ноженъ для гибели неповинныхъ людей.

И люди не боялись теперь выходить изъ домовъ на улицу въ то время, когда проѣзжалъ по нимъ свирѣпый рыцарь...

Они безъ страха появлялись теперь на его пути и славили рыцаря за его побѣды надъ врагами.

V.

Снова загорѣлась война...

Уже давно дальній сосѣдъ короля, властелинъ богатой страны, прельщалъ взоры рыцаря.

И онъ говорилъ своему королю:

— Гляди! Твой дальній сосѣдъ богаче тебя и хотя ты поклялся ему въ вѣчной дружбѣ и мирѣ, но если ты побѣдишь его и присвоишь себѣ его владѣнія, то станешь самымъ могучимъ и богатымъ въ мірѣ королемъ.

Король послушался словъ своего любимца.

«Правъ рыцарь, — думалъ король, — завоюю страну моего сосѣда и разбогатѣю отъ его богатства!»

И приказалъ трубить новый походъ...

VI.

Сошлись два войска на полѣ брани...

Дружины рыцаря встрѣтились съ дружинами дальняго короля. Рыцарь былъ вполнѣ спокоенъ и заранѣе увѣренъ въ исходѣ боя.

Онъ зналъ: перчатка побѣды была на его рукѣ...

Солнце всходило и заходило снова... Мѣсяцъ сіялъ и меркъ и снова сіялъ. Птицы пѣли, стихали и снова пѣли... а люди все бились и бились безъ конца.

Долгая то была битва...

Долгая и упорная, какъ никогда.

Свирѣпый рыцарь стоялъ въ сторонѣ, распоряжаясь боемъ, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ своихъ дружинъ.

Вдругъ невиданное зрѣлище поразило его взоры: враги побѣждали, а его воины ударились въ бѣгство...

Взбѣшенный, онъ самъ кинулся въ бой... И... принужденъ былъ отступить... Враги окружили его со всѣхъ сторонъ...

Не помня себя, онъ далъ шпоры коню и погналъ его съ поля битвы.

Прискакалъ въ столицу, весь обрызганный кровью, рыцарь и упалъ къ ногамъ короля.

— Не вини меня, король!—вскричалъ онъ.—Не я, а старуха Маабъ виновница гибели твоего войска... Она обманула меня, заставивъ надѣть на руку перчатку гибели и пораженія. Вели казнить ее, король, казнить жестокою, страшною смертью, какую только можно придумать!

VII.

Съ первыми лучами солнца весь городъ высыпалъ на площадь... Въ этотъ ранній утренній часъ рѣшена была казнь старухи Маабъ, привезенной еще наканунѣ изъ лѣса. Рѣшено было сжечь Маабъ на кострѣ, чтобы впредь не морочила людей, не выдавала перчатку гибели за перчатку побѣды.

Привезли на площадь Маабъ, сняли съ колесницы, ввели на возвышеніе, гдѣ лежали сложенныя для костра дрова...

Поставили на нихъ Маабъ и привязали веревками къ столбу.

Передъ самымъ столбомъ стоялъ свирѣпый рыцарь и кричалъ со злымъ смѣхомъ въ самое лицо Маабъ:

— Ты обманула меня, Маабъ! За это умрешь лютою смертью! И знакъ къ казни я дамъ тою самою перчаткою, которая мнѣ по твоимъ словамъ, должна была доставить, побѣду...

Съ этими словами онъ поднялъ руку, чтобы дать знакъ палачамъ

зажигать костеръ, и вскрикнулъ въ испугѣ. Рука не двигалась... Точно налитая свинцомъ, она безжизненно повисла вдоль тѣла. Тогда онъ открылъ ротъ, желая отдать приказаніе начинать казнь, но въ тотъ же мигъ живая перчатка поднялась вмѣстѣ съ рукою и, тѣсно прижавшись къ его рту, чуть не задушила его.

Обезумѣвъ отъ ужаса, рыцарь вскричалъ:

— Спаси меня, Маабъ! Спаси!

Маабъ медленно сошла съ костра, безъ всякаго усилія перервавъ веревки и, приблизившись къ рыцарю, произнесла:

— Я не солгала тебѣ... Живая перчатка воистину перчатка побѣды. Въ каждомъ правомъ дѣлѣ она дастъ тебѣ побѣду всюду и вездѣ. И въ послѣдней неудачной битвѣ дала бы она тебѣ побѣду, если-бы ты не шелъ на сосѣдняго короля съ корыстолюбивыми цѣлями овладѣть его богатствомъ, а защищая своего короля, свою родину, свою честь. И тогда бы ты не потерпѣлъ пораженія, сознавая себя правымъ и въ честномъ дѣлѣ. Знай же, что живая перчатка будетъ служить тебѣ только во всѣхъ добрыхъ и честныхъ дѣлахъ! Вѣдь удержала она тебя въ тѣ минуты, когда ты хотѣлъ пролить кровь невинныхъ людей! Дала тебѣ побѣду надъ самимъ собою! Дала побѣду и тогда, когда на твою страну напали злые враги!.. Такъ будетъ съ нею и впредь!..

И, сказавъ это, исчезла, какъ тѣнь, растаявъ въ воздухѣ, Маабъ...

* * *

Предсказаніе Маабъ сбылось.

Живая перчатка помогала рыцарю во всѣхъ его правыхъ дѣлахъ, давая ему побѣду, и удерживала его всякій разъ, когда онъ начиналъ какую-либо скверную, несправедливую затѣю...

И весь народъ прославилъ его имя, и вмѣсто свирѣпаго рыцаря люди прозвали его рыцаремъ правымъ и благороднымъ.

НА высокой горѣ, среди снѣжныхъ облаковъ, среди синяго неба, построенъ заповѣдный чертогъ... Амброй и розами благоухаетъ онъ еще издалека... Въ золотыхъ курильницахъ тихо мерцаетъ голубое пламя, распространяя нѣжный ароматъ... Синимъ дымкомъ уходитъ онъ въ золотой куполъ... А кругомъ, на полу, на стѣнахъ, на потолкѣ, все розы, розы, розы... Цѣлый лѣсъ розъ, цѣлое море розъ...

Въ розовомъ чертогѣ живетъ Красота,—прекраснѣе розъ, прекраснѣе заповѣднаго чертога, прекраснѣе цѣлаго міра... Пять сестрицъ-златокудрыхъ невольницъ охраняютъ каждый шагъ своей царицы... Глядятъ ей, не отрываясь, въ очи, глядятъ и поютъ...

Красота слушаетъ цѣлыми днями пѣніе невольницъ, любуется, какъ завиваютъ онѣ вѣнки изъ душистыхъ розъ, гуляетъ по мраморнымъ плитамъ своего чертога и—скучаетъ...

Скучаетъ Красота...

Наскучили Красотѣ и амбра, и розы, и пѣніе златокудрыхъ подругъ. Хочется ей проникнуть за заповѣдныя стѣны, узнать, что дѣлается за ея чертогомъ, внизу, въ долинѣ... Вѣдь поютъ же златокудрыя невольницы о томъ, что есть люди на свѣтѣ, есть птицы и звѣри, а кто и какіе они и какъ выглядятъ, не знаетъ Красота...

Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть, хоть бы на мгновеніе выпорхнуть изъ заповѣднаго чертога и безъ докучной свиты взглянуть на міръ! А златокудрыя невольницы какъ нарочно поютъ о яркомъ солнцѣ, о дивномъ мірѣ, о людскихъ праздникахъ и о веселыхъ людяхъ, которые день и ночь мечтаютъ увидѣть ее, Красоту.

«Если мечтаютъ, зачѣмъ ей не показать имъ себя, бѣднымъ людямъ»?—подумала какъ-то Красота и высказала свою мысль подругамъ.

Тѣ заохали, застонали, чуть-ли не разлились въ потокахъ слезъ.

— Что ты, что ты, царица, опомнись! Развѣ можно показываться людямъ! Да вѣдь они и воспѣваютъ и славятъ тебя оттого только, что не видятъ тебя и лишь догадываются о твоемъ существованіи. И, несмотря на всѣ достоинства, которыми ты плѣняешь міръ, люди считаютъ тебя въ своемъ воображеніи красивѣе и могущественнѣе, нежели ты есть на самомъ дѣлѣ. А разъ ты покажешься имъ, предстанешь предъ ихъ глазами, они перестанутъ боготворить тебя, начнутъ искать въ тебѣ разные недостатки, не будутъ уже признавать такой прелестной, очаровательной, перестанутъ восторгаться тобою... Таковы уже люди! Они любятъ все далекое, неизвѣданное, а разъ это далекое, неизвѣданное приближается къ нимъ, они, неблагодарные, и знать его не хотятъ!

Засмѣялась Красота...

Какъ можно не восторгаться ею? Какъ можно пренебречь ею—красавицей вселенной? Какъ можно не любоваться ею — первою и единственною въ мірѣ обладательницею всѣхъ прелестей?..

Взглянула въ зеркало царица и зеркало отразило ея лицо, бѣлое, какъ снѣгъ, отразило алыя щечки—два лепестка розы, синіе глазки—двѣ лучистыя звѣзды, золотые кудри — снопъ солнечныхъ лучей, пурпуровый ротикъ — цвѣтокъ мака... Такъ воспѣвали невольницы красоту царицы и такою увидѣла себя она сама въ отраженіи зеркала...

И вдругъ задорное желаніе пробудилось въ головѣ прекрасной царицы—пойти къ людямъ и сказать имъ:

— Смотрите на меня. Я краше всего міра. Я—Красота. Любуйтесь мною и поклоняйтесь мнѣ. И сознайтесь, что вблизи я еще лучше, нежели издали. Я—Красота и не даромъ ношу это имя.

Въ тотъ вечеръ царица была печальна и задумчива, какою никогда еще не видѣли ее ея златокудрыя рабыни.

Ложась на свое ложе передъ сномъ, вся увитая розами и окуренная амброй, Красота долго вертѣла драгоцѣнный перстень въ рукахъ. У этого перстня была чудодѣйственная сила. Его волшебница Истина дала при рожденіи Красотѣ. Стоило только приложить къ губамъ драгоцѣнный перстень и всѣ преграды должны были рушиться на пути Красоты, но не ранѣе какъ на семнадцатомъ году жизни прекрасной царицы... Сегодня какъ разъ былъ канунъ рожденія царицы и перстень Истины могъ получить силу въ ея рукахъ.

Объ этомъ и вспомнила, ложась спать, Красота.

Сегодня въ ночь перстень Истины долженъ сослужить ей службу.

И притворилась спящей Красота, чтобы обмануть своихъ златокудрыхъ невольницъ.

— Уснула Красота!—прошептали тѣ, увидавъ закрытые глаза своей царицы, и разбрелись по своимъ ложамъ.

А Красотѣ только того и надо...

Вскочила, оглядѣлась и приложила перстень Истины къ губамъ...

Въ тотъ-же мигъ раздвинулась тяжелая стѣна заповѣднаго чертога, образуя узкій проходъ, ведущій прямо въ лѣсъ... Идетъ по лѣсу Красота и видитъ: виситъ какой-то странный фонарь между двухъ сосенъ, а чѣмъ прикрѣпленъ—не видно. Льется на дорогу молочный свѣтъ и дрожитъ и мерцаетъ. Свѣтъ есть, а толку отъ него мало. Почти ничего не видно на пути.

— Вотъ гадкій фонарь! — разсердилась Красота и даже ножкой топнула отъ гнѣва—плохо же ты свѣтишь Красотѣ!

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся фонарь.—Я не фонарь, а мѣсяцъ— Плоха же ты, Красота, если не можешь свѣтить сама себѣ... Видно, лучи твои померкли и ты потемнѣла... Вѣдь Красота должна бы свѣтить не хуже меня и моего старшаго братца—солнца.

Обидѣлась Красота.

— Невѣжа!—крикнула она и поспѣшила скрыться отъ насмѣшекъ мѣсяца въ самую чащу лѣса.

Идетъ дальше Красота...

Идетъ и видитъ—огромный бурый медвѣдь сидитъ на порогѣ берлоги и реветъ во все горло.

Такъ какъ Красота не имѣла понятія о животныхъ въ своемъ заповѣдномъ чертогѣ, то и приняла медвѣдя за человѣка.

— О чемъ ты горюешь, бѣдный человѣкъ?—проговорила она и,

Пять невольницъ охраняютъ каждый шагъ царицы...

Къ «Сказкѣ о Красотѣ».

приблизившись къ медвѣдю, положила ему на голову свою прелестную ручку.

Медвѣдь покосился на ручку Красоты и заревѣлъ снова, но уже значительно тише.

— Я не человѣкъ, а звѣрь... и голоденъ, какъ никто изъ звѣрей не голоденъ въ эту ночь. Наконецъ то ты пришла... Съ твоимъ появленіемъ я вѣдь могу разсчитывать на отличный ужинъ.

— Ахъ, я не умѣю, къ сожалѣнію, готовить, и врядъ-ли сумѣю тебѣ состряпать ужинъ,—какъ бы извиняясь, робко произнесла Красота.

— Го-го-го-го!—расхохотался медвѣдь во все горло.—Да мнѣ и не надо готовить, я вѣдь не человѣкъ, а медвѣдь. Ужинъ теперь у меня, съ твоимъ появленіемъ, готовъ: я просто съѣмъ тебя на ужинъ и буду сытъ, по крайней мѣрѣ, на цѣлую недѣлю.

— Послушай,—пробовала возразить Красота,—ты, вѣроятно, не знаешь, кто я. Я—Красота...

— Никакой я Красоты не признаю,—угрюмо произнесъ медвѣдь.—Мнѣ все равно, кто ты, лишь бы я могъ утолить мой голодъ...

И медвѣдь уже готовился броситься на Красоту.

Дико вскрикнула Красота и шарахнулась въ сторону.

Къ счастью, она обладала быстрыми ногами и могла убѣжать отъ медвѣдя.

Вся помертвѣвшая отъ ужаса она теперь шептала:

— Къ людямъ! Къ людямъ! Къ людямъ! Они оцѣнятъ и поймутъ меня.. Что дикому звѣрю и глупому мѣсяцу въ моей красотѣ?... Пойду къ людямъ и буду у нихъ царицей.

И еще быстрѣе, еще стремительнѣе побѣжала впередъ.

Лѣсъ порѣдѣлъ... Ночь миновала... Голубовато-молочный мѣсяцъ скрылся куда то, а на его мѣстѣ занялся огромный, ярко-сіяющій шаръ.

Теперь уже Красота знала, что за шаръ это... О солнцѣ она слышала очень много изъ пѣсенъ своихъ невольницъ-подругъ... Она знала, что солнце ея соперникъ по красотѣ и не замедлила сказать ему это.

Но солнце не удостоило ее даже отвѣтомъ. Оно только засіяло такъ ярко, что у бѣдной царицы зарябило въ глазахъ. Она прибавила ходу, чтобы укрыться подъ навѣсомъ хижины, построенной среди поля.

Изъ хижины вышелъ человѣкъ, его жена и двое дѣтей.

— Кто ты?—удивленно вскричали всѣ четверо при видѣ приблизившейся къ нимъ Красоты.

— Я—Красота! Я пришла къ вамъ въ долину, чтобы дать вамъ возможность любоваться собою,—гордо отвѣчала царица заповѣднаго чертога и встала, какъ статуя, неподвижно передъ людьми.

— Эге, — произнесъ человѣкъ, хозяинъ убогой хижины, — это, вѣрно, новая работница, которую намъ прислалъ кумъ Петръ изъ сосѣдней деревни. Очень кстати пришла ты, — произнесъ онъ, весело обращаясь къ Красотѣ, — у насъ теперь много работы — намъ нужна усердная, сильная и здоровая работница. Оставайся у насъ и сейчасъ-же принимайся за работу: пойди-ка въ лѣсъ да накоси травы для нашей Буренки. А то женѣ некогда заниматься этимъ. Она идетъ въ поле жать рожь.

Едва дослушавъ послѣднія слова человѣка, Красота вспыхнула отъ гнѣва и затопала ногами.

— Прочь отъ меня!—вскричала она сердито,—или вы не знаете, что не для работы и грязнаго труда создана Красота, а для того, что бы вы, глупые, жалкіе люди, любовались мною?!

И она пошла прочь отъ хижины человѣка, который смотрѣлъ ей вслѣдъ широко раскрытыми, изумленными глазами.

— Вотъ чудная-то дѣвушка, — сказалъ человѣкъ, обращаясь къ женѣ,—очень она нужна намъ, когда ничего не хочетъ и не умѣетъ дѣлать! Хорошо, что убирается отъ насъ по-добру, по-здорову. Лѣнтяевъ я не люблю.

Красота не слышала этихъ словъ. Она была уже далеко. Она спустилась теперь еще ниже съ горы, въ шумную долину, посреди которой высились громадой городскія постройки.

Это былъ роскошный городъ, повидимому, столица.

— Тамъ живутъ богатые люди,—произнесла, приближаясь къ городскимъ воротамъ, Красота.—А богатые люди сумѣютъ лучше оцѣнить меня, нежели бѣдняки, которые слишкомъ удручены заботами и нуждою... Имъ не до Красоты... Пойду къ богатымъ.

И она вошла въ ворота.

На городской площади стоялъ огромный домъ, ярко освѣщенный тысячами огней. Всѣ знатнѣйшія семьи города собрались сюда на праздникъ. Но такъ какъ на слишкомъ многочисленныхъ и шумныхъ сборищахъ всегда бываетъ скучно и люди на нихъ веселятся точно по обязанности, то гости скучали и здѣсь.

Танцовали нехотя. Разговаривали вяло. И поэтому страшно об-

радовались всѣ, замѣтя появленіе Красоты. Ей не надо было называть себя. Всѣ ее сразу узнали. Всѣ слышали о ней и восторгались ею съ давнихъ поръ, съ самаго начала существованія міра. Съ шумными криками восторга проводили ее на лучшее мѣсто, окружили ее и стали ей кланяться, какъ царицѣ...

И всѣ любовались ею, и мужчины и женщины, и старые и молодые, всѣ, славя Красоту... Красота торжествовала...

«Давно бы такъ!—думала она. — И какъ мнѣ раньше не пришло въ голову вырваться къ этимъ милымъ, благодарнымъ людямъ изъ моего заповѣднаго чертога!»

Но вотъ прошелъ часъ, другой, третій. Все прискучиваетъ на свѣтѣ... Прискучила и Красота... Людямъ надоѣло созерцать ее, неподвижную, однообразную, словно застывшую въ своей великолѣпной позѣ, какъ мраморное изваяніе на тронѣ. И вотъ, сначала робко, потомъ все настойчивѣе и смѣлѣе зазвучали голоса:

— Спой намъ что-нибудь, Красота! Ты такъ прекрасна сама, что все, что ни сдѣлаешь, должно быть тоже прекрасно.

— Или сыграй лучше! Твои пальцы, тонкіе и длинные, точно созданы для струнъ.

— Или разскажи намъ сказку, чудесную и волшебную... Подъ твоими золотыми кудрями долженъ таиться мозгъ поэта! Ты должна умѣть сочинять сказки и стихи.

— Нѣтъ, нѣтъ! Изобрази лучше всѣхъ насъ и себя на полотнѣ въ видѣ дивной картины. Вѣдь ты, навѣрное, владѣешь кистью.

— Нѣтъ, лучше сойди съ твоего трона и станцуй намъ... Ты, безъ сомнѣнія, умѣешь очаровательно танцовать...

Но Красота не двигалась съ мѣста... Она не умѣла ни пѣть, ни играть, ни сочинять сказки и стихи, ни писать картины, ни даже... плясать... Она ничего не умѣла...

Ей стало горько и стыдно, потому что она была очень горда... и чѣмъ настойчивѣе звучали просьбы окружающихъ, тѣмъ блѣднѣе и блѣднѣе становилось ея прекрасное лицо...

— Что же это за Красота, которая ни въ чемъ проявить себя не умѣетъ!—крикнулъ чей-то дерзкій голосъ въ толпѣ.

— Не надо, не надо намъ такой Красоты, — подхватили другіе голоса.

Вся блѣдная, какъ смерть, Красота сошла съ трона и покинула залъ...

На порогѣ дворца она сняла съ пальца драгоцѣнный перстень и,

приложивъ его къ устамъ, пожелала громко очутиться снова въ своемъ заповѣдномъ чертогѣ...

Въ одинъ мигъ Красота была перенесена туда на невидимыхъ крыльяхъ...

Ее встрѣтили златокудрыя рабыни и сама волшебница-Истина на порогѣ ея жилища.

Красота упала на колѣни передъ доброй волшебницей и вскричала, рыдая навзрыдъ:

— Возьми, возьми мою красоту и надѣли меня другимъ даромъ привлекать людей къ себѣ... Сдѣлай меня нужной и полезной, надѣли меня умѣніемъ работать, трудиться, привлекать людей знаніями и способностями... Сдѣлай меня нужной и полезной всему міру.. Я убѣдилась, что одной красоты мало, чтобы заслужить на долгое время привязанность людей... Вмѣсто всякихъ другихъ достоинствъ—надѣли меня талантами...

Улыбнулась добрая волшебница... Взмахнула волшебнымъ жезломъ и въ одинъ мигъ окружающія Красоту рабыни почувствовали у себя въ рукахъ кто перо, кто кисть, кто арфу, кто ноты, кто гирлянду цвѣтовъ, необходимую для танца... И полились дивные звуки вокругъ Красоты... Это пѣли, играли и плясали ея рабыни. Встали передъ нею дивные образы, одни написанные въ книгѣ перомъ, другіе нарисованные на полотнѣ въ видѣ картины... Каждая изъ рабынь обладала теперь какимъ-нибудь искусствомъ.

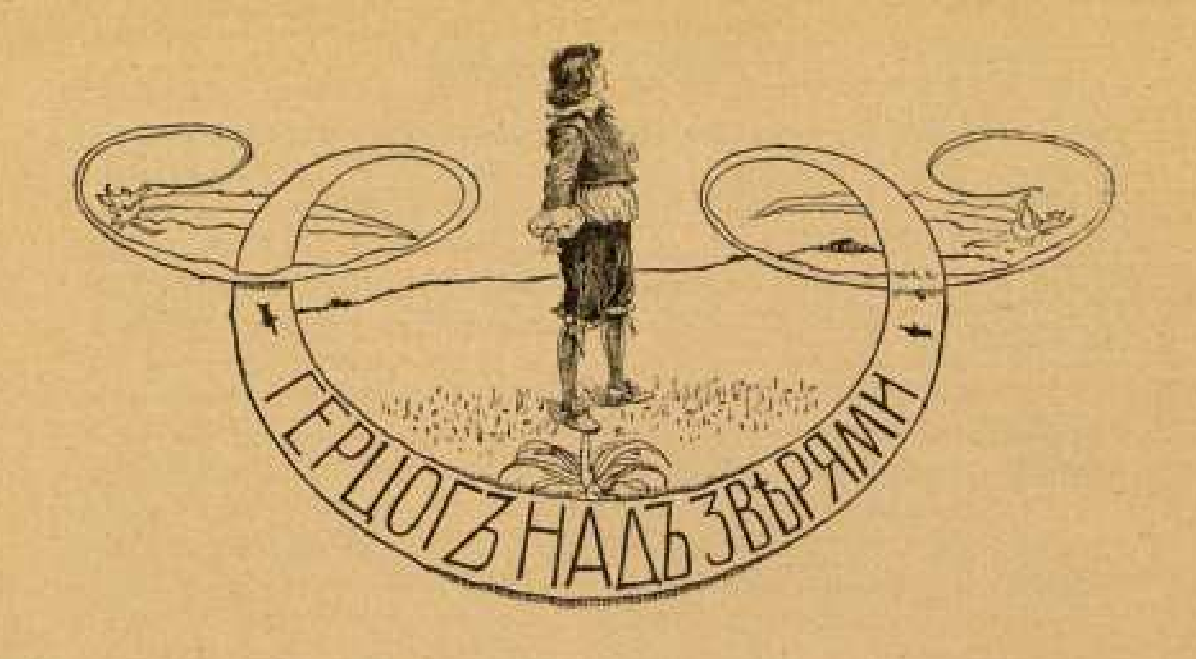
— А мнѣ? А мнѣ? Что оставила ты мнѣ, Истина?—въ отчаяніи прошептала сквозь слезы зависти Красота.—Ты раздала всѣ таланты моимъ рабынямъ.

— Тебѣ я оставляю самое большое: власть распоряжаться твоими рабынями, вдохновлять ихъ. Это все, чѣмъ я могу надѣлить тебя,—отвѣчала фея.—Ты—Красота. Ты могучая, властная сила—и только ты одна должна вдохновить твоихъ покорныхъ рабынь искуства. Безъ тебя—онѣ ничто... Твоя рука должна водить ими... Ты будешь давать имъ мысли и изящество... А я раздвину стѣны твоего чертога: пусть люди входятъ сюда усталые, измученные жизнью и борьбой, а ты съ своими искуствами будешь давать имъ сладкія минуты радости и забвенья...

И, сказавъ это, Истина исчезла безъ слѣда... А Красота и ея златокудрыя рабыни остались въ заповѣдномъ чертогѣ, чудно преобразившемся въ одинъ мигъ отъ звуковъ пѣнія и музыки. И люди

шли теперь въ этотъ чертогъ толпами, счастливые, радостные, умиленные, благословляя Красоту, умѣвшую давать такое счастье... И они не требовали больше отъ нея, чтобы она сама пѣла, играла, сочиняла стихи, танцовала. Они знали, что Красота—царица и что по ея повелѣніямъ, по ея вдохновенію, по ея указаніямъ, играютъ, танцуютъ ея рабыни... А сама она, незримая, управляетъ каждымъ шагомъ своихъ рабынь...

И Красота торжествовала...

ДОБРЪ и ласковъ былъ герцогъ Альбертъ и хорошо, справедливо правилъ государствомъ. Подданные горячо любили своего повелителя и супругу его, герцогиню, но не могли любить, даже ненавидѣли всей душою сына ихъ, молодого герцога Ролана. Да и было за что ненавидѣть его. Злая, жестокая душа была у молодого герцога, злое, жестокое сердце. Всѣ подданные съ ужасомъ смотрѣли на будущаго своего повелителя. Сынъ и наслѣдникъ герцога внушалъ всѣмъ страхъ. Ему было только десять лѣтъ, а онъ уже успѣлъ всюду проявить свой жестокій нравъ и дурной характеръ. Говорили люди, что будто маленькій Роланъ находится въ дружбѣ съ злымъ колдуномъ Чуромъ. Говорили, что оттого и золъ, и жестокъ съ окружающими Роланъ, что колдунъ Чуръ внушаетъ много злобы его молодому сердцу.

Но вотъ горе-несчастье случилось въ герцогской семьѣ. Умерла герцогиня.

Горько плакалъ король, горько плакалъ народъ. Не плакалъ одинъ маленькій Роланъ. Не принесла ему особаго горя кончина матери, не любилъ онъ ея, какъ никого не любилъ маленькій, злой и жестокій Роланъ-герцогъ.

А время все шло, да бѣжало впередъ. И становился съ годами все круче и злѣе, все жестче и безжалостнѣе герцогъ Роланъ. Отецъ съ ужасомъ думалъ о томъ, какой изъ него выйдетъ правитель для государства.

И все печальнѣе и тоскливѣе становилось на душѣ герцога отъ злыхъ поступковъ Ролана, все тяжелѣе и тяжелѣе становилось герцогу съ такимъ сыномъ. Невольно сталъ подумывать все чаще и чаще герцогъ, что хорошо было бы ему найти утѣшенie, женившись вторично, чтобы было съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ, посовѣтоваться, пожаловаться, погоревать на судьбу, давшую ему такого сына.

Подумалъ, подумалъ герцогъ и женился. Хороша, какъ Божiй день, была молодая герцогиня, свѣтла и радостна, какъ солнце, а въ добротѣ и кротости не уступала своей умершей предшественницѣ.

Зажилъ герцогъ съ женою душа въ душу... Черезъ годъ родился у герцогской четы прелестный мальчикъ съ голубыми глазами. Герцогъ далъ ему имя Лео.

Не нарадовались на крошку-дитя отецъ съ матерью; не нарадовалась на него свита, не нарадовался и весь народъ.

Одинъ герцогъ Роланъ не взлюбилъ брата. Съ перваго же дня появленiя его въ мiръ возненавидѣлъ всею ненавистью, всею злобою, какая имѣлась у него въ сердцѣ.

Сталъ подростать мальчикъ Лео: сталъ хорошѣть не по днямъ, а по часамъ. Къ десяти годамъ выросъ и обратился въ такого красавчика, что смотрѣть на него нельзя было безъ восторга. А ужъ о кротости и добротѣ Лео и говорить нечего голубь: не мальчикъ, золотое сердце у него.

— Вотъ бы намъ такого герцога, вмѣсто злого Ролана, — сталъ поговаривать народъ.

А Роланъ тутъ какъ тутъ. Услыхалъ такiя рѣчи—свѣта не взвидѣлъ.

— Изведу, уничтожу негоднаго мальчишку, — рѣшилъ онъ въ гнѣвѣ и тотчасъ же сталъ обдумывать какъ, бы погубить маленькаго Лео съ голубыми глазами.

* * *

Гремѣлъ громъ, сверкала молнiя, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Старый герцогъ былъ на охотѣ и всѣ безпокоились о немъ во дворцѣ. Лео сидѣлъ у пылающаго камина и думалъ о томъ, гдѣ теперь отецъ, котораго онъ нѣжно любилъ.

И вдругъ въ его комнату вбѣжалъ Роланъ.

— Собирайся въ путь дорогу, Лео!—вскричалъ онъ,—съ отцомъ случилось несчастье! Въ него ударила молнiя и онъ лежитъ весь опаленный въ лѣсу. Спѣшимъ же къ нему, пока не поздно!

Горькими слезами облился Лео и поспѣшно, насколько могъ, отправился за братомъ.

Пришли они въ лѣсъ, глухой и непроходимый, дремучій и темный, темный, зги не видать.

— Гдѣ же отецъ?—рыдая, спросилъ старшаго брата Лео.

А Роланъ какъ захохочетъ:

— Ахъ, ты, простофиля! Простофиля ты, Лео, съ голубыми глазами! Повѣрилъ ты моей сказкѣ... Да знаешь ли ты, что отецъ охотится не въ этомъ лѣсу!.. Здѣсь живетъ злой колдунъ Чуръ, мой добрый пріятель. Къ нему то и привелъ я тебя на ужинъ, глупый мальчишка Лео!

Горько заплакалъ маленькій Лео, задрожалъ отъ страха. А Роланъ такъ и заливается злораднымъ смѣхомъ, который еще больше пугалъ бѣднаго Лео.

— Вотъ, постой, сейчасъ явится Чуръ и съѣстъ тебя,—и съ этими словами исчезъ онъ, точно провалился сквозь землю.

Остался Лео одинъ въ густомъ, дремучемъ лѣсу. Стоитъ и плачетъ. Плачетъ и думаетъ: «За что меня Роланъ ненавидитъ?... Что я дурного сдѣлалъ ему? Почему онъ погубить меня вздумалъ?»

А вокругъ него все глуше и глуше, все темнѣе и темнѣе становится ночь... Даже грома не слышно за шелестомъ огромныхъ деревьевъ-великановъ, даже молніи не видно промежъ листвы... Такъ густо разросся лѣсъ дремучій, страшный...

И вдругъ слышитъ Лео, точно шумъ крыльевъ надъ его головой. Поднялъ голову, видитъ: огромная птица спускается на землю, а на ней сидитъ злой колдунъ Чуръ. Сидитъ верхомъ на птицѣ и кричитъ зычнымъ голосомъ:

— Отличный ужинъ ты приготовилъ мнѣ, Роланъ! Спасибо, Роланъ! Спасибо!

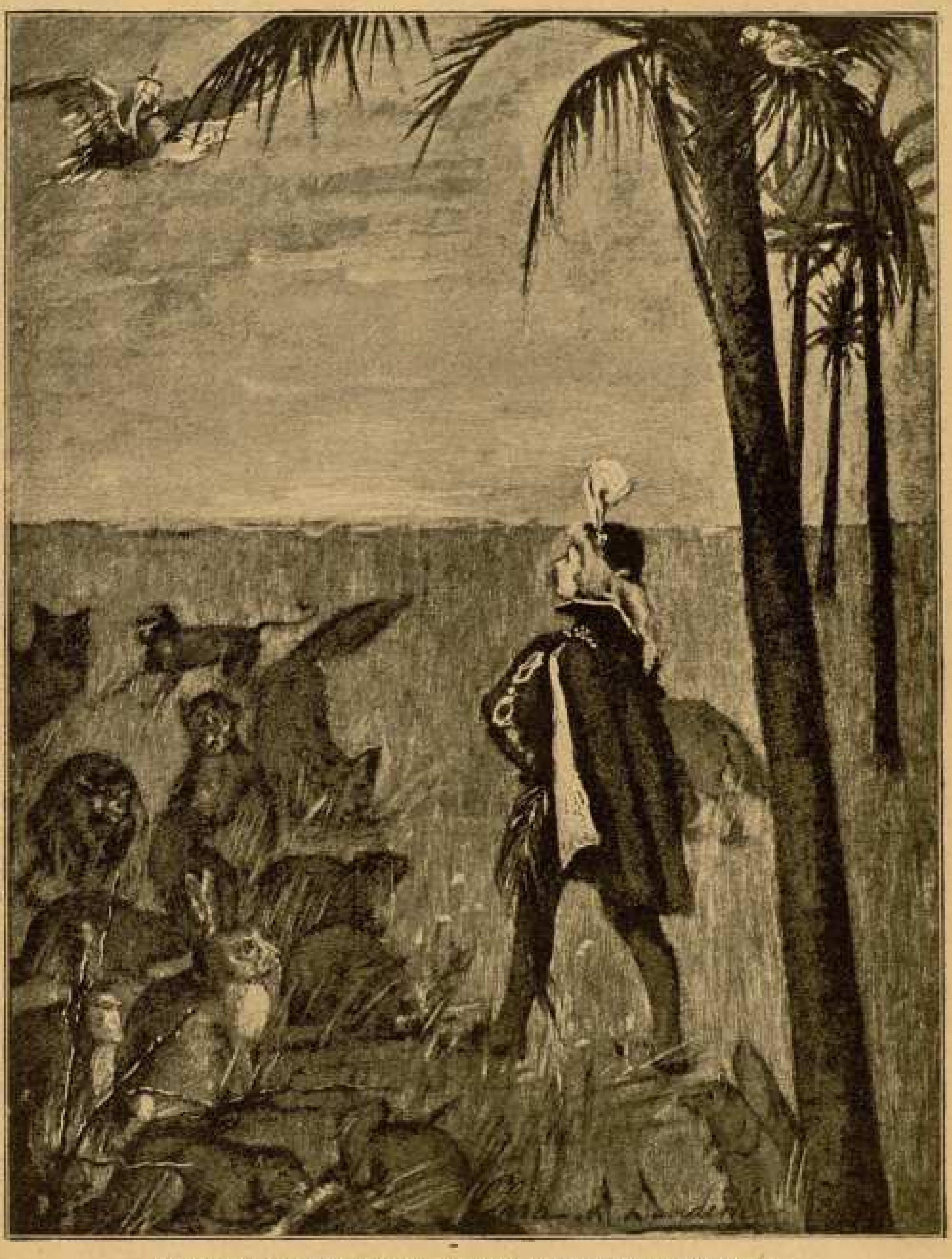
Шарахнулся въ сторону дрожащій Лео. Понялъ, о какомъ ужинѣ говоритъ ему Чуръ, да не уйти ему отъ колдуна.

Вотъ спустилась птица съ Чуромъ на землю и Чуръ уже готовился схватить своими корявыми пальцами Лео...

Замеръ въ отчаяніи и страхѣ чуть живой Лео. Но въ это время, откуда ни возьмись, огромный волкъ кинулся къ Чуру и отнялъ у него маленькаго герцогскаго сына.

— Мой лѣсъ—моя добыча!—заревѣлъ онъ на колдуна.

Въ тотъ же мигъ великанъ-птица взвилась высоко на воздухъ и умчала колдуна.

Огромная птица спускается на землю, а на ней сидитъ колдунъ...

Къ сказкѣ «ГЕРЦОГЪ НАДЪ ЗВѢРЯМИ».

Лео и волкъ остались одни.

— Откуда ты, мальчикъ? — спросилъ волкъ, оскаливая зубы.

Лео разсказалъ волку все, что съ нимъ случилось. Волкъ покачалъ своей сѣрой головой и произнесъ:

— Что есть скверные люди — это я знаю давно, но про такого, какъ твой братъ Роланъ, не слыхивалъ. Думалъ я съѣсть тебя — да нѣтъ, жаль мнѣ тебя... Очень ужъ хорошіе у тебя глаза... Покажу я тебя нашимъ звѣрямъ. Идемъ!

Пришли на звѣриную поляну. Кого, кого тутъ только не было: и барсы, и львы, и тигры, и волки, и лисицы, и зайки, и сурки, и полевыя мыши, и обезьяны, словомъ, всѣ звѣри, какіе только существуютъ на свѣтѣ. Ждали и слона, но онъ почему то не явился.

— Вотъ!—сказалъ волкъ,—смотрите, какую нашелъ я рѣдкую добычу...

Всѣ звѣри окружили Лео и стали разглядывать его. Въ этотъ мигъ лучъ мѣсяца освѣтилъ его лицо, и прекрасные глаза Лео засвѣтились двумя голубыми незабудками.

Цѣлое море чувства отразилось въ этомъ взорѣ... Вся чистая, хрустальная, добрая и честная душа Лео выглянула изъ него...

И лютые тигры, и львы, и хищные волки, и гіены, и шакалы—все это пало ницъ подъ могучимъ взоромъ Лео, и всѣ звѣри, какъ покорные рабы, улеглись у ногъ Лео, стали лизать его руки, смотрѣть на него преданными глазами и какъ собаки готовы были послѣдовать за нимъ всюду.

— Ба!—проревѣлъ левъ.—Вотъ такъ глаза у мальчишки! Въ жизни не видалъ я ничего такого!

— Вы правы, левъ, — подтвердила мартышка, — у него глаза — точно звѣзды на небѣ...

— О-о, жаль ѣсть такого мальчугана! Ужъ очень онъ хорошъ собою!—прогудѣлъ голосъ медвѣдя.

— Очаровательный мальчикъ!—дѣлая умильную рожицу, произнесла лисичка.

— Пусть остается съ нами и живетъ среди насъ,—предложилъ тигръ.

— Да, да! Пусть живетъ среди насъ. Пусть будетъ нашимъ другомъ!—закричали всѣ звѣри хоромъ и такъ громко, что чуть не оглушили Лео.

А когда Лео опять взглянулъ на звѣрей, они всѣ тѣсной толпой окружили его и, ползая у его ногъ, стали просить:

— Не уходи отъ насъ, останься жить съ нами. Будь нашимъ

герцогомъ, свѣтлоглазый *Лео*. Мы будемъ подчиняться каждому твоему слову, каждому движенію твоей руки, каждому взгляду твоихъ глазъ. Только останься съ нами! Будь нашимъ герцогомъ, маленькій *Лео*! Будь герцогомъ надъ нами, звѣрями, *Лео*!.. Ты заслужилъ, чтобы всѣ мы повиновались тебѣ, свѣтлый, благородный мальчикъ! Властвуй надъ нами, *Лео*! Мы всѣ съ радостью умремъ за тебя!

* * *

Прошло много лѣтъ... Умеръ старый герцогъ, умерла герцогиня, не осушавшая слезъ послѣ пропажи маленькаго *Лео*.

Сталъ герцогомъ Роланъ.

О маленькомъ *Лео* мало-по-малу всѣ позабыли. А маленькій *Лео* выросъ и по-прежнему повелѣвалъ звѣринымъ царствомъ. Звѣри души въ немъ не чаяли. Они безконечно любили своего герцога. И было за что любить. *Лео* былъ мудрый, справедливый и кроткій правитель. Онъ никого не оскорблялъ, не наказывалъ и жилъ со своими подданными въ согласіи и мирѣ.

Стоило звѣрямъ затѣять какую-нибудь ссору или драку, какъ мгновенно появлялся *Лео*, вскидывалъ на враждующихъ своими чудными, голубыми глазами, и все утихало, смирялось и успокаивалось въ тотъ же мигъ.

Однажды пронеслась вѣсть по всему звѣриному царству, что на сосѣднюю землю, которою правилъ герцогъ Роланъ, напали страшные темные люди...

Узналъ объ этомъ звѣриный герцогъ, и стало жаль ему своего жестокаго брата. Какъ-никакъ, родной вѣдь онъ ему по крови... И кликнулъ кличъ своимъ звѣрямъ *Лео*:

— Пойдемъ, поможемъ герцогу Ролану одолѣть его враговъ!

Зная, какъ жестоко отнесся Роланъ когда-то къ *Лео*, удивились звѣри его желанію помочь злому брату, однако, привычные подчиняться своему доброму повелителю, покорно послѣдовали за нимъ въ герцогство Ролана помогать одолѣть его враговъ...

А тамъ уже бой подходилъ къ концу. Побѣждали темные люди... Въ пухъ и прахъ были разбиты войска Ролана... Самъ Роланъ лежалъ, раненый, въ крови...

Ударилъ со своимъ звѣринымъ войскомъ на черныхъ людей *Лео*... Зарычали, заревѣли звѣри, покусали черныхъ людей, одолѣли враговъ Ролана... Выгнали ихъ изъ герцогства далеко, далеко, побитыхъ, уничтоженныхъ, пораженныхъ...

Побѣдилъ враговъ *Лео*, приблизился къ брату. А тотъ еле дышитъ уже... Увидѣлъ *Лео*, протянулъ къ нему руки, шепчетъ чуть слышно:

— Много горя причинилъ я тебѣ, *Лео*... Погубилъ я тебя изъ зависти и злобы... А ты мнѣ добромъ и лаской отплатилъ за мое зло... Простишь ли ты меня, *Лео*?

— Прощаю! Охотно прощаю тебѣ все, Роланъ!

И *Лео* обнялъ брата.

Узнали подданные Ролана, что вернулся его братъ Лео, котораго они считали давно погибшимъ, и окружили его съ торжественными криками:

— Наконецъ-то вернулся ты къ намъ! Наконецъ-то, *Лео*! Теперь ты будешь у насъ нашимъ любимымъ повелителемъ! Мы окружимъ тебя заботою и лаской, мы заставимъ позабыть тебя всѣ тѣ горести и печали, которыя тебѣ пришлось пережить въ дѣтствѣ... Да здравствуетъ *Лео*, да здравствуетъ нашъ любимый герцогъ!

Но *Лео* молчалъ... Печальными глазами смотрѣлъ онъ на людей... А за нимъ тѣснились его звѣри—понурые, грустные, исполненные тоски... Роняли тихія слезы львы, тигры, волки, медвѣди, гіены...

Рыдали навзрыдъ маленькія лисички, зайчики, сурки, мыши...

— Не уходи отъ насъ, герцогъ *Лео*, не уходи! — молили они слезно.

Зазвенѣло что-то въ сердцѣ *Лео*... Зазвенѣло, точно порвалось, и громкимъ голосомъ сказалъ онъ людямъ:

— Не оставлю своихъ звѣрей милыхъ ни за что на свѣтѣ... Пріютили они меня въ горькую минуту, дали мнѣ радость и любовь... Останусь съ ними до самой смерти!.. Вы же найдете иного герцога для себя!

Сказалъ и ушелъ снова въ дремучій лѣсъ, въ свое звѣриное герцогство *Лео* съ голубыми глазами. И хоть мучительно ему было разставаться съ людьми, ушелъ отъ нихъ къ звѣрямъ, которые согрѣли его горькую жизнь любовью, послушаніемъ, заботой и лаской...

МНОГО радостей, много счастья сѣялъ вокругъ себя ласковый и мудрый король Серебряная Борода. Хорошо и привольно жилось всѣмъ подданнымъ его королевства. Онъ много помогалъ бѣднымъ, несчастнымъ, кормилъ голодныхъ, давалъ прiютъ бездомнымъ, словомъ, помогалъ всѣмъ нуждающимся въ его помощи. И королевство Серебряной Бороды было самое счастливое королевство во всемъ мiрѣ. Такъ его и прозвали люди «Счастливымъ королевствомъ». Здѣсь не слышалось ни воплей, ни стоновъ, не видно было слезъ и печали, а ужъ о войнахъ и говорить нечего. Со всѣми своими сосѣдями жилъ въ мирѣ и согласiи мудрый, добрый и ласковый король Серебряная Борода. За то и любили же его и свои и чужiе подданные, и ближнiе, и дальнiе сосѣди, и чужестранные цари, короли, герцоги, бароны...

Особенно же собственные подданные любили короля. Ужъ очень онъ былъ заботливъ и добръ и такъ пекся объ ихъ благосостоянiи, какъ только любящiй отецъ можетъ пещись о своихъ дѣтяхъ.

Но нѣтъ полнаго счастья ни у кого на землѣ. Не было полнаго счастья и у любимаго короля Серебряной Бороды.

Одинокъ былъ король, ни семьи у него, ни жены любимой, ни любящихъ дѣтокъ—никого не было...

Много лѣтъ тому назадъ смерть унесла единственную дочь его. Близко принялъ къ сердцу король смерть своей любимицы, но думалъ, что въ заботахъ о благѣ своихъ подданныхъ забудетъ о своемъ горѣ. Однако, не тутъ то было. Съ каждымъ годомъ король чувствовалъ все

больше и больше свое одиночество и съ каждымъ же годомъ задумывался все чаще и чаще, кому оставить послѣ своей смерти королевство.

И рѣшилъ, наконецъ, король выбрать изъ дочерей своихъ подданныхъ одну, которая замѣнила бы ему умершую королевну, стала бы пріемной дочерью его, короля, которой бы онъ, послѣ своей смерти, могъ оставить и тронъ королевскій, и богатства свои.

Обрадовались подданные такому рѣшенію короля, предвидя, что выборъ его падетъ на достойную высокой чести дѣвушку.

Разлетѣлись въ разныя стороны герольды, глашатаи, вѣстники, протрубили по всей странѣ, что хочетъ-де король-батюшка дочь себѣ выбрать, которая должна стать королевною, а современемъ и королевою-повелительницею всего государства.

Въ назначенный день съѣхались въ королевскій дворецъ молодыя дѣвушки всего государства, все красавицы на подборъ, одна другой очаровательнѣе, и все дочери знатныхъ вельможъ.

Смотритъ старый король на красавицъ и думаетъ:—«Кого выбрать? Кого предпочесть? Всѣ онѣ красавицы, всѣ знатныя. Одну возьмешь въ дочери—обидится другая. Что тутъ подѣлаешь?»

Доброе сердце короля и тутъ боялось, какъ бы не огорчить кого, да не обидѣть.

Съ такими мыслями удалился въ свою опочивальню король Серебряная Борода и видитъ—стоитъ въ углу его королевской опочивальни бѣлая женщина, вся словно сотканная изъ солнечныхъ лучей. Дивно свѣтится лицо ея, станъ, одежда... Цѣлые снопы свѣта выходятъ изъ очей.

Отступилъ въ изумленіи король при видѣ лучезарнаго видѣнья. Всплеснулъ руками.

— Кто ты, невиданное существо?—спрашиваетъ онъ лучезарную гостью.

— Я добрая фея, волшебница Рада,—отвѣчаетъ она,—я узнала о томъ, что ты, король, рѣшилъ пріискать себѣ дочь, взамѣнъ умершей королевны. И вотъ я пришла, чтобы сказать тебѣ, что я хочу сдѣлать тебѣ подарокъ. Ты заслужилъ его, король, добрымъ сердцемъ и заботою о своихъ подданныхъ.

— Подарокъ?—спросилъ съ удивленіемъ король.—Что же ты, фея, намѣрена мнѣ подарить?

— Я подарю тебѣ такую дочь, что ты будешь самымъ счастливымъ отцомъ въ мірѣ, я выберу тебѣ такую дочь, что ты сразу

полюбишь ее такъ, какъ любилъ свою покойную любимицу, и пріемная твоя дочь замѣнитъ тебѣ вполнѣ потерянную королеву...

— О, фея!—воскликнулъ король.—Скажи же, которая изъ дѣвушекъ, явившихся во дворецъ, та, которую ты предназначила мнѣ въ дочери.

— Которая? Вотъ что, король, слушай внимательно: въ числѣ дѣвушекъ, которыя завтра явятся во дворецъ, будетъ одна, на плечѣ которой, какъ только переступитъ она порогъ твоего дворца, усядется бѣлая голубка. Вотъ ту, мой король, ты и сдѣлай своей дочерью. Только смотри, не ошибись...

Сказала и исчезла фея Рада изъ опочивальни короля.

Всю ночь не могъ уснуть король Серебряная Борода. Все думалъ о той дѣвушкѣ, которую обѣщала ему въ видѣ подарка дать въ дочери фея.

На утро всталъ поспѣшно, одѣлся и вышелъ въ королевскую залу, гдѣ уже ждали его собравшіяся дѣвушки.

Прошелъ король по залѣ разъ, прошелъ два, смотритъ на дѣвушекъ, свою длинную бороду поглаживаетъ и ничего не говоритъ.

Вдругъ видитъ король въ окно залы, что распахнулись ворота замка и въѣхала телѣжка въ королевскій дворъ. На телѣжкѣ уголья наложены, а телѣжку везетъ дѣвушка лѣтъ шестнадцати, худенькая, заморенная, смуглая, некрасивая, ну, словомъ, совсѣмъ, совсѣмъ дурнушка. А на плечѣ дѣвочки сидитъ бѣлая, какъ снѣгъ, голубка, сидитъ и воркуетъ человѣческимъ голосомъ:

— «Вотъ тебѣ дочь, король... Бери ее и знай, что она лучше всѣхъ этихъ красавицъ, что собрались въ твоемъ дворцѣ».

Разсердился король и, несмотря на всю свою доброту, упрекнулъ фею:

— Хорошо же ты насмѣялась надо мной, Рада, вонъ какую дурнушку выбрала мнѣ въ дочери!

А фея или, вѣрнѣе, бѣлая голубка снова заговорила ему въ отвѣтъ:

— «Постой, погоди, король. То ли еще увидишь!»

Нечего дѣлать! Велѣлъ король своимъ слугамъ взять тихонько во дворецъ дурнушку, приказалъ ей нарядиться получше и вмѣстѣ съ знатными дѣвушками-красавицами ждать въ парадномъ залѣ.

А самъ вышелъ въ садъ, не рѣшаясь сразу назвать своею дочерью такую невзрачную дѣвушку.

Вышелъ въ садъ и видитъ: у ограды сидятъ двое ребятишекъ; на нихъ ветхія платьица, старенькіе башмаки, а лица сіяющія, радостныя, точно въ великій праздникъ.

— Что же ты, фея, намѣрена мнѣ подарить?..

Къ сказкѣ «ПОДАРОКЪ ФЕИ».

— Чему вы радуетесь, дѣтки?—обратился къ нимъ король.

Дѣти никогда не видѣли короля вблизи и потому не узнали его.

— Мы ждемъ маленькую угольщицу, добрый господинъ,—отвѣчали они.—Она возитъ продавать уголь на королевскую кухню и всегда возвращается съ полными руками всякихъ сладостей, которыя даритъ ей поваръ короля. И она отдаетъ намъ все до единаго кусочка, добрая Марія.

— Неужели же она, такая бѣдная, отдаетъ вамъ все?—заинтересовался король.

— Все! Она говоритъ, что давать во сто разъ пріятнѣе, нежели получать самой,—въ одинъ голосъ отвѣчали дѣти.

Король кивнулъ головой и пошелъ дальше. У воротъ онъ увидѣлъ старую, бѣдно одѣтую женщину, которая сидѣла неподвижно, устремивъ глаза вдаль.

— Кого ты ждешь, голубушка?—обратился къ ней король, очень удивленный тѣмъ, что женщина не поднялась даже при его приближеніи со своего мѣста.

— Я жду угольщицу Марію,—отвѣчала та.—Она должна выйти скоро изъ дворца, куда повезла уголь на продажу... Сейчасъ она вернется и мы пойдемъ вмѣстѣ купить хлѣба и мяса. Она только и работаетъ на меня съ тѣхъ поръ, какъ я ослѣпла.

— Такъ ты слѣпая?—изумился король, съ состраданіемъ глядя на женщину.

— Да, добрый человѣкъ, я ослѣпла около трехъ лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ пользуюсь услугами моей Маріи, которая работаетъ за десятерыхъ, чтобы прокормить меня.

— Это дочь твоя, конечно?—живо заинтересовался король.

— О, нѣтъ, добрый человѣкъ, Марія мнѣ чужая. Она круглая сирота и пришла работать на меня, узнавъ, что собственныя дѣти бросили меня, не желая кормить подъ старость свою слѣпую мать...

— Но почему же, если ты такъ нуждаешься, почему не обратилась ты къ королю?—снова спросилъ Серебряная Борода женщину,—вѣдь король, слышно, очень охотно помогаетъ всѣмъ бѣднякамъ...

— Ахъ, добрый господинъ, я бы и обратилась къ королю, да Марія не позволяетъ мнѣ сдѣлать этого,—отвѣтила слѣпая.—Марія говоритъ, что стыдно просить тогда, когда есть еще силы работать, и что у нашего короля много такихъ бѣдныхъ, которые вдвое несчастнѣе и бѣднѣе насъ... Вотъ какова моя Марія!—съ замѣтною гордостью заключила слѣпая.

Радостнымъ чувствомъ исполнилось сердце Серебряной Бороды: онъ понялъ, про какую добрую угольщицу говорили ему дѣти и эта слѣпая.

Въ ту же минуту легкій шорохъ заставилъ его обернуться.

Это шелъ какой-то старикъ, который, не узнавая короля, спросилъ, не видалъ-ли онъ маленькой угольщицы? Король не могъ удержаться, чтобы не спросить старика, почему онъ такъ интересуется угольщицей.

— Умная она дѣвушка, очень умная,—произнесъ старикъ.—Поговорить съ ней для меня, старика, большое наслажденіе. Все то она знаетъ, всѣмъ интересуется! Трудно другую такую сыскать. Жаль, бѣдная она и незнатнаго рода. А по уму и сердцу своему лучшей заслуживаетъ доли, чѣмъ быть простой угольщицей...

Въ это время до короля донесся изъ дворца какой-то шумъ. Король подошелъ никѣмъ не замѣченный къ самому дворцу и остановился у открытаго окна зала, гдѣ находились собравшіяся дѣвушки-красавицы. Остановился и—остолбенѣлъ отъ изумленія. Куда дѣвались очаровательныя личики красавицъ? Куда исчезли нѣжныя улыбки съ ихъ розовыхъ устъ? Куда пропалъ алый румянецъ, дѣлавшій ихъ похожими на вешнія розы?

У дѣвушекъ-красавицъ были позеленѣвшія отъ злости лица, сверкающіе глаза, перекошенныя гнѣвомъ губы... Глухими голосами недавнія красавицы перекрикивали другъ друга и бранились...

Каждой изъ нихъ такъ хотѣлось быть королевной, что, позабывъ себя, онѣ старались, какъ можно сильнѣе, уколоть и оскорбить другъ друга. Зависть и злоба сдѣлали безобразными ихъ недавно еще красивыя лица...

И среди нихъ кроткая и ласковая ходила смугленькая дѣвушка, съ нѣжно зардѣвшими щеками, съ кроткою лаской въ большихъ, добрыхъ глазахъ; на плечѣ ея сидѣла голубка. Дѣвушка подходила то къ той, то къ другой злобствующей красавицѣ и съ кроткимъ терпѣніемъ умоляла успокоиться, не ссориться, покориться своей судьбѣ.

— Можно быть счастливой и полезной людямъ и не будучи королевной,—нѣжно звучалъ ея мелодичный голосъ и все, недавно еще некрасивое, лицо дѣвушки теперь чудно преобразилось, сдѣлавшись отраженіемъ ея прекрасной души.

Не вытерпѣлъ король, вошелъ въ залъ, подошелъ къ угольщицѣ Маріи, взялъ ее за руку и произнесъ громко:

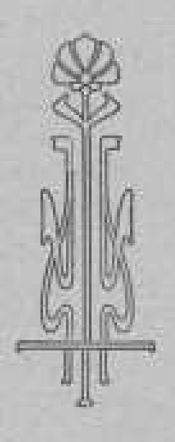
— Вотъ кто будетъ моей дочерью! Она одна достойна замѣнить

мою покойную дочь, она одна достойна стать королевной! О, фея Рада! Благодарю тебя за чудный подарокъ, за рѣдкое сердце моей милой Маріи!

Сказавъ это, низко поклонился бѣлой голубкѣ сѣдой король Серебряная Борода.

И сдѣлалась королевной маленькая угольщица. Она взяла къ себѣ во дворецъ слѣпую и заботилась о ней, какъ родная дочь, окружила себя бѣдными дѣтьми, учила ихъ и придумывала для нихъ разныя занятія и развлеченія, вызвала во дворецъ умныхъ стариковъ, съ которыми совѣтовалась, какъ бы лучше помогать королю Серебряной Бородѣ въ его добрыхъ дѣлахъ. И обо всѣхъ людяхъ пеклась и заботилась добрая королевна.

И Серебряная Борода былъ счастливъ съ нею всю свою жизнь.

ТРИ дочери было у короля Артура, три стройныя, красивыя и добрыя принцессы. Но лучше всѣхъ была старшая, веселая да радостная такая: очи—звѣздочки небесныя—такъ и искрятся, улыбка съ устъ не сходитъ, серебряный смѣхъ то и дѣло тишину и великолѣпіе огромнаго дворца оживляетъ... И всѣмъ то, глядя на веселую принцессу, весело становится. А Мира-королевна такъ и звенитъ своимъ колокольчикомъ-смѣхомъ, такъ и сіяетъ звѣздочками-очами...

Жизнь вокругъ королевны ключомъ кипитъ. Что ни вечеръ—то балъ во дворцѣ, что ни день—то королевская охота наряжается. Трубятъ рога, лаютъ собаки, веселый смѣхъ дамъ и кавалеровъ по лѣсу носится. А вечеромъ—освѣщаются роскошныя дворцовыя залы, наѣзжаютъ гости и идетъ плясъ веселый до самой утренней зари. И пуще всѣхъ пляшетъ, пуще всѣхъ за оленями да зайцами гоняется Мира-королевна. Для нея и охоты эти, и балы устраиваются. Тѣшитъ, балуетъ король Артуръ дочку свою любимую.

Но недологъ, коротокъ дѣвичій вѣкъ... Пролетѣла розовая юность незамѣтно, пришла пора замужъ выходить, и выдали принцессу Миру замужъ за короля дальней страны.

Уѣхала Мира въ царство своего мужа—и прекратились во дворцѣ короля Артура балы, прекратилось веселье, прекратились даже охоты за оленями...

Вмѣстѣ съ юной королевной уѣхали и многіе придворные сановники, которые рѣшили служить и впредь у своей королевны, въ чужой, дальней странѣ...

Счастливо зажила Мира со своимъ мужемъ, но только счастье ея недолго продолжалось: не прошло и года, какъ мужъ ея, король, на охотѣ упалъ съ лошади и убился до смерти. Овдовѣла Мира.

Народъ чужой страны, за короткое время пребыванія Миры, успѣлъ полюбить ее и пожелалъ, чтобы послѣ смерти короля она правила страной, и сталъ упрашивать Миру не уѣзжать къ отцу, а остаться на престолѣ.

Согласилась Мира, а только, видно, не по-нутру было веселому нраву королевы государственными дѣлами управлять, серьезныя думы думать, скучныя просьбы да жалобы народа выслушивать, суды судить, да засѣдать съ мудрѣйшими людьми государства. Не по душѣ такія дѣла Мирѣ... То-ли дѣло подъ лучами весенняго солнышка за прытконогимъ оленемъ гоняться, то-ли дѣло въ вихрѣ веселой пляски по нарряднымъ заламъ носиться! Жизнь безпечная, веселая, праздничная манитъ къ себѣ королеву...

Недолго погоревала Мира по смерти своего мужа. Снова начались балы да охоты. А народомъ править поставила она двухъ сановниковъ, суровыхъ нравомъ, да жестокихъ сердцемъ. Сановники были изъ другого королевства, изъ того самаго, откуда пріѣхала Мира. Народа чужой, дальней страны они не любили, какъ править этимъ народомъ не знали и заботились лишь о томъ, какъ бы все покрасивѣе въ столицѣ выглядѣло, гдѣ дворецъ королевы стоялъ, а о томъ, что дѣлалось въ деревняхъ и селахъ, голодалъ-ли, или сытъ былъ народъ,—имъ и узнать-то не хотѣлось...

И стало въ томъ королевствѣ все вкось и вкривь дѣлаться, народъ обѣднѣлъ и сталъ громко роптать да жаловаться.

Но ропотъ и жалобы народа не доходили до королевы-Миры.

Охота смѣнялась охотой, балы—балами. Весело жилось Мирѣ-королевѣ и не думала, не гадала она, какъ страдаетъ ея народъ. Спроситъ сановниковъ королева, какъ ея подданнымъ живется — одинъ отвѣтъ у ея сановниковъ на устахъ:

— Всѣ счастливы, королева, и тебя день и ночь благословляютъ...

И королева довольная, радостная продолжала веселиться и забавляться...

* * *

А народъ все чаще и чаще, все громче и громче сталъ роптать и

рѣшилъ, наконецъ, что необходимо убрать, удалить тѣхъ сановниковъ, что всю страну ввергли въ бѣду, въ несчастіе, и просить королеву на ихъ мѣсто назначить другихъ, и не изъ чужой уже страны, а изъ своихъ людей, которые народъ бы любили и знали, какъ имъ править.

Было утро раннее, майское, свѣтлое...

Солнышко грѣло, птицы весело чирикали, небо голубѣло праздничное, радостное, красивое такое. Проснулась Мира, съ веселымъ, радостнымъ сердцемъ проснулась.

Въ этотъ день былъ веселый маскарадъ назначенъ и заранѣе Мира-королева радовалась тому, какъ хороша, какъ нарядна она на немъ будетъ.

Весело прыгнула съ постели королева и видитъ—лица у ея свиты, фрейлинъ и служанокъ испуганныя, бѣлыя, какъ мѣлъ, губы дрожатъ. Въ глазахъ ужасъ написанъ.

— Королева,—шепчутъ онѣ въ страхѣ,—твои мудрые сановники прискакали и желаютъ тебя видѣть... Народъ не хочетъ имъ повиноваться больше, тебя зоветъ... шумитъ... кричитъ... Сановники не знаютъ, что дѣлать...

Взволновалась, встрепенулась Мира... Еще такого не было, чтобы народъ шумѣлъ. Все тихо у нихъ было, все спокойно.

Одѣлась Мира въ королевскія свои одежды и, въ сопровожденіи всѣхъ придворныхъ своихъ дамъ и многихъ рыцарей, которые постоянно жили во дворцѣ, спустилась по широкой лѣстницѣ, застланной коврами.

Въ нижней залѣ, у лѣстницы, уже ждутъ королеву два самыхъ важныхъ сановника.

Какъ только увидѣли они Миру, низко поклонились и сдѣлали знакъ рукою стражѣ. По этому знаку вышли изъ толпы придворныхъ два кудрявые мальчика-пажа. Они держали въ рукахъ бархатную подушку. На подушкѣ лежалъ золотой мечъ.

Мальчики-пажи преклонили колѣни и положили мечъ къ ногамъ королевы.

— Что это значитъ?—взволнованнымъ голосомъ спрашиваетъ Мира.

Тогда выступили съ низкими поклонами сановники впередъ и говорятъ:

— Народъ шумитъ... безумствуетъ, королева! Не хочетъ слушать насъ... Мы уже собрали войска, чтобы наказать непокорныхъ

На подушкѣ лежалъ золотой мечъ...

(Къ сказкѣ «МЕЧЪ КОРОЛЕВЫ».)

и тебѣ, королева, предстоитъ стать во главѣ вѣрныхъ воиновъ съ мечомъ въ рукѣ... Возьми его и поведи войска противъ непокорныхъ...

Выслушала Мира слова сановниковъ и глубоко задумалась, златокудрой головкой своей поникла, печально долу опустила затуманенные глаза и грустно, грустно стало у нея на душѣ...

Хоть и чужой ей былъ народъ, среди котораго она жила, она успѣла полюбить его... И теперь только стала раздумывать королева, какъ мало заботилась она о томъ народѣ, который такъ довѣрчиво просилъ ее остаться царствовать въ странѣ, послѣ смерти ея мужа. Только теперь вспомнила, что сама никогда не спрашивала у народа, счастливъ ли онъ, доволенъ-ли и во всемъ вѣрила своимъ сановникамъ... Неужели же ей послѣдовать теперь совѣтамъ этихъ сановниковъ и идти съ мечомъ на тѣхъ, которые ее хотѣли имѣть своей королевой?..

Нѣтъ! Нѣтъ! Никогда не быть этому! Не прольетъ она крови, хоть и чужого ей, но ввѣрившагося ея власти народа. Иначе сумѣетъ она успокоить его. Надо только узнать прежде всего, отчего волнуются, чего хотятъ ея подданные.

Двѣ сестры Миры, принцессы, которыя накануне пріѣхали къ ней въ гости, чтобы принять участіе въ веселомъ маскарадѣ, стали нашептывать королевѣ въ уши:

— Уѣдемъ, Мира, отсюда! Уѣдемъ сейчасъ обратно къ отцу! Умчимся въ родное наше королевство! Что тебѣ чужой народъ, Мира!... Не хочетъ онъ подчиняться поставленнымъ тобою сановникамъ — такъ уйди отъ него... У нашего царя-батюшки достаточно богатства, достаточно дворцовъ и тамъ ты такъ же весело жить будешь, какъ и здѣсь...

Улыбнулась Мира, покачала своей красивой головкой и отвѣтила сестрамъ:

— Не хорошій совѣтъ даете мнѣ, сестры. Разъ я стала королевой этой страны, то народъ, который здѣсь живетъ, мнѣ больше не чужой. Нѣтъ, онъ сталъ мнѣ близкимъ, роднымъ, я обязана печись о немъ, а теперь я, прежде всего, должна узнать, что стряслось, какая бѣда великая въ моемъ королевствѣ приключилась, кто тутъ правъ, кто виноватъ...

— Нѣтъ, королева, нѣтъ ужъ теперь времени разбирать, кто правъ, кто виноватъ,—встревоженно заговорили сановники.—Народъ шумитъ, бунтуетъ... Войско ждетъ... Возьми мечъ, королева, и стань во главѣ войска, пока не поздно...

— Нѣтъ, не надо мнѣ меча,—отвѣтила громко королева.

И оттолкнула отъ себя мечъ ногою, поспѣшно спустилась со ступеней лѣстницы, быстрыми шагами вышла на балконъ, оттуда въ садъ дворцовый и, приблизившись къ зеленому деревцу, росшему въ углу сада, сорвала небольшую вѣточку съ него и шепнула:

— Ты—миртовое деревцо, деревцо мира, спокойствія и дружбы! Пусть мой народъ увидитъ тебя въ моей рукѣ вмѣсто враждебнаго меча и пойметъ, что не дышитъ къ нему ненавистью и враждою Мира-королева!

И вышла съ миртовою вѣтвью къ народу...

* * *

Затихъ народъ.

Затихъ сразу, увидя свою королеву.

Надеждой и счастьемъ заблистали глаза. Привѣтственные крики огласили воздухъ. Восторженно, радостно звучали они.

— Да здравствуетъ королева!—слышалось со всѣхъ сторонъ.

А когда многотысячная толпа увидала въ рукѣ королевы миртовую вѣтку, то какъ одинъ человѣкъ упала на колѣни. Мира медленно, спокойно вошла прямо въ толпу собравшагося народа...

Ставъ въ самой серединѣ, она громко и внятно сказала, что пришла узнать, кто обидѣлъ ея любимый народъ, кто виновникъ его несчастій и чѣмъ она можетъ ему помочь. Тогда изъ толпы вышли сѣдые старики и повѣдали королевѣ всѣ горести и печали народа

Все узнала Мира. Узнала и поняла... Поняла, что притѣсняли сановники ея народъ, обижали его помимо ея воли...

И больно, и стыдно стало королевѣ. Стыдно за то, что развлеченія да празднества столько времени отъ нея драгоцѣннаго отнимали, того времени, которое она должна была посвящать народу своему.

Чѣмъ больше узнавала Мира отъ своихъ подданныхъ правду-истину, тѣмъ ярче и ярче разгоралась въ ея сердцѣ любовь къ нимъ. И тутъ же дала себѣ слово Мира-королева бросить веселье да потѣхи и всю свою жизнь отдать на служеніе своему народу...

И сдержала свое слово свято и твердо свѣтлая Мира-королева.

ОГЛАВЛЕНІЕ

II.

Виньетки работы А. Бальцера.

